

АВТОР: РАФФИ

ХЕНТ

Перевел в электронную форму: Дертлян Юрик [март 2004]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Баязет был осажден.

Тюрки, курды, цыгане, айсоры - это более чем двадцатитысячное разношерстное полчище головорезов, вперемешку с регулярным турецким войском осаждали полуразрушенный город. Охваченный пламенем, он пылал как гигантский костер. Дома армян-христиан опустели: одних истребил меч врага, другие были захвачены в плен. Уцелели лишь немногие, те, кто заблаговременно бежали в пограничный город Маку, находившийся на персидской земле.

Баязетская крепость продолжала сопротивляться. В ней укрепился небольшой русский гарнизон вместе с ополченцами - армянами и тюрками, - с отчаянием ожидая рокового конца. Крепость была обложена со всех сторон. Железное кольцо врагов, постепенно сжимаясь, грозило задуть осажденных. Всякая связь с внешним миром была прервана.

Осада началась шестого июня 1878 года и продолжалась двадцать три дня. Это было в то время, когда удача, постоянно сопутствовавшая русскому оружию в Армении, вдруг изменила ему. Местные мусульмане, вначале с такой готовностью признавшие власть русских, неожиданно восстали и присоединились к войскам Измаила-паши.

Генерал Тер-Гукасов, командующий ереванским отрядом, в это время находился между Зейдеганом и Дали-бабаем и со своим малочисленным войском отважно сражался с превосходящими силами Мухтара-паши. Он, по-видимому, не знал, какая участь постигла несчастный Баязет, оставленный им на попечении коменданта Штоквича.

Была ночь. Совсем недавно померкла луна, и густой мрак окутал землю. Казалось, и эта ночь и этот мрак были приятны осажденным, словно свет луны - любимицы вселенной - мог выдать их врагу. Однако ночная мгла не помешала неприятелю штурмовать крепость.

Баязетская крепость темным пятном смутно вырисовывалась на возвышенности. Пушечные ядра и ружейные пули градом сыпались на нее. Крепость стонала как исполинский зверь, которому наносят бесчисленные удары. Она все еще упрямо сопротивлялась року и смерти. Она была полна решимости умереть, но умереть со славой. Около тысячи русских воинов и столько же ополченцев сдерживали натиск двадцатитысячной армии Измаила-паши. Сберегая скудный запас снарядов,

осажденные редко отвечали на огонь врага.

В эту ночь в одном из ветхих строений крепости, служившем в свое время казармой и оставленном османцами в полуразрушенном виде, прямо на земле лежало множество истощенных, обессиленных людей, находившихся во власти отчаяния и ужаса.

- Каплю воды... умираю от жажды,- раздавались глухие стоны.

- Хлеба... умираю от голода,- слышалось то там, то тут.

Эти несчастные уже неделю почти не ели и не пили. Осада началась так неожиданно и стремительно, что в крепости не успели запастись продовольствием. И сейчас осажденные оказались перед лицом трех врагов: внутри цитадели им угрожали голод и жажда, а за ее стенами - огонь врага.

Начиная с восьмого июня, осажденные были лишены горячей пищи. Все обозные лошади и даже лошадь коменданта были уже съедены. Оставался только ячмень, которым кормили лошадей, но и он был на исходе. Настал день, когда солдатам выдали по восьмушке сухарей и по ложке воды. А июньская жара была невыносима. Положение раненых в лазарете было не лучше.

В крепости не было воды. Родник находился в трехстах шагах от крепостной стены, но турки отрезали к нему дорогу. Каждую ночь осажденные пытались спуститься за водой, но из двадцати-тридцати смельчаков, отважившихся на это, порой ни один не возвращался обратно.

- Хлеба... воды...- молили люди.

Но опять и опять грохотали пушки, заглушая стоны несчастных...

Это была одна из тех минут, когда человек забывает о сострадании к товарищу, забывает, потому что ничем не может помочь ему. Каждый, кто еще в силах был держаться на ногах, тревожно ожидал той решающей минуты, когда враг потоком хлынет в крепость и надо будет в руках достойно встретить смерть.

Караульные, стоя на крепостных стенах, следили через бойницы за действиями врага. Они не решались выглянуть наружу, так как со всех окружающих высот крепость беспощадно обстреливалась, и пули с жужжанием пролетали мимо них.

Видневшийся из крепости город представлял собой страшное зрелище: он был ослепительно освещен словно в честь торжественного праздника, освещены были и окрестные высоты. Это мусульмане справляли свой кровавый праздник. Ад, только ад со всеми его ужасами мог похвастаться такой жестокостью. Горели дома армян. Из окон и дверей вырывались потоки огня. Они смешивались с клубами дыма и устремляясь вверх, рассыпали искрометный дождь. Пожар быстро распространялся, охватывая весь армянский квартал. Вот уже языки пламени взметнулись над крышами домов. Падали обгорелые стропила, с треском и грохотом рушились кровли, окутывая огненным покрывалом обезумевших жителей. Окруженные стеной огня, они не находили пути к спасению. Вопли и крики несчастных сливались с гулом пожарища. Пламя, подобно гигантскому огненному дракону, кружилось и извивалось в воздухе, ярко освещая все вокруг. В зареве пожара, словно на исполинском полотне, возникали картины одна ужаснее другой.

Мусульмане резали армян... Резали всех поголовно, не щадя и тех, кому удавалось спастись от огня. Молодых девушек вытаскивали за косы из домов... Отовсюду неслись жалобные вопли... Но ни слезы, ни плач не могли смягчить сердца озверевших людей.

В резне принимали участие не только курды, но и регулярное турецкое войско и - что еще ужаснее - женщины, которые, забрав о милосердии, подобно разгневанным фуриям, выхватывали из рук обезумевших матерей маленьких детей и кидали их в огонь. Всех, кто оказывал малейшее сопротивление, рубили саблями.

Воины армяне плакали, глядя с крепостных стен на эту картину. Резня продолжалась третий день...

Совсем иные чувства испытывал стоявший возле них молодой ополченец. На его лице не видно было слез. Глаза юноши горели огнем гнева и мщениия, а сердце было переполнено ненавистью, но не к тем, кто резал и убивал,- его негодование вызывали те, кто позволял себя резать, как овец.

Смотрите, смотрите!- воскликнул он.- В этой толпе нет ни одного, кто поднял бы руку на своих убийц!.. Это способно вызвать бешенство в человеке, зажечь в нем чувство мести! Изверги поджигают дома, бросают детей в огонь, похищают женщин - и все это происходит на глазах у мужчин, которые покорно подставляют свои головы под турецкие сабли. Будьте вы прокляты! Если ты мужчина, умри в схватке с врагом!

Ты как всегда безжалостен, Вардан,- заметил ему один из товарищей.

Вардан ничего не ответил и покинул крепостную стену. Казалось, ему было невыносимо смотреть на это зрелище, которое представлялось ему позорным. “Армяне не умеют умирать с честью”, - с горечью подумал он.

В стороне, в глухом углу крепостного двора, в группе армян ополченцев шел следующий разговор.

- Если Петрос не вернется, значит в эту ночь недосчитаемся пятого...

- Да, он что-то запропал.

А ну прислушайтесь! Это его сигнал! Вы слышите - крикнула ворона?

Да, это он! Давайте спустим веревочную лестницу.

Лестницу спустили, и через несколько минут на крепостной стене появился юноша с громадным бурдюком на спине. Товарищи помогли водоносу слезть со стены. Все его стали обнимать и осыпать поцелуями. Один из ополченцев удивленно воскликнул:

- Отчего у тебя мокрое лицо, Петрос?

В это мгновение пламя пожара осветило Петроса.

Кровь!- вскрикнули все в один голос.

Беда не велика,- посмеиваясь, сказал Петрос,- сколько дней как я не умывался. Зато сегодня умылся на славу.

Петрос коротко рассказал, как он, подойдя к источнику, столкнулся с караульными, которые напали на него, но прежде чем он успел “заткнуть им глотку”, они ранили его в голову.

А куда же девались остальные?- спросили у него.

Дьявол их возьми!- воскликнул Петрос своим обычным шутливым тоном.- Можно подумать, что они сговорились именно сегодня ночью отправиться на свидание к праотцам.

Один лежал у крепостной стены; пуля, видимо, просверлила его прежде, чем он успел спуститься. Другого подстрелили на полдороги к источнику, бедняга еще дышал. Третий плашмя лежал возле родника. А в двух шагах от него несчастный Томас, зажав рукою простреленный бок, проклинал курдов. Но я не остался в долгу, отомстил за всех!..

Четверо ополченцев, о которых говорил Петрос, один за другим ушли за водой, но ни один из них не вернулся. Такие случаи были теперь нередки, поэтому рассказ Петроса не удивил его товарищей. Они даже не спешили перевязать ему рану, из которой сочилась кровь. Да и сам Петрос мало думал об этом.

- Черт бы побрал этих курдов,- продолжал он,- рыщут в темноте, как волки. Чуть услышат шорох, тут же укокошат.

Вспомнив о ране Петроса, товарищи его наконец спохватились. Они взяли бурдюк с водой, который нес спасение людям, и направились во внутренний двор крепости.

Братцы,- заявил один из ополченцев,- тюркам не следует давать воды ни капли. Шутка ли, мы сегодня потеряли четверых, а из них ни один не отважился пойти за водой.

Нет, так нельзя,- запротестовал Петрос,- им тоже надо дать.

Почему нельзя?- возразил первый.- Не они ли несколько дней назад принесли воду и выпили ее тайком от нас!

Они поступили плохо, но мы им должны показать пример солдатской дружбы.

Разговаривая, они вошли во двор казармы.

- Вода!., вода!..- раздались крики, и сразу же молодых ополченцев окружила толпа солдат.

Трудно описать ликование, охватившее людей при виде бурдюка с водой. Расталкивая друг друга, каждый норовил первым утолить жажду.

- Зажгите факел и не толпитесь: каждый получит свою долю,- сказал юноша, опуская бурдюк на землю.

Факел зажгли. Его слабый свет озарил возбужденные лица людей.

Юноша армянин взял маленький стакан и начал раздавать воду. Она была мутноватая и затхлая. Кто-то воскликнул:

Какой неприятный вкус у воды!

Пей,- сказал стоявший тут же Петрос,- разве ты не знаешь, что курды подкрашивают воду.

Как это подкрашивают?

Они подкрашивают ее нашей кровью... Вы бы поглядели, сколько трупов валяется возле источника...

Людей мутило, но жажда пересиливала, и они пили мутную воду, разбавленную человеческой кровью... Один из них даже отважился пошутить:

- Это нам на пользу, авось здоровее будем!

Вновь загремела пушечная канонада и положила конец шуткам. На крепость посыпались ядра. Одно из них взрыло землю в нескольких шагах от того места, где люди утоляли жажду, и разорвалось на множество смертоносных осколков.

В это время в одной из комнат крепости, где некогда помещался турецкий комендант, Штоквич собрал своих офицеров на военный совет. Здесь же находились начальники армянских и тюркских ополченческих дружин. Горевшая на маленьком столе лампа тускло освещала их нахмуренные и озабоченные лица.

В последние дни было получено несколько писем из неприятельского лагеря, в которых осажденным предлагали сдаться. Письма посылал закоренелый враг русских - сын известного Шамиля, генерал-лейтенант Шамиль, адъютант его высочества султана. Его последнее письмо, полное угроз и посулов, было предметом обсуждения военного совета.

Живыми мы не сдадимся,- сказал Штоквич.

Если осада продлится еще несколько дней, мы не в силах будем больше сопротивляться,- заметил один из офицеров.

- У нас безвыходное положение,- подхватил другой,- нет ни хлеба, ни военных припасов. Не пойму, почему эти глупцы курды не идут на приступ, мы не в силах защищаться!

- Да, мы поступили неблагоразумно,- со вздохом сказал один из офицеров.

Мы не в силах изменить прошлое, лучше подумаем, как быть дальше,- сказал комендант, который председательствовал на военном совете и в соответствии с законами военного времени считался командующим во время осады и имел широкие полномочия.

Живыми мы не сдадимся,- повторил он.

Если не подоспеет помощь, мы пропали,- заявил один из ханов, начальник тюркских ополченцев.

Мы больше уже не в силах ждать помощи,- возразил один из беков.- По моему мнению, надо открыть ворота крепости и попытаться прорвать вражеское кольцо, а тогда одно из двух - или свобода, или смерть.

- Последнее более вероятно,- заметил начальник армянских ополченцев,- но последствия будут ужасные. Сейчас наша крепость служит преградой продвижению турецких войск, но если мы ее сдадим, то путь башибузукам Измаила-паши будет открыт, и они через несколько дней без труда овладеют Эриванью, Нахичеванью, а возможно, пойдут и дальше. Местные мусульмане, как мне известно, с нетерпением ждут прихода этих напрошенных гостей, а армяне христиане безоружны. Для защиты нашего края оставлено небольшое войско, главные силы сосредоточены сейчас под Карсом. Пока они придут на помощь, турки всех уничтожат.

Слова армянского офицера возмутили хана, и он сердито воскликнул:

Вы подозреваете мусульман?

Мои подозрения имеют основания. Я располагаю фактами. Сейчас среди курдов, осаждающих крепость, есть много зиланцев, которые до войны были русскими подданными. А в Нахичевани какой-то полоумный мулла каждую ночь видит во сне, что скоро ислам завоеует весь этот край.

Комендант прервал спор.

Надо защищаться до последнего вздоха,- сказал он.

- Я надеюсь, что скоро подоспеет подмога. Генерал Тер-Гукасов не очень далеко от нас. Надо как можно скорее связаться с ним, и он поспешит к нам на помощь.

Но как ему дать знать?- спросили его.

Надо послать письмо.

А кто доставит его?

Надеюсь, что в крепости найдется отважный человек.

Предположим, но как он проберется, когда мы со всех сторон окружены врагом?

- Надо попытаться.

Военный совет принял решение послать письмо генералу Тер-Гукасову.

Спустя четверть часа комендант с письмом в руке вышел из комнаты в сопровождении офицеров.

Приглашенный барабанный бой собрал на площади защитников крепости. Штоквич

громко обратился к солдатам:

- Братцы, вы знаете наше положение, говорить о нем не будем. Нам остается одно - уповать на милость божью, авось она нас не покинет. Если не подоспеет подмога - мы пропали.

Надо доставить генералу Тер-Гукасову это письмо, и он не медленно двинется к нам на помощь. Надеюсь, среди вас есть храбрец, который возьмется исполнить это поручение. Я обещаю ему такую награду, которую заслуживает человек идущий на жертву ради спасения других. Так пусть же отзовется тот, кто возьмется доставить письмо.

Наступила глубокая тишина.

- Повторяю,- взволнованно продолжал комендант,- в этом письме наше спасение. Кто хочет прославиться и быть нашим спасителем?

Люди безмолвствовали.

- Неужели среди вас нет смельчака?- дрожащим голосом крикнул комендант.- Кто же возьмется доставить письмо?

Я!- раздался голос.

К коменданту подошел молодой армянин ополченец и взял у него письмо.

Этого юношу звали Варданом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наутро, когда первые лучи солнца озарили Баязет и его окрестности, взору открылось ужасное зрелище. Повсюду были видны следы резни, чинимой варварами три дня и три ночи.

В городе стояла мертвая тишина, время от времени нарушаемая зловецким карканьем ворон, которые, чуя поживу, стаями носились по улицам.

Улицы несчастного города производили жуткое впечатление. Дома превратились в развалины. Кое-где еще дымились остатки строений. Возле домов валялись трупы стариков, юношей, женщин и детей...

Над мертвым городом, в ожидании рокового дня, высилась Баязетская крепость.

Осада усиливалась. Окрестные горы, овраги, холмы, луга и поля были наводнены многочисленными отрядами башибузуков. В лагере неприятеля ни на минуту не утихали шум и суета.

Кровожадного врага обуяла алчность. Согнав в одно место богатых горожан, курды подвергали их пыткам, добиваясь признания, где у них спрятано золото. Несчастные плакали, молили, говоря, что они все отдали, что у них ничего не осталось. Но им не верили и, чтобы вырвать у них признание, на глазах у отцов убивали детей. В другом месте курды делили награбленное добро, а жены их проворно навьючивали на лошадей добычу. Тут же происходил дележ пленных. Нередко из-за красивой девушки или женщины разгорался спор, и тогда в ход шли сабли.

Дым костров, сливаясь с дымом выстрелов, застилал горизонт. Пушки оглушительно грохотали, могучие стены крепости содрогались от бомб, но она упорно стояла на высоком холме, равнодушная к ударам врага. В лагере курдов общее внимание привлекал человек, который шел, приплясывая. Хлопая в ладоши, он напевал шуточную курдскую песню:

*Обернулась ведьма-баба
Пучеглазой старой жабой.
Жаба к морю - прыг да скок,
Перерыла весь песок,
Золотой песок намыла,
На него козу купила,
Только козочка плоха,
Хромонога и глуха.
- Ой, коза, крутые рожки,
Отчего ты хромоножка?..*

- Хент!- неслись со всех сторон восклицания. Собираясь вокруг полоумного, курды требовали, чтобы он повторил песню.

И действительно, этот человек или был безумцем или же прикидывался им. Он был одет так, как у нас обычно одеваются фигляры, сопровождающие канатных плясунов. Их называют "канатными шутами", так как они паясничают и потешают зрителей возле

каната.

Человек, которого принимали за шута, был статный юноша, похожий на дикаря. На нем была нелепая войлочная шляпа, к которой были прикреплены бубенчики, звеневшие при каждом его движении. Лицо его, вымазанное сапожной ваксой, было к тому же еще разрисовано красной, синей, желтой и другими красками. Вся его одежда состояла из рваной солдатской шинели, накинута прямо на голое тело и подпоясанной куском веревки. Ноги у него были необуты.

- А ну-ка, зареви ослом! - просили его.

Шут зажимал уши, перегибался, широко раскрывал рот и начинал реветь во всю глотку. Толпа потешалась; медные монеты сыпались к нему со всех сторон. Он подбирал их, с удивлением разглядывал, а затем, швырнув на землю, говорил: "Дайте хлеба". Когда ему подавали хлеб, он торопливо запихивал в рот громадные куски и, не разжевывая, проглатывал их.

- Ты, наверное, и по-медвежьему умеешь танцевать? А ну-ка, покажи!

Шут кривлялся, ползал на четвереньках, ходил на голове и выкидывал множество нелепых шуток.

Весь день провел он в лагере курдов: паясничал, болтал по-курдски, проклинал русских, доказывал, что "гяуров" всех до одного надо вырезать. До поздней ночи не умолкал его голос. Однако на следующее утро он исчез из лагеря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Был душный и знойный полдень. В это время дня проезжие дороги обычно бывают безлюдны, - каждый старается укрыться в тени, чтоб спастись от зноя. По дороге, ведущей из Баязета в Алашкерт, шел одинокий путник. Дорога вилась между гор, она то круто шла вверх, то спускалась на дно ущелья, но путник, казалось, не чувствовал усталости. Он был босой, но шагал быстро, не останавливаясь и не глядя по сторонам, как будто что-то подгоняло его и каждая минута была ему дорога.

Путник был молод, одет он был почти так же, как вчерашний шут: прямо на голое тело была накинута рваная солдатская шинель, подпоясанная веревкой; не хватало только войлочной шляпы с бубенцами, да с лица была стерта краска. От солнечных лучей его защищала шапка, сплетенная из листьев осоки, - такие самодельные шапки носят крестьяне во время жатвы. Этот незамысловатый, дедовских времен головной убор затенял его мужественное лицо, выражавшее в этот момент тайную грусть и глубокое внутреннее волнение. Путник выглядел удрученным и опечаленным.

Вдруг до него донеслось ржанье. Он остановился и стал внимательно оглядывать местность. Ржанье повторилось. Ему показалось, что оно доносится из ближайшего оврага. Свернув с дороги, он поднялся на холм и поглядел вниз. В овраге, заросшем травой, паслась оседланная лошадь. Неподалеку виднелись заросли кустарника. Всмотревшись пристальнее, путник заметил возле кустов воткнутое в землю копьё, острие которого сверкало в солнечных лучах. "По-видимому, где-то здесь укрывается всадник, - подумал он. - Судя по всему это курд, потому что копьё и сбруя - курдские. Вероятно, он спит, так как лошадь стреножена".

Вдруг его осенила какая-то мысль, и он спустился в овраг. По дну оврага бежал маленький ручеек, по берегам которого рос густой тростник, спрятавшись в тростнике, путник стал осторожно подползать к кустам. Он полз проворно, как змея. Легкий ветерок шелестел в тростнике, заглушая шорох его движений. Все обещало удачу. Наконец путник дополз до кустов, около которых было воткнуто копьё; здесь он притаился и начал наблюдать. В нескольких шагах от себя он увидел человека, лежавшего в тени кустарника. Судя по одежде, это был курд. Спал ли он, или бодрствовал - трудно было сказать, так как он лежал спиной к путнику.

Путник продолжал наблюдать. Его крайне занимал вопрос - спит курд или нет. От волнения мысли его путались, и он не знал, на что решиться. Видимо, ему придется иметь дело с вооруженным с ног до головы противником. Сможет ли он, безоружный, одолеть его? Но время шло, и надо было принимать какое-то решение. Каждая минута была дорога... Но что предпринять, на что решиться?

Пока путник размышлял, курд вдруг поднял голову, поискал глазами лошадь и, убедившись, что она мирно пасется, снова опустил голову на хурджин¹, служивший ему подушкой. "Значит, он не спит, а если и спал, то проснулся". Путник нахмурился, ноздри у него раздулись, губы задрожали. Взглянув на копьё, он увидел, что оно находится как раз против того места, где он прятался. Это его немного успокоило, в

глазах сверкнула радость. Оружие - вот чего ему нахватало! Вдруг он одним прыжком, как пантера, выскочил из-за кустов, выхватил копье и в мгновение ока очутился перед курдом.

- Отдай оружие!- были его первые слова.

Увидев перед собой незнакомца в солдатских лохмотьях и несуразной шляпе, курд окинул его презрительным взглядом и, не меняя позы, потянулся за пистолетом. Он направил его в •лило, путнику и сказал:

- На, получай!..

Грянул выстрел, но пуля пролетела мимо.

- Негодяй, ты еще сопротивляешься!- крикнул путник и вонзил копье в горло курду. Горячая кровь хлынула из раны, голова его затряслась и запрокинулась на землю. Но курд снова приподнялся, схватился рукой за саблю, наполовину вытащил ее из ножен, но силы изменили ему, и он выпустил ее из рук,

- Собака, за что ты убил меня?- вырвался у него предсмертный возглас.

- Ты убил и ограбил многих армян... Это я у вас научился убивать! У вас научился грабить!.. Мне предстоит дальний путь, но у меня нет ни одежды, ни лошади, ни оружия, Твоя одежда, оружие и этот добрый конь, который пасется здесь, мне необходимы... Я знал, что пока ты дышишь, ты мне ничего не дашь, поэтому убил тебя... Теперь ты лишен возможности грабить Баязет, но, будь спокоен, твои братья там отлично поживились.

Но курд уже ничего не слышал, глаза его закрылись, мертвое тело распростерлось на земле.

Все это произошло в течение нескольких мгновений. Путник оттащил тело в тростник, прикрыл мертвеца своей изодранной шинелью, надел на себя его одежду, взял саблю, вскочил на резвого коня и ускакал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На другой день после описанного происшествия какой-то всадник птицей влетел в лагерь Тер-Гукасова и заявил, что привез очень важное письмо на имя генерала. Гонца провели к генеральской палатке. Дежурный офицер взял у него письмо и велел подождать у входа. В ожидании вызова всадник начал прохаживать потную лошадь. Через несколько минут его вызвали к генералу.

В палатке за столом сидел среднего роста военный, плотный, с грозным, как у льва, лицом. Это был сам Тер-Гукасов. Его седая голова была склонена над столом, где лежала кипа только что распечатанных писем. Когда вошел гонец, он взял одно из них и стал читать. Лицо его выражало беспокойство и глубокое сострадание. Обратившись к гонцу, он спросил:

- Ты армянин?

- Да, я армянин, сын священника.

Генерал бросил пронизательный взгляд на смелого юношу и продолжал допрос.

Есть ли в крепости хлеб?- спросил он.

Скоро начнут пожирать друг друга или же умрут голодной смертью...

А как с водой?

Воды нет. Чтобы достать ее, надо выйти из крепости; днем это невозможно, а вечером, как только стемнеет, за водой всякий раз отправляются десять-двадцать человек. Но курды проведали об этом и еще издали берут наших на прицел. Редко кто возвращается назад.

А как с огнестрельными припасами?

Было плохо, но один армянин, да будет благословенно его имя, нашел в крепости спрятанное турками оружие, ядра и порох. Пока обходятся этим.

- А как тебе удалось выйти из крепости?

- На рассвете я спустился по крепостной стене и направился прямо в лагерь курдов. Я провел у них целый день, потешал их песнями и плясками, выкидывал разные фокусы, повсюду побывал, все разузнал, потом распрощался с ними и ушел.

Генерал с удивлением смотрел на юношу.

В своем ли ты уме?- воскликнул он.- Быть этого не может!

Поверьте мне, ваше превосходительство,- спокойно ответил юноша,- мне всю жизнь приходится играть роль безумца... Нередко это избавляет от многих неприятностей. Вот и на этот раз, прикинувшись шутком, я пробрался в лагерь курдов.

И юноша пустился описывать свой шутовской наряд и все те уловки, с помощью

которых он проник в став врага.

На холодном лице генерала появилась легкая улыбка, и он уже более дружелюбно спросил:

А где ты раздобыл этот курдский наряд?

Бог послал. Встретил в пути одного курда и отнял у него одежду, оружие и коня, который сейчас стоит на привязи у вашей палатки.

И юноша тем же бесстрастным тоном рассказал, как он убил курда.

Ты, видно, храбрый парень,- сказал генерал и спросил озабоченно:- А какова численность курдов?

Говорят, больше двадцати тысяч, но среди них есть и другие мусульманские племена. Каждый, у кого было оружие и лошадь, спешил на осаду Баязета, и сейчас там скопилось видимо-невидимо людей. По дороге сюда мне без конца попадались все новые отряды.

- А пушки есть у них?

- Есть.

А каковы их намерения?

Они спешат захватить Баязетскую крепость, потом собираются пойти на Эривань, а через неделю рассчитывают быть уже в Тифлисе: очень уж их привлекают грузинские и армянские девушки.

Генерал слабо усмехнулся и недоверчиво спросил: - С двадцатитысячным войском они намерены идти на Тифлис? Это невероятно!

- Двадцать тысяч не мало, ваше превосходительство, если для сопротивления нет и одной тысячи солдат. Кроме того, Измаил-паша стягивает к Баязету все новые соединения. Местные мусульмане с нетерпением ждут своих единоверцев и примут их с распростертыми объятиями.

Лицо генерала омрачилось: несмотря на все свое хладнокровие, он втайне был взволнован. Приложив руку ко лбу, он потирал его, словно отгоняя мрачные мысли. После минутного раздумья он поднял голову и спросил:

А в самом Баязете ты был?

Да, но в городе не осталось в живых ни одного христианина. Стариков, старух и детей убили, молодых женщин и юношей угнали в плен, дома разграбили и сожгли. Спаслось лишь около сотни армянских семей: зная, что Баязету угрожает опасность, они еще до прихода курдов бежали в персидский пограничный город Маку. Людям этим сейчас не угрожает опасность, но все их имущество осталось в руках врага. Ах, как безжалостно поступили местные мусульмане с армянами!..

Что ты имеешь в виду?

Когда началась война и русские подошли к Баязету, местные мусульмане были сильно напуганы. Они думали, что русские придут и, так же как турки, всех вырежут и разорят.

Поэтому они все свое добро спрятали у соседей армян. "Вы христиане,- говорили они,- русские вас не тронут, наше имущество будет у вас в сохранности". А когда пришли русские, они, конечно, ничего худого не сделали ни христианам, ни мусульманам. Мусульмане успокоились и забрали назад свое имущество. Потом, когда разнесся слух о наступлении курдов, мусульмане предложили армянам: "За добро мы хотим вам воздать добром, дайте нам на сохранение ваше имущество". Армяне доверили им все, что у них было. Многие из них вместе с женами и детьми укрывались в домах у соседей мусульман. Но когда курды вошли в город, мусульмане заговорили по-другому. "Уходите из наших домов,- сказали они,- если курды узнают, что мы вас прячем, они заодно перебьют и нас". Они выдали несчастных армян врагам и завладели их имуществом. Генерал слушал молча. Юноша продолжал:

- Ах, если бы вы знали, сколько храбрецов погибло в сражении за Баязет! Как вам известно, для обороны крепости был оставлен небольшой русский гарнизон, к которому присоединились ополченцы. Штоквич, этот герой Баязета, вместе с русскими воинами защищал крепость, а ополченские дружины - город. К нам давно уже доходили слухи, что отряды курдов во главе с шейхами Джалалэددином и Ибадуллаем двигаются на Баязет. Об этом предупреждали нас ванские армяне. Мы потребовали, чтобы крепость была спешно укреплена и сплочены все

силы для отпора врагу. Однако нашлись люди, которые стали доказывать, что слухи эти ложные, что никаких мер предосторожности принимать не нужно. Чего добивались эти предатели, стремясь оставить нас неподготовленными к встрече с врагом, мне трудно сказать,- вы, конечно, со временем это выясните, генерал. Скажу только одно:

армяне всегда были и останутся верными русским.

Казалось, юноша что-то не договаривает. Генерал перебил его:

- Расскажи лучше, как вы защищали Баязет.

- Штоквич отважно сражался с курдами, но, потерпев неудачу, засел в крепости.

Часть ополченцев осталась в городе, потому что в крепости не хватало для всех места и не было провианта. Кое-кто из ополченцев тюрок бежали в Игдырь и Персию, а мы, армяне, решили умереть, но не сдавать город. Нас было немного, но горожане пожелали присоединиться к нам, - несчастные прекрасно знали, какая участь их ждет, если турки снова овладеют Баязетом. Вы ведь знаете, генерал, с какой радостью встречали армяне победоносные русские войска, когда они впервые вступили в Баязет. Это не забудут и не простят нам османы. Они будут мстить армянскому народу, который предпочитает русского орла турецкому полумесяцу...

- Ты опять уклоняешься от ответа, - перебил его генерал. - Чем же кончилось дело?

Пересилив волнение, вызванное гнетущими воспоминаниями, юноша продолжал:

- Быть может, нам вместе с горожанами и удалось бы отстоять город, но у них не было оружия. Несмотря на это, все же многие присоединились к нам. Первое время, признаться, мы бились отчаянно: наш маленький отряд сдерживал натиск превосходящих сил противника. Вместе с нами сражалось несколько сот ополченцев тюрок. Но вдруг в разгаре боя они стали покидать поле сражения и побежали. Вероятно, им не хотелось стрелять в своих единоверцев... Мы, армяне, остались одни, но продолжали упорно защищаться. Сражение продолжалось несколько часов, пока у нас не кончились огнестрельные запасы. Завязался рукопашный бой. Многие пали, часть была захвачена в плен, остальные, видя, что сопротивление бесполезно, бежали. Только тогда враг овладел городом.

- Понятно... - проговорил генерал.

Он встал, вынул из маленькой шкатулки крест и, подойдя к юноше, собственноручно повесил ему на грудь.

- Ты заслужил этот крест, - сказал генерал, - и я постараюсь выхлопотать для тебя чин и награду. Кроме того, предлагаю остаться у меня. Мне нужны такие храбрецы, как ты.

Склонив голову в знак благодарности, юноша ответил:

- Мне достаточно этого креста, генерал. Окажите мне большую милость, позвольте уехать туда, куда я намерен.

Генерал, удивленный скромностью юноши, спросил его:

- Куда ты собираешься ехать?

- Я должен спасти одну жизнь, которая мне дороже всего на свете.

- Это, видимо, твоя тайна? - добродушно спросил генерал.

- Да, это тайна моего сердца.

- В таком случае прими от меня маленький подарок, он пригодится тебе. - С этими словами генерал протянул юноше кошелек с золотыми монетами.

- Я считаю лучшей наградой то, что вы меня отпускаете, - сказал юноша, отказываясь от денег.

- Ну, иди, господь с тобой, - сказал генерал и пожал ему руку. Юноша поклонился и вышел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вернемся назад, за несколько лет до войны.

В районе Багревана, близ монастыря Сурб-Ованес (Уч-килиса), на берегу одного из верхних притоков Евфрата, находилась армянская деревня О... Она была расположена в довольно широкой долине, которую природа щедро украсила своими дарами. По обеим сторонам долины тянулись цепи гор, покрытые снегами, которые сжимали ее в своих прохладных объятиях. По дну долины, прихотливо извиваясь, катился приток Евфрата; местные жители называли его Аг-су, то есть Белая вода.

Речка была такая прозрачная, что вполне заслуживала свое название. Горы, окружавшие долину, были богаты пастбищами, и на них паслись многочисленные стада. На склонах гор и в долине, всюду, где позволяла природа, росли пшеница, ячмень и другие злаки. К каждому клочку земли здесь прикоснулась рука труженика-земледельца. Несколько деревень, утопавших в густой листве садов, издали казались зелеными островками на этой голой, безлесной равнине.

Деревня О... стояла на самом краю долины, в глубокой лощине. Дом старосты Хачо (полное имя его было Хачатур) был самым большим и считался самым богатым в

деревне. Каждое утро со двора Хачо выгоняли на пастбище около ста голов скота. Он был владельцем самых отменных в деревне коров, буйволов, быков и лошадей. Гурты его овец паслись под присмотром пастухов на окрестных горах. Хачо принадлежала деревенская маслобойня и прекрасная мельница в окрестностях деревни, жернова которой неутомимо вертели весь год.

Но опорой богатства Хачо были его семеро сыновей, на которых держалось все хозяйство.

Сыновья его были женаты, женаты были и кое-кто из внуков старосты, так что в доме было полным-полно детворы. На глазах у старика Хачо выросло многочисленное потомство, которое обитало под его кровом и составляло целый маленький мир. О семье Хачо в деревне ходила поговорка: “У Хачо столько ребят, сколько телят”.

Из семи сыновей Хачо не был женат только баловень отца Степаник, которому недавно исполнилось шестнадцать лет. Глядя на него, сразу бросалось в глаза, что он еще не достиг зрелости, присущей его возрасту, - особенно на юге, где юноши рано мужают.

Лицо у Степаника было нежное и миловидное, как у ребенка. Он чем-то напоминал юную девушку.

Каждый сын Хачо исполнял свои обязанности в хозяйстве: одни обрабатывали землю, другие заготавливали корм для скота... Исключение составлял только Степаник, которого не обременяли домашними делами. В семье он был на положении Иосифа Прекрасного, и старик-отец души в нем не чаял.

Степаник был не только красив, умен и кроток, как Иосиф Прекрасный, - он, подобно этому юному израильтянину, отличался от братьев своим нарядом: на нем всегда был одет архалук, сшитый из полосатой цветной алепской ткани, подпоясанный кирманским кушаком. Поверх кафтана он носил пурпурную суконную накидку, расшитую золотом. Шаровары у него были из тонкого ванского шелка, а ноги были обуты в эрзерумские сапожки. Голову покрывала красная феска с черной шелковой кисточкой, повязанная цветным шелковым тюрбаном. Из-под фески красивыми прядями падали на плечи каштановые волосы. Только одно отличало Степаника от Иосифа Прекрасного: Иосифу братья завидовали, а Степаника братья любили.

Издали дом старосты Хачо походил на старинный замок. Он стоял на возвышенности и был построен с таким расчетом, чтобы в нем можно было жить, не опасаясь врагов. Дом окружали массивные каменные стены, которые, образуя четырехугольник, огораживали обширный двор. Издали виднелись только четыре башни, возвышавшиеся по углам стен. Вокруг дома размещались хозяйственные постройки и навесы: здесь были овчарни, хлева, коровники, конюшни, сараи, сеновалы и амбары. Тут находились помещения, в которых жили пастухи и батраки с семьями. Все они были курды. Жены их прислуживали в доме, мужчины батрачили. Словом, здесь была как бы маленькая деревня, единственным хозяином и старшиной которой был старик Хачо.

Дом, в котором жила семья Хачо, своей неприхотливостью мало чем напоминал современные здания, на которых уже лежит отпечаток цивилизации. Он сохранял черты тех построек, в которых раньше жили целым родом, с той лишь разницей, что был сложен из кирпича.

Сыновья Хачо с женами и детьми жили в одной большой комнате, перекрытой громадными балками. Тут же разводили огонь, пекли, варили, ели и спали. В одной куче с детворой, наполнявшей дом шумом и гамом, можно было увидеть ягнят и козлят. Сюда же нередко забредали и куры. Дом напоминал Ноев ковчег, населенный различными существами.

Рядом с этой комнатой была другая, она отличалась от первой тем, что имела открытый фасад, выходивший прямо на двор. Это была галерея, в которой жили в летнее время. Дверь из галереи вела в главную комнату. К ней примыкала небольшая парадная комната, которую называли “ода”; Двери ее открывались только к приезду гостей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несмотря на простой и неприхотливый быт, жизнь в этом патриархальном доме протекала весело и в полном достатке.

Здесь трудились неутомимо и с божьей помощью благоденствовали. Амбары старика Хачо изобиловали пшеницей, мукой, маслом и вином. Из всех времен года он

умел извлечь пользу: ни в холод, ни в жару Хачо не сидел без дела.

Вот уж начал таять снег на горах, зазеленели, заулыбались поля. Пришла весна.

Напоенный благоуханием теплый воздух живит все вокруг. С гор сбегают шумливые ручейки и, плутая, растекаются по долине. Первая ласточка зовет труженика к работе. Сыновья Хачо уже приготовили плуг и соху.

Только что взошло солнце, и снежные вершины гор зарозовели под его лучами. Возвращаясь с ранней обедни, старик Хачо обращается ко всем встречным со словами: "Бог милости послал".

Сыновья его сегодня впервые должны вывести из хлевов буйволов и быков, которые, проведя всю зиму взаперти, потучнели и обленились.

Это зрелище всегда привлекает крестьян, поэтому перед домом Хачо собралась большая толпа, чтобы посмотреть, хорошо ли ухожена его скотина.

Добрый день, хозяин,- говорит один из крестьян.- Верно ли, что твои парни собираются сегодня выпустить скотину?

Да, пора, довольно держать ее взаперти. Священник дал свое благословение, сказал: "День добрый", вот я и решил ее выпустить,- говорит староста, придававший большое значение словам священника.

В это время из хлева донеслись звуки колокольчика, и толпа расступилась, давая дорогу.

- Это Чора,- раздались голоса.

Чора было прозвище самого крупного буйвола, с белой отметиной на лбу, отличавшегося необыкновенной силой.

Гигантское животное, фыркая, с ревом выскочило из хлева. Земля гудела под его ногами. Резко остановившись против ворот, буйвол поднял голову и огляделся. В то же мгновение старик Хачо впел ему в лоб яйцо. Оно треснуло и растеклось по лбу. Это делалось для того, чтобы уберечь скотину от "дурного глаза".

Чора расвирепел, мотнул головой и одним прыжком очутился перед толпой. Однако подоспевшие сыновья Хачо обрушили на строптивное животное удары тяжелых дубинок. Ослепленный ярким дневным светом после долгого пребывания в темном хлеву, Чора видел все как в тумане. Он не узнавал даже своих хозяев, кормивших его всю зиму, которым он не раз покорно лизал руки.

Буйвол в исступлении кидался то в одну, то в другую сторону. Укротить его было трудно. Со всех сторон на него сыпались удары дубинок сыновей Хачо, но, казалось, он даже не чувствовал их. Старик Хачо издали с довольной улыбкой наблюдал за этой ожесточенной схваткой, которая прославила бы даже знаменитых римских гладиаторов. У него на глазах столкнулись две силы -отвага его сыновей и ярость расвирепевшего животного. Обе эти силы имели большое значение в его хозяйстве.

А борьба все разгоралась, так как оборвалась толстая цепь вокруг шеи Чоры, на которой держался чурбан, сковывавший его движения. Подбежали крестьяне с веревками в руках, чтобы связать буйвола, но не смогли с ним справиться. Чора метался по двору, и люди в испуге шарахались от него. В этот момент отвага среднего сына Хачо спасла положение: Апо с львиной храбростью ухватил Чору за хвост. Бык и человек сделали несколько стремительных кругов. Чора пытался поднять на рога противника, но Апо, кружась вместе с ним, крепко держал его за хвост. Единорожество продолжалось несколько минут. Люди оцепенели. Животное угрожающе рычало и било ногами землю. Туча пыли укрыла противников. Наконец братьям Апо удалось опутать буйвола железными цепями. Раздались радостные возгласы. Староста подошел к сыну, поцеловал его в лоб и сказал:

- Будь благословен, сынок, ты не посрамил честь отца.

Затем он подошел к Чоре, ласково похлопал его по шее и с мягкой укоризной сказал:

- Сорванец, чего ты озорничаешь?

Но Чора был уже укрощен. Туман, застилавший ему глаза, рассеялся. Теперь он узнавал своих хозяев и, казалось, раскаивался, что вел себя так буйно. На шею ему опять накинута толстая цепь и укрепили на ней чурбан. После этого Чору погнали к речке, чтобы выкупать и освежить.

Крестьяне продолжали толпиться перед домом Хачо, в ожидании пока выведут остальных буйволов, не менее свирепых, чем Чора. Однако на этот раз сыновья Хачо были более предусмотрительны и все обошлось благополучно. Они по очереди выводили породистых, хорошо откормленных животных, каждое из которых могло бы удостоиться премии на сельскохозяйственной выставке. Старик любовался своими буйволами и разбивал чудодейственные яйца о их лбы, чтобы оградить от дурного

глаза. Кроме того, он вешал на шею животным зеленые кожаные мешочки, в которых были зашиты молитвы, написанные рукой священника.

Крестьяне, глядя на буйволов, похваливал сыновей Хачо за то, что они так хорошо смотрят за скотиной. Слыша эти похвалы, старик радовался.

Отныне им предстояло ежедневно выводить из хлева одичавших за зиму буйволов и быков и постепенно приручать их, чтобы потом выйти с ними на пахоту.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Апрель принес с собой теплые и ясные дни. На склонах гор давно уже зацвели красные, желтые и белые лилии: курдки собирали в горах букеты и выменивали их на хлеб в армянских деревнях. В этом году в горах уродилось столько грибов, спаржи и съедобных трав, что за поклажу, навьюченную на одного осла, женщины получали в обмен несколько фунтов муки.

Сыновья старика Хачо уже приступили к пахоте. На полях кипела работа. В деревне нельзя было найти ни одного праздного человека.

Было раннее утро. В доме старосты Хачо топились жаркие тониры, в которых выпекался хлеб, а в больших медных котлах и глиняных горшках варился обед. Вокруг тониров суетились невестки и служанки. В доме стоял густой, ароматный запах пищи; постороннему наблюдателю могло показаться, что тут готовят на целый легион. И верно: кроме своей семьи, старик Хачо кормил всех своих пастухов и батраков вместе с их семьями. Ежедневно разжигались тониры и готовилось громадное количество еды. Трудлюбивые невестки Хачо не знали ни минуты покоя: они должны были вовремя обо всем позаботиться и всем угодить.

Вот одна из снох во дворе доит корову и овец, другая греет на огне молоко, чтобы заквасить простоквашу, третья готовит сыр, четвертая сбивает масло. Вокруг бегают дети, играют в телята и ягнятами, словом - деревенская идиллия.

На восточной стороне двора вдоль ограды выстроились рядами пчелиные ульи. Их несколько сот. Апрельское солнце бросает сюда свои теплые лучи. Старик Хачо открывает дверцы ульев. Пчелы веселым роем вылетают из ульев и с жужжаньем вьются вокруг его седой головы. Есть среди них и такие проказницы, которые кусают морщинистое лицо старика Хачо, но он не чувствует боли и, отмахиваясь от них рукой, приговаривает: "Ах вы черти, что вам плохого сделал Хачо!"

Стоя чуть поодаль, Степаник наблюдает за отцом.

- Уйди, сынок, тебя искушают пчелы,- предостерегает его отец.

- Тебя же они не кусают!

- Кусают и меня, но мне не больно.

- А почему?

- Мое тело давно привыкло к их жалю.

Пусть привыкнет и мое,- смеется юноша.

Хачо с улыбкой целует сына.

В это время появился сельский посыльный и сообщил, что прибыл гонец Фатах-бека с известием, что бек собирается пожаловать в гости к старосте.

- Он будет с минуты на минуту,- добавил посыльный,- так как охотится в ближайших горах.

При этом известии лицо старика Хачо омрачилось, радость померкла в его глазах. Подавив неприятное чувство, он попросил посыльного известить об этом его сыновей, работавших в поле, а сам отправился проверить запасы сена.

Приезд Фатах-бека в дом Хачо не был в диковинку, поэтому невестки старика уже знали, как надо принимать этого почетного гостя. Услышав, что приезжает бек, они тотчас велели заколоть несколько овец и стали варить плов, так как бек никогда не являлся без свиты.

Фатах-бек был главарем соседнего курдского племени, которое пасло свои отары в окрестных горах. Между армянскими и курдскими пастухами нередко происходили стычки: курды крали овец или перегоняли свои гурты на армянские пастбища. Но обычно противники скоро мирились, так как Фатах-бек и Хачо были не только добрыми приятелями, но и кумовьями. Между армянским старостой и курдским беком были давние связи.

Почему же Хачо так огорчила весть о приезде бека? Скупым его нельзя было назвать, вряд ли его могла напугать мысль принять и накормить целую орду гостей: двери его дома, как у отца Авраама, были открыты для всех. Странники и чужеземцы

всегда находили в его доме приют. Хачо любил повторять, что никогда не садится за стол без гостя. "Хлеб - божий дар, бог нам велел кормить нищих - они божьи люди", - говорил он. Почему же его так огорчила весть о приезде бека?

Погруженный в раздумье, Хачо вышел за ворота дома и стал поджидать бека. Завидя старшину, несколько крестьян подошли к нему.

- Говорят, что приезжает бек,- сказал один из них, какая нелегкая его сюда несет?

- Курд неспроста является в дом армянина,- хмуро ответил староста.

Над холмами сверкнули острия пик, и через несколько минут показалась группа всадников.

- Едут!- воскликнул кто-то.

Хачо поглядел в ту сторону, но ничего не увидел: ему мешала близорукость.

- Это они,- подтвердил кто-то.

- Братцы,- обратился староста к крестьянам.- Побудьте здесь, пока не придут мои сыновья, и задайте корм лошадям. Подъехал бек, сопровождаемый целой сворой охотничьих собак и более чем двадцатью всадниками, своими родичами, состоявшими при нем телохранителями. Он сидел на красивом арабском скакуне, сбруя которого была усыпана серебром и цветными камнями. Беку было за сорок, но на вид ему можно было дать не больше тридцати. Это был статный мужчина богатырского сложения, с мужественным, выразительным лицом. На нем была одежда из дорогого виссона и тафты, расшитая золотом. Оружие у него было в золотой и серебряной оправе. Пройдя несколько шагов навстречу беку, староста остановился на берегу рва, через который был перекинут мост. Но бек, вместо того чтобы проехать по мосту, подстегнул коня и птицей перелетел через ров. Ловко прогарцевав, он кичливо остановился перед старостой.

Ну, кум Хачо, как тебе нравится мой скакун?- спросил он, поглаживая жеребца по гриве.- Ты знаешь толк в лошадях.

Не правда ли, добрый конь?

Красавец конь, под стать тебе,- сохрани бог, чтоб не сглазить! Даже у Кер-оглы не было такого коня,- ответил староста и, подойдя к лошади, потрепал ее по шее.- Откуда он у тебя?

Это подарок эрзерумского вали,- весело ответил бек.

Он берег его пуще глаза, но не пожалел для друга. Сам он получил его в дар от алепского шейха.

Красавец конь,- подтвердил староста.

Бек, воодушевленный похвалой, подстегнул скакуна, галопом проскакал несколько кругов и остановил его возле ворот. В движениях и повадках животного чувствовалась порода и мастерство того, кто его обуздал.

Бек спешил, передал повод одному из слуг и приказал позаботиться о разгоряченной лошади.

Староста повел гостей в ода, тщательно убранную для приема бека. Пол в ней был устлан дорогим персидским ковром, вдоль стен на ковре лежали в ряд мягкие подушки.

Соблюдая правила гостеприимства, староста учтиво обратился к гостям:

- Мой дон - ваш дом, я- ваш покорный слуга, располагайте мной. Мои сыновья - ваши рабы, а невестки - ваши служанки. Добро пожаловать, тысячу раз добро пожаловать! Все, что есть у меня,- ваше. Приказывайте, я готов вам служить.

Прошу вас, садитесь.

Бек поблагодарил. Один из сыновей Хачо, подойдя к нему, снял с него красные сапожки. Бек сел на приготовленную для него подушку на самом почетном месте. Рядом с ним сели два его двоюродных брата и другие родственники. Часть слуг осталась стоять в покорном ожидании, положив руки на рукоятки кинжалов, заткнутые за кушаки. Остальные вышли во двор, чтобы позаботиться о собаках и лошадях.

И бек и его слуги, кроме кинжалов, были вооружены саблями, пистолетами, ружьями и луками, хотя они приехали в гости. Курд и у себя дома, и на улице даже в мирное время не расстаётся с оружием. Ни сам Хачо, ни его сыновья, вернувшиеся с поля и помогавшие отцу принимать гостей, не имели при себе оружия.

Прежде всего гостям подали черный кофе в красных маленьких чашечках.

- А где же Степаник, что-то его не видно?- спросил бек.-Я привык в этом доме принимать кофе из его рук.

Староста, скрывая неудовольствие, велел позвать Степаника.

Тот немедленно явился. Его простодушное лицо сияло улыбкой. Подойдя к беку, он поцеловал ему руку (этот обычай ввели курдские беки). Погладив шелковистые волосы

юноши, бек сказал:

- Ты видел, какую хорошую штучку я тебе привез?
- Видел,- краснея, ответил Степаник,- вы привезли мне красивую козулю. Я хотел накормить ее, но она не стала есть траву.
- Поглядите-ка, он уже завладел подарком,- засмеялся бек, обращаясь к Хачо.
- Я знал, что вы ее привезли для меня, потому и взял, смущенно заметил Степаник.
- Ну иди, поиграй со своей козулей,- сказал бек.

Юноша поклонился и ушел.

- Смекалистый у вас сынок,- похвалил бек,- мне кажется, что ему приятно получать от меня подарки.

- К сожалению, вы сами его к этому приучили,- с принужденной улыбкой сказал староста.

- Ах, как хороши ваши горы, кум Хачо,- перевел разговор бек,- на каждом шагу попадаете дичь: олени, лани и серны бродят целыми стадами, а куропаткам и диким голубям нет числа. Ту самую козулю, которую я подарил Степанику, поймали мои борзые. Если б вы знали, какие превосходные у меня борзые! Это дар зиланцинского бека. Взамен я послал ему двух мулов, хотя, говоря между нами, этих мулов мы отняли у паломников, направлявшихся в Мекку. Но борзые у меня превосходные. Они мчатся быстрее человеческой мысли.

Разговор бека шел о собаках, охоте, лошадях и всевозможных разбойничьих подвигах, о которых он рассказывал с явным удовольствием. Хотя старика Хачо и тяготила его болтовня, но из приличия он время от времени вставлял слово в разговор.

Подшло обеденное время. На ковер расстелили скатерть и на нее поставили огромные блюда с пловом и целиком зажаренными барашками. Подали кувшины, наполненные всевозможными шербетами и похлебкой из молочной сыворотки, которую пьют ковшиками. Спиртных напитков не было. Стали обедать.

- Вы своих овец еще не выгнали на пастбища?- спросил бек у старосты.
- Нет еще,- ответил старик,- погода может подвести апрель месяц шальной.
- Тепло и холод - все в руках божьих, кум Хачо, чему быть, того не миновать,- сказал бек.- А наши овцы вот уже больше недели как на полях. В этом году у нас что-то очень рано кончились запасы: пастухи уже несколько дней сидят без хлеба.

Староста, понимая, к чему клонит бек, сказал:

- Разве наш хлеб - не ваш хлеб? Прикажите, и я дам вам муки сколько угодно.
- Да будет твой дом полной чашей,- ответил бек,- конечно, это так. Разве мы не кумовья? Все мое - твое, а твое - мое. Не так ли, Хачо?
- Бог свидетель, что это так... Сколько нужно муки?
- Покуда хватит десять мешков, а там видно будет! Ведь ваши амбары не опустеют. Принужденно улыбаясь, староста кивнул головой.

Когда покончили с едой, Степаник принес воду для омовения рук. После этого он подал кофе. Бек приказал стоявшим в ожидании слугам отправиться во двор, где для них были разостланы паласы и подан обед.

Разговор снова зашел о подарке эрзерумского вали. Бек расхваливал породистого скакуна, уверяя, что его родословная ведется со времени Антара; по его словам, лошадь была лучших арабских кровей.

- Но этот прекрасный подарок обойдется мне слишком дорого,- сказал он в заключение.

- Почему?- удивился староста.
- Неужели тебе непонятно, что я должен щедро наградить того, кто доставил мне этого коня? Мне нужно не меньше ста золотых.

Староста теперь понял с какой целью пожаловал к нему бек. Не подавая виду, Хачо сказал:

- Ну что ж, лошадь стоит того.
- Да, но откуда у меня деньги?- сердито воскликнул бек.- Золото водится только у армян, будь оно проклято!

Родственники бека, до того хранившие молчание, вмешались в разговор. Один из них сказал:

- Не горюйте, бек. Не было случая, чтобы кум Хачо не выручил вас.
- Бог свидетель, что это так,- поддержал другой.
- Кум Хачо хороший человек,- добавил третий,- другого такого среди армян нет.

Старик Хачо видел, что его хотят заставить оплатить долг бека. Подавив досаду, он сказал:

- Я не допущу, чтобы бек огорчился из-за ста червонцев.
 - Да будет изобильным твой дом! - в один голос воскликнули курды.
 Староста встал и, выйдя из комнаты, позвал старшего сына; он велел ему незаметно сходить на гумно, где было спрятано золото, и принести сто червонцев.
 - Для чего? - изумился сын.
 - Ты забыл, что, накормив и напоив курда, надо дать ему еще в зубы “дишкираси”, - с грустью ответил отец.
 - Будь они прокляты! - выбранился сын и, взяв корзину, пошел в сарай, делая вид, что идет за соломой.
 “Дишкираси” означало “дань за зубы”, - такую дань курды когда-то взимали за то, что оказывали честь армянину, посетив его дом и отведав его хлеба-соли. Хозяин дома, угостив незваных гостей, должен был еще откупиться от них, иначе ему грозила расправа. Хотя обычай этот почти исчез, курды все еще ухитрялись получать золото, пуская в ход более тонкие уловки.
 Когда старик вышел, бек злобно сказал:
 - Если он не принесет золота, я велю спалить его дом!
 - Не следует этого делать, - вступился за старосту один из родственников бека, - Хачо добрый армянин, зачем его обижать! Двери его дома всегда открыты для нас, чего ни пожелаем - ни в чем не отказывает.
 В этот момент вошел Хачо и, положив перед беком кошелек, сказал:
 - Бог свидетель, эти деньги я берег для спасения души, хотел совершить паломничество в Иерусалим, но разве я могу отказать вам?
 - Не приbedняйся, кум Хачо. Я знаю, у тебя много золота”, сказал бек и небрежно сунул кошелек в карман.
 Наступил прохладный вечер. Бек приказал седлать лошадей. Выйдя во двор, он стал прогуливаться со старостой. При виде Степаника, игравшего с козулей, бек подошел к нему.
 - Ну как, нравится тебе козуля? - спросил он юношу.
 - Очень, только у нее поранена ножка! Видно ее искусили собаки. Но ничего, я залечу ей рану. Бедняжке больно, поэтому она ничего не ест, - ответил Степаник, перевязывая козуле ногу.
 - Я вижу, Степаник, что ты очень любишь животных! Я пришлю тебе жеребенка.
 - Я не люблю лошадей.
 - А кого же ты любишь?
 - Козуль, оленей, куропаток.
 - Хорошо, вот поеду на охоту - постараюсь поймать для тебя оленя.
 Слуги доложили, что лошади поданы.
 Поблагодарив старосту за гостеприимство, бек направился к воротам, где его ожидал красавец конь. В знак особого уважения старик Хачо придержал рукой стремя и подсадил гостя. Погарцевав перед воротами с копьём в руке, бек простился со старостой и уехал.
 Старик долго смотрел ему вслед. Он видел, как бек, подстегнув коня, опять птицей перелетел через ров, видимо считая, что такому лихому наезднику, как он, не пристало пользоваться мостом. В этот момент из кустов выскочил заяц; бек мгновенно настиг его и пронзил копьём. Провожая гостя глазами, староста думал: “Почему так несправедливо устроен мир? У курда нет хлеба... Армянин пашет, сеет, жнет и отдает ему свой хлеб... Курд получает в подарок породистого коня, весело гарцует на нем, армянин платит за него... а сам довольствуется мулом...”

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Староста Хачо вместе с сыновьями сидел за вечерней трапезой. Тускло светила горевшая в углу лампадка. Ужинали молча.

За окном благоухала весна, издали доносилось блеяние овец, возвращавшихся с пастбищ.

Возле тониров суетились снохи, готовили ужин для пастухов и батраков. Им полагалось накормить в первую очередь мужчин, а потом уже самим вместе с девушками сесть за трапезу. Маленькие дети, набегавшись за день, крепко спали.

После ужина сыновья старика отправились по своим делам. Надо было присмотреть за скотиной, напоить поля водой, - в этот вечер подошла их очередь, - сходить на мельницу, перемолоть зерно, - словом, предстояло сделать тысячу дел.

Со стола убрали. Хачо сидел задумавшись. Он остался вдвоем со своим старшим

сыном Айрапетом, который молча набивал ему чубук.

Казалось, печальный демон осенил в этот вечер кровлю их дома своим черным крылом.

- Сколько мешков забрали курды?- спросил отец, дымя чубуком.

- Двенадцать,- с досадой ответил сын.- Эти окаянные запаслись большими мешками и набили их доверху мукой, словно расплачивались наличными.

- На чьих быках увезли?

- На наших. Дай бог, чтобы вернули хотя бы быков! Боюсь, что мы их больше не увидим.

- Бек не допустит этого.

- Э, да разве есть у курдов совесть! Сколько раз у нас вместе с поклажей исчезали и быки. По правде говоря, я сожалею не столько о ста червонцах и двенадцати мешках муки - меня огорчает другое. Почему они даром едят наш хлеб? Прямо божье наказание! Не знаю, до каких пор они будут нас обирать! Приходят, берут все, что хотят, а попробуй получи с них обратно.

Постоянно требуют то одно, то другое,- ни стыда у них нет, ни совести. Словно мы для того и существуем, чтобы кормить их!

- А ты разве не знал, что это так?- ответил старик, глубоко затаившись, словно желая заглушить свою досаду”

Что поделаешь, сынок, ведь если мы не дадим добровольно, возьмут силой. Спасибо еще, что, обирая нас, прикидываются друзьями.

- Мы сами этому потворствуем,- ответил сын.- Отказали бы разок-другой, поневоле им пришлось бы самим пахать и сеять и в поте лица добывать свой хлеб. Однако мы сами учим их разбою и лени.

- Ты прав,- с грустью произнес отец,- но нам очень трудно сразу искоренить то, что узаконили наши деды. Мы пожинаем горькие плоды их недомыслия. Послушай, сын мой, я понимаю, что в сердце твоём кипит гнев, что ты ненавидишь рабство, но я спрашиваю тебя: какой у нас выход? Если мы им откажем - разгорится вражда; подумай сам, что будет, если они угонят всех наших овец. Кому мы пойдем жаловаться, кто нас защитит? Те, кому надлежит пресекать зло и наказывать беззаконие, сами разбойники - начиная с вали и кончая уездным начальником. Все они одного поля ягоды; недаром говорится: “Собака собаке родня”. Ты же видел своими глазами, что эрзерумский вали, вместо того чтобы заковать в кандалы Фатах-бека, этого отъявленного разбойника, и отправить его на виселицу, посылает ему в подарок прекрасного коня и одаривает этого лиходея, который залил наш край слезами и кровью.

Если так поступает правитель, у кого нам искать защиты, кому жаловаться? Остается только уповать на бога, но он не внемлет нашим молитвам, видно грешны мы очень...

Сын молча слушал. Старик продолжал:

- Бог отступился от нас. Мы собственными руками разоряем свой отчий дом: разобщенность, междоусобицы, зависть, вражда и тысяча других зол прочно свили гнездо в наших сердцах, и вот бог карает нас за это. Если бы между нами были единение, согласие и любовь, курды были бы нам не страшны.

Старик попросил разжечь ему чубук. Исполнив его просьбу, сын сказал:

- Нас семеро братьев, отец, и если бы ты сегодня подал знак, нам ничего не стоило вышвырнуть отсюда Фатах-бека с его тридцатью всадниками, и в другой раз эти наглецы не осмелились бы переступить порог нашего дома.

- Я знаю это, сынок. Но что толку? Положим, во время схватки вы убьете одного, двух или даже нескольких человек, а завтра все племя нападет на нас и сровняет с землей наш дом. Кто из наших односельчан придет к нам на помощь? Никто.

Пожалуй, кое-кто и обрадуется! Таковы армяне! А курды поступают иначе: за кровь одного мстит все племя, потому что они крепко стоят друг за друга, словно члены одной семьи. А меж нами нет единения. Каждый думает только о себе, а что будет с другим - ему безразлично, лишь бы его не трогали.

Не понимают глупцы, что “один за всех и все за одного”.

Хачо нигде не учился, но жизненный опыт не только многому научил его, но и развил его природный ум, и он нередко высказывал такие мудрые мысли, что они могли быть под силу человеку, глубоко и всесторонне изучившему жизнь.

Старик продолжал:

- Обстоятельства сложились так, что мы вынуждены кормить своего недруга,- иного способа выжить у нас нет. Приходится водить дружбу с тем, кто тебя обирает. Фатах-

бек прекрасно это понимает, он знает, что мы не посмеем отвергнуть его притворную дружбу.

- Почему же?- спросил сын.

- Потому что, находясь под покровительством крупного грабителя, мы тем самым избавляем себя от мелких грабителей. Они все между собой связаны. Зная, что у нас с Фатах-беком добрые отношения, курды не трогают наших овец, наш скот и наш урожай, а если порой что-то украдут, бек заставляет вернуть похищенное.

- А что толку?- возразил сын.- Бек “дает яичко, а берет лошадь”. Он не разрешает курдам красть у нас овец, а сам, когда понадобится, без стеснения берет у нас золото. Мы для него дойные коровы, поэтому-то он и оберегает нас, чтобы получать удой.

- Яс тобой согласен, сынок, но что поделаешь если деды приучили нас таким путем спасать свои головы! Я, конечно, книги читал, но один монах, живший в Учкилиссском монастыре говорил мне, что всякий раз, когда нашей стране угрожала опасность армяне встречали врага не с оружием в руках, а с богатыми дарами, с подносами, полными золота. Деды научили нас не воевать с врагом, а подкупать его, научили во имя жизни отдавать врагу свое имущество.

- Нет необходимости повторять ошибки наших дедов, - прервал отца Айрапет.

- Ошибки прошлого трудно сразу исправить, на это потребуются сотни лет.

Попробуй убедить народ, что с врагом надо вести себя иначе, что он так же уязвим, как и мы, что тело у него не из железа, что когда он, вооруженный до зубов, приходит грабить нас, - мы должны защищаться с оружием в руках. Прочти хоть тысячу таких проповедей, все равно тебя никто не поймет сочтут полоумным и высмеют.

Сын не возражал, чувствуя; что отец во многом прав, но он все же Думал, нельзя ли найти способ, чтобы сломить это предубеждение народа. Поэтому он сказал:

- Хорошо, допустим мы идем по пути, по которому шли наши деды. Но ведь этот путь ведет нас к гибели, неужели нельзя вернуть с него и убедить народ, что он заблуждается?

- Можно но кто возьмется за это? Этим должны заниматься люди, чья обязанность направлять народ, внушать ему чувство долга и направлять его по верному пути. Это дело наших духовных пастырей-священников и епископов, но. они проповедуют другое: “Если тебя ударят в правую щеку, подставь левую”, этим могли бы заниматься и учителя, но в нашем уезде нет ни одного порядочного учителя.

- Я не могу согласиться с тобой, отец, - сказал Айрапет. - Ответь мне, почему курд, не имея ни священников, ни епископов, ни учителей, умеет постоять за себя? Кто внушил ему, что безоружный человек подобен слепой курице, которую может обидеть любой?

- Ты прав, у курда нет ни епископов, ни священников, ни учителей, но зато у него есть шейхи. Шейх хоть и священное лицо но он всегда имеет при себе оружие и вместе со своим племенем участвует в разбоях, он не проповедует, что грабить грешно, как это делают наши священники.

Сын слушал молча, а старик продолжал:

- Во всех этих несчастьях меня утешает одно: сколько бы нас ни обирали, сколько бы ни разоряли - наши амбары полны, а курд сидит без хлеба.

- Отец, ты знаешь поговорку: “Вор не скотит дома, а чужой растрясет”. Курд не пашет, не сеет, не жнет, у него нет хлеба, он голодает, но, отнимая хлеб у армянина, он и его обрекает на голод. Не бери в пример нашу семью, отец. Подумай, сколько армянских семей сидят без куска хлеба по вине курдов.

- Ты прав, сын, но не забывай и другое. Сколько бы мы ни резали овец, сколько бы их ни гибло, они легко размножаются и образуют многочисленные гурты, а волки, преследуя и пожирая овец, никогда не бывают сыты и плохо размножаются. Волк - это хищник: сегодня он задрал овцу, сожрал ее, насытился, а завтра он опять рыщет голодный. Он живет только охотой, а охота не всегда бывает удачной. Так и человек, живущий охотой,- сегодня сыт, а завтра голоден. И среди людей есть волки и овцы.

Так старик объяснял своими словами то, что в науке называется “борьбой за существование”. На это сын возразил:

- Я думаю, отец, что, если бы овец не охраняли пастухи, волки давно бы их всех задрали. Мы овцы, но у нас нет пастуха. Остается одно - отрастить волчьих клыки...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В стороне от дороги, ведущей из Эрзерума в Баязет, которая является единственным караванным путем в Персию, в глухом ущелье, на живописной зеленой поляне раскинулись шатры большого курдского племени. Табуны лошадей, стада овец и коров, которые паслись на близлежащих склонах, говорили о том, что это многочисленное пастушеское племя благоденствует.

Было уже совсем темно, когда Фатах-бек, глава этого племени, возвращаясь от старика Хачо, подъехал к ущелью со своим отрядом. В ночной мгле кое-где пылали костры; на них подогревалось молоко и варилась еда. Заслышав конский топот, собаки подняли разноголосый лай; послышалась протяжная переключка пастухов, оповещавших друг друга о приближении всадников.

Из отряда бека им откликнулись, и пастухи, узнав знакомые голоса, сразу же успокоились. Бек направил свою лошадь к тому шатру, где помещался его гость - посланец эрзерумского вали. Это был пожилой турецкий чиновник, искусный в разного рода плутнях. Одно время он был мудиром в Ванском краю, но за беззастенчивое взяточничество был удален оттуда.

- Долго же вы заставили меня ждать,- сказал мудир, вставая с места при виде входившего бека,- я надеялся сегодня вечером распрощаться с вами.

- Клянусь головой шейха, вы очень нетерпеливый человек, - засмеялся бек,- я, право, удивляюсь, как вы усидели девять месяцев в утробе матери. Я еще не успел насладиться вашим обществом, а вы хотите покинуть нас? Неужели вам так надоело мое кочевье?

- Нисколько, я очень приятно провел время, и если бы у меня была надежда попасть в рай - на что я не надеюсь,- я бы пожелал, чтобы этот рай был здесь. И все же я прошу вас рано утром отправить меня.

- Ладно, ладно, я знаком с характером османцев: они привыкли жить в своих зловонных городах и, развалившись на мягких подушках, с утра до вечера потягивать нарگیле и попивать кофе. Наша пустыня, конечно, малопривлекательное место для вас. Признаться, я виноват, что не смог развлечь вас, но что поделаешь! Охоту вы не любите, верховую езду тоже, а в горах других развлечений нет.

Мудир с обычной турецкой любезностью ответил:

- Свет ваших очей мне дороже всяких развлечений. Я счастлив тем, что удостоился чести лицезреть вас. Но посудите сами, бек, ваш покорный слуга - человек зависимый, он не принадлежит себе. А вали приказал мне не задерживаться больше десяти дней.

- Я напишу вали и возьму всю вину на себя. Вы же знаете, что он считается со мной.

- Я знаю, что вы ему дороже глаз, ваше слово имеет для него цену жемчуга, он постоянно говорит, что среди предводителей племен нет вам равного, что вы преданно служите султану.

Вали уже представил вас к ордену Меджидие первой степени.

На мужественном лице бека появилась пренебрежительная улыбка.

- Я не люблю орденов и прочих побрякушек. Они больше к лицу женщинам.

- А что же вы любите?

- Золотые монеты.

- Они будут у вас, бек, вали к вам очень благоволит. Видите, он назначил вам жалованье, которое вы будете получать от казны за охрану границ и управление этим краем. Он удовлетворил вашу просьбу о том, чтобы здесь не было ни мудира, ни уездного начальника, и доверил вам всю полноту власти. В конце концов он всегда удовлетворял все ваши просьбы и никогда не пренебрегал вашими советами.

- Я благодарен вали.

Пока они так беседовали, слуги бека, сидя на земле возле шатра, вели совсем другие разговоры. Каждый рассказывал о своих подвигах; вспоминал, скольких он убил и ограбил, сколько похитил женщин...

- Осман украл столько овец, сколько у него волос на голове,- сказал Омар.

- А ты тоже хорош,- обиделся Осман,- ты похитил столько армянских девушек, сколько я овец.

- Шабан не жалуется армянок, он говорит, что они слишком плаксивые,- подхватил третий.

- Это правда,- подтвердил Шабан,- до этих девчонок нельзя дотронуться, они как стеклышки, того и гляди разобьются. То ли дело наши девушки: крепки, как кремь,- брось их хоть в лапы зверю, они не заплачут, клянусь аллахом. Я не терплю женских слез.

- Это еще полбеда,- вмешался пожилой курд,- плохо то, что проклятые гяурки

слишком преданны своей вере. Как вам известно, у меня в доме три гяурки, и, откровенно говоря, я не так уж часто их бью, - и все же замечаю, что они тайком молятся. Одно только хорошо, что они работают как буйволицы, и не такие сони, как наши женщины.

- Эх, и хороши же невестки у Хачо! - с жаром воскликнул юноша курд. - Если б он не был кумом нашему беку, я бы обязательно похитил одну из них.

Внезапно собаки подняли бешеный лай, послышалась перекличка дозорных пастухов. Слуги бека схватили ружья и побежали в ту сторону, откуда доносился шум.

В ночном мраке чьи-то голоса жалобно молили:

- Ради бога, отведите нас к беку, мы попали в беду...

Слуги бека подоспели вовремя, иначе собаки растерзали бы незнакомцев. По ночам было небезопасно приближаться к курдским кочевьям, - неосторожному грозило копье дозорного.

Когда незнакомцев подвели к шатру бека, при свете фонаря выяснилось, что это были купцы и погонщики верблюдов. Кто был ранен в голову, кто в плечо, кто в грудь; раны у них были перевязаны, но кровь продолжала сочиться.

Услышав шум и голоса, бек вызвал слугу и спросил:

- Что случилось?

- Несколько купцов пришли к вам с жалобой; говорят, что их караван ограбили.

Бек смутился, улыбка исчезла с его лица, но, скрывая свое замешательство, он приказал ввести купцов.

- Удивительное дело, - обратился он к мудиру, - ничего подобного на моей земле не бывало. Как это случилось, что могли ограбить караван?

Бек имел привычку считать "своей" ту землю, где селилось его племя, хотя ни одна горсть этой, земли не принадлежала ему: курды обычно, как цыгане, кочевали с места на место.

- Грабежи дело обычное, - спокойно заметил мудир, - нет страны, где бы не было разбойников, даже на небесах обитает сатана. В Эрзеруме не проходит дня, чтобы к вали не приходили с жалобой.

Бек, ободренный словами хитрого мудира, ответил:

- Поверьте, мудир, голова шейха тому порукой, я так зорко охраняю свои земли, что даже птица не может пролететь незамеченной. Удивляюсь, какой дьявол ограбил этих бедняг!

В шатер вошли купцы. Один из них, на вид менее пострадавший, чем другие, вышел вперед и сказал:

- Мы пришли поцеловать прах твоих ног, бек. Бог на небе, а ты на земле. Помогите нам во имя любви к пророку. Мы бедные купцы. Наш караван ограбили, многих убили, остальные, как видишь сам, едва ли уже оправятся. У нас отняли все.

Тяжелораненые не в силах были больше стоять на ногах и, выйдя из шатра, сели у входа.

- Где вас ограбили? - спросил бек.

- Недалеко отсюда, в горах. Нас заставили свернуть с дороги, погнали к глухому оврагу, там обобрали дочиста и, связав, бросили в яму. Все, что было у нас ценного, унесли, - а остальное сожгли.

- В котором часу это было?

- Около полудня. Мы просидели в яме до вечера, а потом один из нас с божьей помощью развязал узлы и освободил остальных. Если б мы не выбрались оттуда, то умерли бы голодной смертью или же стали добычей хищников.

- Из каких вы мест, откуда шел караван и куда направлялся? - спросил бек.

- Твои слуги - персидские купцы. Караван принял в Трапезунде тюки, которые были доставлены из Константинополя на пароходе. Через Баязет мы направлялись в Персию. Путь из Эрзерума мы прошли благополучно, но здесь с нами случилась эта беда. Караван вез ценные товары, и мы потеряли все.

- Клянусь шейхом, это небывалый разбой! - воскликнул бек, обращаясь к мудиру, внимательно слушавшему рассказ купца.

- А вы сможете узнать разбойников? - спросил в свою очередь мудир.

- Как их узнаешь? У разбойников на лицах были повязки.

- Нам они тоже завязали глаза. Мы успели только заметить, что это были курды.

- Сколько их было? - продолжал расспрашивать мудир.

- Около пятидесяти человек.

- В какую сторону они направились?
- Мы не видели - я же сказал, что они завязали нам глаза, скрутили руки и бросили в яму.

- Хватит,- сердито вмешался бек, прерывая допрос мудира,- мне все ясно.

Затем он обратился к купцам:

- Теперь идите и отдохните. Если это были курды из моего племени, я постараюсь их разыскать, и вы получите все сполна.

Если же это - пришлые, все равно они от меня не уйдут. Будьте спокойны. Я не допущу, чтобы на моей земле занимались разбоем.

Купцы поклонились беку и, выразив горячую благодарность, призвали на его голову благословение.

- Крпо!- обратился бек к одному из своих слуг.- Отведи этих людей в свой шатер, они наши гости - посланцы бога, окажи им достойный прием. Тотчас позови лекаря, пусть лечит их. Поручаю тебе наших гостей! Смотри, если услышу жалобы, тебе несдобровать.

Купцы еще раз поблагодарили бека, низко поклонились и вышли.

Выпроводив их, бек обратился к мудиру:

- Посудите сами, уважаемый мудир. Ну как тут узнаешь, какой дьявол их ограбил? Я уверен, что местные курды тут не причем. Я очень строго наказываю за разбой, вряд ли кто из них отважится на такое дело. Но здесь разбойничают пришлые, чаще всего из Персии. Попробуй распознать переодетого перса!

Каждый раз приходится ломать голову. Но все же я попытаюсь, быть может удастся поймать грабителей. Ахме!- обратился он к своему двоюродному брату, который все это время молча сидел в шатре.- Возьми с собой двадцать самых отважных всадников и поезжай туда, где был ограблен караван; посмотри, куда ведут следы, расспроси окрестных пастухов - словом, сделай все, чтобы найти злодеев. Тебе не нужно объяснять, ты сам все прекрасно знаешь. Я не допущу, чтобы на моей земле грабили людей,- это позорит мое имя.

Ахме отправился выполнять приказание бека.

- У Ахме собачий нюх, и если эти разбойники не успели далеко уйти, он обязательно найдет,- сказал бек.

- Увидим,- многозначительно ответил мудир.

Было далеко за полночь. Бек приказал, подать ужин. Поели, выпили, затем, пожелав спокойной ночи своему гостю и пообещав утром снарядить его в путь, бек отправился спать в свой шатер.

Но мудир долго не мог уснуть и о чем-то думал...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Шатер бека, разделенный на две половины, из которых одну занимала его жена, а другую он сам, мало чем отличался от обыкновенных пастушьих шатров. Он был сшит из простого черного паласа, вытканного руками служанок.

Войдя на свою половину, бек приказал следовавшему за ним слуге опустить полог и оставить его одного. Сидя в одиночестве, он казалось, кого-то ожидал. Висевший в шатре фонарь бросал тусклый свет. С женской половины не доносилось ни звука,- по видимому, там все спали.

Вдруг в шатре неслышно появился Крпо - тот самый, которому бек поручил позаботиться о купцах.

- Ну как, уснули твои гости?- с многозначительной улыбкой спросил бек.

- Благодаря милосердию моего господина уснули; лукаво ответил курд.- Поели, выпили, благословили тебя и уснули. Чего доброго, им приснится, что их товары найдутся...

- Из ада не возвращаются...- сказал бек насмешливо.

- Куда вы спрятали товары?

- В нашей деревне, в доме хромого Ало.

- А товары ценные?

- Впервые бог посылает нам такую богатую добычу! Чего там только нет: золото, серебро, шелк, шерсть - словом, все, что душе угодно.

- Вас никто не видел в деревне?

- А кто мог увидеть? В деревне ни души, все ушли на кочевья. Осталось только несколько армянских семей, но они ложатся спать вместе с курами, боятся нос

высунуть...

- А где же товары?

- Я же сказал, что спрятаны у Ало. В доме у этого старого волка много укромных уголков. Мы спрятали так надежно, что сам сатана не найдет. Вот ключи, я их взял с собой,- сказал Крпо, подавая беку два ключа.

- Ало верный человек,- заметил бек,- он уже не раз выручал нас.

Крпо пустился подробно рассказывать, как они ограбили караван и кто какую при этом проявил удаль.

- Молодец, Крпо,- похвалил бек,- я всегда ценил твою храбрость. Когда мы спровадим отсюда этого бездельника (речь шла о мудире), я поделю добычу, и каждый получит по заслугам.

Крпо молча кивнул головой.

- Меня только одно беспокоит,- озабоченно продолжал бек,- пожалуй, не стоило затевать это дело при нем.

- Ты говоришь о мудире?

- Да.

- Беда не велика,- засмеялся Крпо,- мы щедро одарим эфенди и проводим его с такими почестями, что он останется нами доволен. А вслед за ним пошлем двух всадников, которые, не доезжая до Эрзерума, отрубят ему голову и привезут обратно наши подарки. Эфенди уже не сможет рассказать вали о том, что он здесь видел.

Верно?

Бек ответил не сразу, он размышлял.

- Убийство, конечно, произойдет по ту сторону нашей границы, вблизи Эрзерума,- продолжал Крпо,- и нас никто не сможет заподозрить.

- Я не вижу в этом надобности,- возразил бек после непродолжительного молчания.- Если до вали дойдут слухи, в меня есть средство, чтобы смягчить его и он будет молчать. Крпо, как бы вспомнив о чем-то, вытащил из-за пазухи красивую серебряную шкатулку, завернутую в платок. Подавая её беку, он сказал: решил захватить ее с собой, она слишком мала и могла затеряться.

Бек открыл шкатулку. В ней лежали драгоценности - золотые кольца, браслеты и ожерелья.

- Владелец этой шкатулки говорил, что он заказал эти украшения в Константинополе по просьбе одного персидского хана который этой зимой собирался отпраздновать свадьбу,- сказал Крпо, ухмыляясь.- Бедная невеста лишилась своих украшений... Купец долго кричал, просил вернуть ему эту шкатулку, но я его успокоил.

На языке Крпо "успокоить" значило отправить на тот свет.

- Можешь идти,- разрешил ему бек,- будь обходителен с гостям л. Утром подумаем, как быть дальше.

Крпо поклонился и вышел.

Читатель, наверно, уже догадался, что Крпо был атаманом шайки разбойников, которая ограбила купцов. Верховодил этой шайкой Фатах-бек; к нему-то, как к местному блюстителю порядков, охранявшему границы, и обратились ограбленные купцы.

После ухода атамана бек еще долго сидел, глядя на лежавшие перед ним драгоценности. Он не мог отдать себе отчета, почему его так пленял блеск этих камней. "Эту шкатулку я пошлю эрзерумскому вали: более подходящий подарок для него трудно найти",- подумал он. Но внезапно мысли его приняли другое направление: казалось, он вспомнил об одном существе, которое ему было дороже всех на свете. "Нет, нет, эти красивые ожерелья Должны украшать ее шею. Эти чудесные браслеты "достойны только ее прекрасных рук, а эти кольца созданы для " ее нежных пальцев",- повторял он с глубоким чувством.

Магическая сила пробудившегося чувства любви, казалось, смягчила душу этого дикаря.

- Я сохраню эти украшения для нее, только для нее... Под наплывом чувств он до такой степени забылся, что произнес эти слова вслух и не заметил, как кто-то приподнял полог, разделявший шатер, вошел и молча наблюдал за ним. Это была его жена-юная Хуршид, которая славилась на все племя своей красотой. Но сейчас на застывшем бледном лице этой фелеетной женщины была написана зловеющая решимость. Словно мрачный демон, стояла она за спиной мужа, готовая взять его душу.

Оглянувшись, бек увидел ее и ужаснулся.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, словно противники,

которые оценивают свои силы, прежде чем нанести удар.

Перед беком все еще лежала серебряная шкатулка со сверкающими драгоценностями. Мельком взглянув на них, жена бека прошла в угол шатра и села на подушки. Драгоценности, которые могли бы свести с ума любую женщину, а тем более курдянку, которая, как дитя, радуется любому блестящему предмету, казались ей сейчас осколками стекла; вид их причинял ей страдание.

Видя ее волнение, бек сказал:

- Почему ты сердиться? Я и тебе кое-что уделю.

- Мне ничего не надо, кроме савана,- дрожащим голосом ответила жена.

Слабый свет фонаря падал на ее бледное лицо, придавая ему фантастическую красоту; она была похожа в эту минуту на разгневанного ангела.

- Что случилось, Хуршид?- мягко спросил бек.- Или ты видела дурной сон?

- Я не сон видела, я вижу то, что происходит у меня перед глазами!..

Беку не могло прийти в голову, что его разбойничьи дела вызвали недовольство жены: он твердо знал, что Хуршид, как и всякая курдка, привыкла считать разбой и кровопролитие признаком мужской доблести. Значит, была другая причина, вызвавшая ее гнев.

У Фатах-бека была только одна жена. Как мусульманину, ему не было запрещено многоженство, но у курдов оно не было принято; кроме того, здесь играло роль и другое обстоятельство: Хуршид была единственной дочерью всемогущего шейха, чья неограниченная духовная власть распространялась на все племена курдов,- одного его слова было достаточно, чтобы лишить власти любого главаря племени. Своим положением бек был обязан шейху, который покровительствовал ему. Взять себе еще одну жену - значило проявить неуважение к благородному роду Хуршид. Вот об этом подумал бек, глядя на мрачное лицо жены. В эту минуту бек уже трезво оценивал создавшееся положение. Он не мог дать волю обуревавшим его чувствам. Нет, нельзя было взять вторую жену, Хуршид - дочь шейха. Но когда его взгляд остановился на сверкавших драгоценностях, перед ним снова возник образ той, кому он их предназначал. Внезапно его осенила догадка, и он понял причину ее недовольства. Глаза его загорелись гневом.

- Хуршид,- сказал он, с трудом сдерживая себя,- чего ты хочешь от меня?

- Я хочу, чтобы наш брачный союз был расторгнут,- сказала она твердым голосом,- я не желаю больше быть твоей женой. Я уеду к отцу.

- Почему?

- Ты надумал взять себе новую жену, а я не потерплю этого.

Я дочь шейха, и мне не к лицу делить мужа с поганой армянкой, Она будет твоей служанкой.

- У меня достаточно служанок.

- Я ее люблю.

- Люби, если хочешь, но эта любовь тебе дорого обойдется.

- А что ты сделаешь?

- Это уж мое дело!

- Ты мне еще грозить вздумала, негодная? Знай, что я растопчу тебя, как глиняный черепок.

- Только попробуй шевельнуться, увидишь!..- воскликнула Хуршид, вскакивая и целясь в него из маленького пистолета.

Бек даже оторопел: он не думал, что Хуршид способна на такой шаг, и в замешательстве смотрел на нее, хотя рука его невольно легла на кинжал. В это время на женской половине раздался плач ребенка. Этот плач смягчил ярость супругов. Материнская любовь взяла верх над ревностью, и Хуршид поспешила к плачущему ребенку, пригрозив на прощанье:

- Все равно я отомщу!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Жена старосты Хачо умерла вскоре после рождения Степаника. Хачо не захотел жениться вторично, хотя крестьяне в его возрасте обычно не остаются вдовыми. Вместо покойной жены Хачо в доме распоряжалась старшая сноха Сара, которая славила на всю деревню своей домовитостью и умом. Сам старик Хачо нередко обращался к ней за советом, а невестки подчинялись ей беспрекословно.

Однажды днем, когда все в доме были заняты обычными делами, служанка,

которая ходила по воду, подойдя к Саре, шепнула ей:

- Вас вызывает во двор какая-то курдка.

- Позови ее сюда; ты видишь, я занята,- ответила Сара.

Она не хочет заходить; говорит, что у нее к вам важное дело.

Сара вышла во двор. У ворот стояла высокая худощавая девушка со смуглым красивым лицом.

- Отойдем подальше, вон под те деревья, там никого нет,- указывая рукой на рощицу, предложила девушка.

Глядя в сверкающие глаза девушки, Сара невольно поколебалась: зачем эта дикарка хочет увести ее так далеко от дома? Какое у нее может быть к ней дело?

- Пойдем лучше во двор;- сказала Сара, беря ее за руку,- если ты хочешь мне что-то сказать, мы найдем укромный уголок, где нас никто не услышит.

Незнакомка согласилась. Сара повела ее в глухой угол двора, где росли тенистые ивы.

- Сядем здесь,- предложила она.

Они сели рядом на густую траву.

- Ну, а теперь говори, моя красавица,- дружелюбно промолвила Сара,- что привело тебя ко мне?

- Джаво прислала к тебе госпожа Хуршид. Ты ведь знаешь Хуршид. Она госпожа Джаво. Джаво всякий день благодарит бога, что у нее такая хорошая госпожа: она не бьет Джаво и часто дарит ей свои старые платья; она говорит: "Носи их, Джаво, ты хорошая девушка". Взгляни на мое платье, оно совсем новое, мне его подарила госпожа. Она поносит один день платье и бросает.

И действительно, у девушки был опрятный вид, и она была нарядно одета. Из ее сбивчивого рассказа Сара поняла, что ее зовут Джаво и что она служанка жены Фатахбека Хуршид ханум, с которой Сара была знакома. Но для чего она прислала сюда эту болтушку-оставалось пока загадкой.

• Тебя зовут Джаво? Какое у тебя красивое имя!

• - Мать зовет меня Джаваир, но госпожа говорит, что лучше называть Джаво, так короче!

• - Я тебя тоже буду звать Джаво. Скажи-ка, доченька, что тебе велела передать госпожа?

Но девушка все время уклонялась от прямого ответа, словно ей трудно было собраться с мыслями и она не знала, с чего начать. Она сказала:

- Моя госпожа сегодня ночью поссорилась с господином. Ты не думай, что Джаво ребенок, Джаво сатана. Когда они ссорились, Джаво спряталась за пологом и все слышала. Ах, как сердилась госпожа, она рвала на себе волосы, все платье изорвала... Ах, как жалко, Джаво теперь не сможет его носить...

Заметив, что легкомысленная девушка любит наряды, Сара сказала:

- Но Джаво умеет шить, она заштопает его и наденет.

- Конечно, умеет, почему же нет. Ты видишь эти пальцы,- она вытянула правую руку.- Сколько раз, бывало, Джаво колола их иглой, когда мать, обучая ее шить, приговаривала!

"Чтоб тебе сквозь землю провалиться, девка, научись шить".

- Я вижу, ты способная девушка. Ну, а теперь расскажи, из-за чего бек поссорился с госпожой?

- Бек сказал, что хочет привести себе новую жену. Госпожа говорила: "Нет, не приведешь! Руки на себя наложу, говорит, если приведешь". Разве не жалко ее, разве найдешь другую такую госпожу? Для чего ему новая жена?

Сара слушала с возрастающим вниманием.

- Такую, как Хуршид, он, конечно, не найдет. Но ты мне скажи, Джаво, кого бек хочет взять себе в жены?

- Госпожа умрет, если бек приведет себе новую жену.

Джаво этого не переживет...- ответила служанка, и глаза ее наполнились слезами.

- Но кого же хочет привести господин?- нетерпеливо переспросила Сара.

- Ты спроси лучше, почему госпожа прислала к тебе Джаво. Тогда Джаво тебе все расскажет.

- Ну хорошо, зачем госпожа прислала тебя сюда?

- Когда они ночью поссорились, госпожа утром сказала

Джаво: "Иди в дом кума Хачо, передай от меня большой привет Саре, спроси, как ей

живется-можетя...” (Ах, я и забыла об этом спросить!)

- Это не беда. Что же тебе еще велела передать госпожа?

- Госпожа сказала: “Вызови Сару в укромное место и скажи ей...” (Вот почему я звала тебя под те деревья!)

- Здесь нас никто не услышит. Что же сказала госпожа?

- Госпожа сказала, чтобы вы поспешили отослать Степаника в другие края. Если у них нет людей,- сказала госпожа, я им дам своих, они доставят его, куда им скажут. Госпожа говорила со мной на рассвете. “Поклянись,- сказала госпожа,- что ты никому не обмолвишься ни словечком”. Джаво поклялась.

Потом девушка рассказала, что госпожа пригрозила ей смертью, если она кому-нибудь проболтается, и прибавила, что она очень боится госпожи, потому что та действительно способна убить. Джаво сама видела, как она убила своего слугу, а из-за чего - Джаво не скажет...

Но бедная Сара уже ничего не слышала. Имя Степаника ударило ее, как молния, у нее помутилось в глазах, и, если бы не сильные руки Джаво, которая подхватила ее, она упала бы. Видя, что принесенная ею весть сразила бедную женщину, Джаво стала утешать ее:

- Пусть Сара не горюет: пока жива госпожа, она не позволит, чтобы господин взял девушку из вашего дома.

- Какую девушку?- спросила Сара, немного оправившись.- У нас в доме нет молодой девушки.

- Господину известно, что Степаник девушка.

В это время Степаник кормил во дворе козулю, которую ему накануне подарил бек. В солнечных лучах вырисовывалась его стройная, тоненькая фигура.

Указывая на него, Сара сказала:

- Взгляни, вот это Степаник, посмотри на него получше, разве он похож на девушку? Твоего господина обманули.

- Ему сказала об этом одна из ваших служанок, жена пастуха Хило. Госпожа сказала, что она велит убить эту негодницу.

- Жена Хило сказала неправду. Мы ее выгнали за воровство, вот она теперь и возводит на нас напраслину.

Видя, что Джаво, несмотря на свою наивность, девушка довольно сметливая и преданна своей госпоже, Сара решила довериться ей: она попросила, чтобы Джаво передала поклон своей госпоже и пожелала ей здоровья, потом поблагодарила ее за присланные вести и, наконец, заверила бы госпожу, что она заблуждается, считая Степаника девушкой. Но, присовокупив Сара, если госпожа считает, что Степаника лучше удалить из дому,- ее желание будет исполнено. Сара просила передать, что она очень хотела бы повидаться с госпожой и посоветоваться с ней: пусть только госпожа укажет, где и когда они могут тайно встретиться.

Потом Сара сказала:

- Джаво, умница моя, ты не забудешь все это Передать своей госпоже?

- У Джаво хорошая память, Джаво не забудет,- ответила девушка и послушно повторила слова Сары, хотя и переделала их на свой лад. Сара снова заставила ее повторить.

- Теперь Джаво запомнила,- уверенно сказала девушка,- дорогой Джаво все время будет повторять.

- А вдруг кто-нибудь услышит?- усомнилась Сара.

- Джаво не такая глупая, она не будет говорить вслух.

Взглянув на небо, девушка определила по солнцу, что время уже позднее, и заторопилась домой, говоря, что ей пред-, стоит дальний путь.

- одожди, Джаво, я тебе принесу кое-что, ты хорошая девушка.

Сара направилась домой. В это время Степаник, который забавлялся с козулей, увидел одиноко стоящую девушку и подошел к ней. Ты уже уходишь?- спросил он.

- Посмотри, как высоко стоит солнце, скоро день кончится,- девушка указала на небо.

- Ты была у нас и уходишь, ничего не поев,- ласково сказал Степаник.

- Ах, Джаво и забыла, что она голодна. Джаво сегодня ничего не ела.

- Постой, я принесу тебе поесть.

Девушка, очарованная добротой юноши, обняла его и поцеловала. Степаник побегал домой и принес лаваш¹, густо намазанный маслом и медом.

- Теперь садись и покушай.

- Джаво возьмет с собой.

В этот момент появилась Сара, неся в руках красивый шелковый головной платок - одно из любимых украшений курдков. Джаво обрадовалась, как ребенок, и, забыв обо всем, подскочила к Саре и вырвала у нее из рук платок. Накинув его на голову и охорашиваясь, она обратилась к Саре и Степанику:

- Правда, Джаво красивая?

- Красивая,- подтвердили они.

- Ну, поцелуйте Джаво.

Сара обняла и поцеловала девушку.

- И ты, Степаник.

Степаник последовал примеру Сары. - А сейчас Джаво поцелует вас.

Простодушная девушка с жаром поцеловала бару и Степаника и, простившись с ними, направилась домой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После ухода Джаво Сара с новой силой почувствовала весь ужас принесенного ею известия. Ничего не подозревавший Степаник, доверчиво обняв Сару за плечи, спросил ее:

- Почему курдские девушки такие дикарки?

- Они не дикарки,- объяснила Сара материнским тоном,- но их никто не воспитывает, и они растут на воле, как зверьки.

- Как моя козуля,- заметил Степаник,- сколько дней я с ней нянчусь, а она никак ко мне не привыкнет, убегает, когда я к ней подхожу.

Сара с волнением разглядывала юношу, словно впервые видела его нежное, цветущее лицо и стройную фигуру. Глаза у нее наполнились слезами. Она отвернулась и вытерла их, чтобы Степаник не заметил, но мысли юноши были заняты Джаво.

- Ты знаешь, Сара, она была очень голодная. Она призналась мне, что ничего не ела сегодня. Я дал ей ломоть хлеба с маслом и медом, но она не стала есть, взяла с собой. Почему она так торопилась, Сара?

- Ей очень далеко идти.

- А куда?

- До самых синих гор.

- Пока она дойдет, будет уже темно. Ей придется одной пробираться через горы... Сара, неужели ей не страшно?

- Привыкла, разве волчонку может быть страшно...

В это время Сару окликнули, и она ушла.

Весь день мучительные, неотвязные мысли не давали покоя бедной женщине. Сара бродила по дому, сама не своя, бралась за разные дела, но все валилось у нее из рук. Весь день женщина провела в лихорадочном беспокойстве.

Сирота Степаник вырос на ее руках, она заменила ему мать. И вот теперь ее любимцу грозила опасность. Кому и как поведать то, что ей сегодня сообщила Джаво? Она была уверена, что если старик Хачо узнает о намерениях бека, он не перенесет этого удара. И без того уже он носил в душе неизлечимую рану... С другой стороны, Сара понимала, что скрывать нельзя и даже опасно. Надо что-то предпринять, чтобы предотвратить надвигающуюся беду... Но кому сказать?!

В этих размышлениях она провела весь вечер и все же не пришла ни к какому решению. Когда они остались вдвоем с мужем, Айрапет спросил ее:

- Сара, ты сегодня сама на себя не похожа, что с тобой?

Уж не больна ли ты?

- Голова что-то разболелась, да это ничего, пройдет,- ответила Сара: она боялась сразить мужа неожиданным известием.

- Приложи уксусную примочку ко лбу.

- Я пробовала, не помогает...

Сара решила исподволь подготовить Айрапета, но не знала, с чего начать. Однако он сам пришел ей на помощь:

- Зачем к нам приходила сегодня эта курдюночка? Откуда она?

- Это служанка Хуршид, жены Фатах-бека.

- Всякий раз, когда этот окаянный или его люди появляются у нас в доме, я жду недоброго,- с горечью заметил Айрапет.-Когда эти безбожники забудут дорогу к

нашему дому?

- Все, что мы перенесли от них, еще не самое страшное,- произнесла Сара загадочным тоном,- кабы только это!..

Айрапет побледнел. Желая успокоить его, Сара сказала:

- Если господь бог посылает нам испытание, надо терпеть и уповать на него...

Бедняги! Они утешались тем, что приписывали божьей воле все превратности своей судьбы, словно бог мог быть творцом всех бед на земле.

- Что произошло?- испуганно спросил Айрапет.- Говори прямо.

Сара рассказала ему о своем разговоре с Джаво. Слушая ее, Айрапет несколько раз менялся в лице: глаза его то загорались гневом, то выражали грусть и сожаление. - Я давно ждал этого,- заговорил он, стараясь овладеть собой.- Бедный отец, он не перенесет нового удара.

- Я тоже думала об этом,- сказала Сара,- эта весть сведет его в могилу.

Несколько минут длилось молчание.

- Отцу об этом - ни слова,- начал Айрапет.

- Но братьям следует сказать,- заметила Сара.

- Я сообщу им.

- Нельзя терять ни минуты! Расскажи им сегодня же,- настаивала Сара.- Надо торопиться: кто знает, что может случиться завтра.

Айрапет велел жене, чтобы она ничего не говорила невесткам, пока он не посоветуется с братьями.

Он вызвал братьев во двор и сказал, что ему нужно с ними переговорить об одном важном деле, и назначил местом встречи уединенную рожицу близ мельницы.

Когда все собрались, Айрапет рассказал им то, что поведала ему Сара. Весть эта так ошеломила братьев, что они застыли, пораженные и онемевшие. Так бывает в вечернюю летнюю пору, когда стая воробьев, опустившись на дерево, оживляет лес своим чириканьем и щебетом, но вдруг умолкает при виде налетающего ястреба.

Такое же впечатление произвела на братьев весть о недобрых намерениях Фатах-бека.

- Вот она, дружба курда!- заговорил наконец один из них.- Хоть он нам и кум, да, видно, позабыл нашу хлеб-соль.

- Может ли дружить волк с овцой, лиса с курами?- с негодованием произнес Айрапет.- Но мы более беззащитны, чем овцы и куры. У овец есть рога, они могут боднуть, курица и та норовит клюнуть, а мы, мы- ничтожество.

Эти слова он произнес с такой злобой, что братья ужаснулись.

- Что мы такое?- продолжал он тем же тоном,- Усердные, трудолюбивые батраки. И этим мы гордимся!.. Но осел, лошадь, бык, буйвол куда сильнее нас и больше нас трудятся...

Мы рабочая скотина и больше ничего... Копье курда важнее нашего плуга и сохи... Мы наживаем - они обирают нас!..

Мы растим красивых девушек - они наслаждаются ими... Все хорошее и красивое - для них, а нам - что похуже, видимо, много мы недостойны. Несколько дней назад я говорил с отцом,- продолжал он,- отец убеждал меня, что наше положение не такое уж незавидное, как мы думаем, и доказывал, что с курдами надо жить в дружбе, иначе все наше богатство пойдет прахом. Вот теперь попробуй сказать ему, что его любимое чадо собираются похитить, а он не смеет даже протестовать...

Хорошенькое положение, нечего сказать! С этим может мириться только армянин! Попробуй отними у тигра его детеныша - он тут же растерзает тебя. Таковы и курды. А мы? Мы - ничтожество...

Слова Айрапета зажгли сердца братьев таким гневом, что некоторые из них тут же дружно поклялись ценою жизни защитить честь сестры.

- Этак мы не достигнем цели,- рассудительно сказал Айрапет,- сами погибнем, а Степаника все же похитят.

- По крайней мере мы не будем свидетелями бесчестья нашей сестры,- воскликнул Апо.

Но не все братья согласились с Апо.

- Мы погибнем, спасая честь сестры, а наши дети останутся сиротами,- заговорил Оган,- это глупо. Я умываю руки.

Ну, похитят у нас сестру - невелика беда. Почему мы должны рисковать головой из-за нее?

Еще более трезво и расчетливо подошел к решению этого вопроса Ако:

- Чего уж так сокрушаться о Степанике? Совсем не плохо иметь зятем Фатах-бека. Больше уважать будут. Взять хотя бы нашего соседа Мко,- продолжал он,- человек он никчемный, в доме у него хоть шаром покати, но его дочь - жена курда, а поэтому все побаиваются Мко, никто не перечит ему, а то, чего доброго, он подучит своего зятя, а тот возьмет и вырежет всех нас в одну прекрасную ночь. Разве плохо иметь такого зятя?

Апо вышел из себя.

- Христос с тобой, Ако, ты совсем одурел! Подумай, что ты говоришь: изменить святой вере и отдать свою сестру на поругание неверным только ради того, чтобы нас боялись и уважали соседи!.. Не нужен нам такой -почет! Кто уважает Мко за то, что он выдал свою дочь за курда? Другое дело, что его бояться, но и волков тоже бояться...

Один из братьев, молча слушавший этот спор, заговорил наставительным тоном:

- Никто не волен изменить порядок, установленный богом. Чему быть - того не миновать. Одного бог создал курдом, другого - армянином, одному дал в руки оружие, другому - заступ,- так тому и быть, такова воля божья.- И он подкрепил свои слова таким примером- Ворона рада бы иметь павлиньи перья, да где ей их взять? Бог создал одних такими, других иными.

Апо ответил ему:

- Ты забываешь, брат, что ворона я павлин - птицы разной породы, и оперенье у них разное; а курд и армянин - люди. Курд появляется на свет, не имея в руках оружия, он так же, как и армянин, выходит из чрева матери нагим и слабым. При чем тут бог? Разве он вложил в руки курда оружие? Разве он создал нас такими жалкими и трусливыми? Бог в такие дела не вмешивается. Он дал нам разум, и мы сами должны уметь отличить плохое от хорошего. Если ты пойдешь сейчас и бросишься в реку, бог тебя за руку не схватит, чтоб удержать, сам загубишь себя.

Айрапет молча слушал этот спор. В порыве признательности он хотел подойти и поцеловать Апо, но боялся, что обидит остальных братьев.

- Вы видите,- сказал он сурово,- нас здесь шестеро, но между нами нет согласия, и каждый говорит свое. Еще труднее привести к согласию весь народ, всю нацию... Пока у нас не будет согласия, наше положение не изменится... Нам будут плевать в лицо, похищать наших жен и сестер, отбирать наше имущество, нашу землю... А мы вынуждены будем терпеть всякого рода бесчестие, насилие и, как жалкие вьючные животные, работать на нашего врага, чтобы он жил припеваючи. И вот за эту жалкую жизнь мы должны быть благодарны богу...

Сказав все это, Айрапет предложил временно поместить Степаника в монастырь св. Иоанна, пока не представится возможность перебросить его через русскую границу, где он будет в безопасности. Оган и Ако не согласились с этим предложением, считая, что тем самым они озлобят бека.

- Если мы отошлем нашу сестру,- сказали они,- бек не простит нам этого и отомстит.

Оба брата предложили оставить Степаника дома, повторяя, что от судьбы не уйдешь, на все воля божья.

Другие братья стояли за то, чтобы рассказать обо всем отцу, а он уж как глава семьи пусть сам принимает решение, как поступить.

Долго они так препирались, но к согласию так и не пришли. Вдруг их спор был прерван зловещим криком совы. Всем стало не по себе.

- Слышите, мы были правы,- заговорили Оган и Ако,- сова и та предостерегает нас! Если мы увезем Степаника из дому - беды не миновать.

Однако Айрапет и Апо остались при своем мнении. Братья разошлись, так и не придя ни к какому решению.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Но что это за загадка? Почему Степаник оказался девушкой? Ключом к этой загадке является одна короткая, но грустная история.

В одном из глухих уголков обширного двора Хачо была могила, на ней не было ни креста, ни надписи. Это был маленький, побеленный известью холмик. Очень часто по ночам на этом холмике можно было видеть распростертого, горько плачущего старика Хачо.

Его домашние, проходя мимо могилы, всегда с грустью смотрели на нее; по-видимому, в ней покоилось дорогое для них существо. Кто же был там похоронен?

У старика Хачо была дочь Сона; Степаник очень походил на нее чертами лица.

Когда Сона минуло шестнадцать лет, многие сватались к ней, она считалась одной из самых завидных невест в деревне и была очень хороша собой. Отец, не зная, на ком остановить свой выбор, долго присматривал ей жениха, но одно неожиданное событие положило конец счастью девушки. Как-то раз она г.олла в поле собирать крапиву - и больше не вернулась. По поводу ее исчезновения ходили разноречивые слухи: одни говорили, что она утонула, другие - что ее растерзали дикие звери, суеверные люди полагали, что она стала жертвой злых духов, а более рассудительные прямо заявляли, что ее украли курды. Сона искали повсюду, отец обещал крупное вознаграждение тому, кто подаст о ней весть, но девушка словно в воду канула.

Прошло несколько недель.

Однажды перед домом Хачо остановился курд, ведя на поводу мула, навьюченного гробом. В гробу лежало тело Сона. Из рассказа курда выяснилось, что несчастная девушка была похищена одним курдским беком, не столь родовитым, сколько известным всему племени своими злодеяниями. Не имея надежды вырваться из рук ненавистного человека, Сона посулила старухе курдке золотые монеты, украшавшие ее головной убор, и попросила достать ей яду. Прельстившись деньгами, старуха раздобыла ей яд, и Сона отравилась. Курды отказались хоронить ее на своем кладбище, - бедняжка до последнего вдоха повторяла: "Я христианка и не изменю своей святой вере". Тело Сона осталось не погребенным. Этим обстоятельством воспользовался один курд и зная, чья она дочь, привез ее тело отцу, надеясь получить вознаграждение.

С не меньшим фанатизмом отнеслось к несчастной самоубийце и армянское духовенство. Ссылаясь на то, что она наложила на себя руки и не приняла святого причастия, священники отказались хоронить ее на армянском кладбище¹. Вот почему Сона была похоронена во дворе отцовского дома. Та, которую изгнала церковь, нашла свой последний приют неподалеку от семьи...

Эта смерть причинила много горя семье Хачо. Вскоре на нее обрушилось еще одно несчастье. Мать Сона, Рейан, ослабевшая после родов Степаника, тяжело переживая трагическую смерть любимой дочери, день?! ото дня стала болеть, чахнуть и вскоре последовала за ней.

Случай с Сона оказал воздействие и на судьбу Степаника, который на самом деле был девушкой, хотя носил мужское имя и мужскую одежду. При рождении девочке дали имя Лала.

Что заставило ее родителей выдавать Лалу за мальчика?

Смерть Сона так потрясла Хачо, что он с суеверным страхом отнесся к рождению второй дочери, опасаясь, как бы и ее не постигла та же участь. Опасения Хачо имели основания: он знал немало случаев, когда мусульмане похищали юных девушек. В их краю это было обычным явлением. Поэтому Хачо решил до совершеннолетия Лалы выдавать ее за мальчика. С решением Хачо была согласна и его жена, которая умерла вскоре после рождения дочери, - ей не довелось ее растить. Семья Хачо строго хранила тайну рождения Степаника. Из посторонних в нее были посвящены только три человека: сельский священник, крестный отец Лалы и повитуха, которой давно уже не было в живых.

Лале - впредь мы будем время от времени называть ее этим именем - только что исполнилось шестнадцать лет. В деревне в этом возрасте не засиживаются в девушках, и Хачо стал уже подумывать о том, чтобы подыскать ей жениха. Но выдать замуж Лалу было не так просто. Ее принимали за мальчика, и никто к ней не сватался. Хачо хотелось, чтобы его зять был чужеземцем и увез бы Лалу подальше от родных мест, надеясь таким образом сохранить тайну ее рождения и не быть предметом пересудов в деревне, хотя в их краю нередко прибегали к такой уловке. Но где найти такого зятя?

У Хачо на примете был некий господин по имени Томас-эфенди - маленький шарообразный человечек, пустослов и лгун. Откуда он был родом - никто не знал; он выдавал себя за константинопольского армянина и хвастался тем, что имеет там знатных родственников.

Братья Лалы ненавидели Томаса-эфенди за жадность и жестокость. С армянами он был высокомерен, говорил только по-турецки, заискивал и пресмыкался перед турецкими чиновниками и курдскими беками и кичился знакомством с ними. Их имена не сходили у него с языка, и ими он постоянно запугивал армянских крестьян.

Томас-эфенди был откупщиком. Он имел от казны откуп на взимание податей и

налогов.

Сборщик налогов для крестьян то же, что для суеверного человека сатана или злой дух. Крестьяне трепетали перед ним. Чем больше что-то страшит крестьянина, тем больше почтения оно у него вызывает. Появись сам сатана, он и перед ним бы стал заискивать.

На низшей ступени развития люди одинаково почитали и добрых и злых духов, но, как это ни удивительно, злым духам они приносили больше жертв. "Добро за нас,- думали люди, - а зло надо умиловать, чтобы оно не вредило".

Принимая это во внимание, нетрудно понять, почему Томаса-эфенди с таким почетом принимали в доме старика Хачо.

Как сельскому старосте и должностному лицу, старику Хачо постоянно приходилось иметь дело со сборщиком налогов. Эфенди часто наезжал в деревню и подолгу гостил у Хачо, собирая с крестьян доходы в пользу казны. Ода в доме старосты, которая служила для приема гостей, превращалась в таких случаях в своего рода деревенский трактир, где можно было встретить всех, начиная с уездного начальника, полицейских, чиновников, странствующих монахов и кончая последним нищим.

Наутро, после неудачных переговоров братьев, в рощице в деревне О... появился Томас-эфенди, сопровождаемый двумя стражниками, с которыми никогда не расставался. Он прибыл в деревню с тем, чтобы определить размер налога с овец и другого скота, так как их вскоре предстояло перегнать на весенние пастбища.

Покончив с делами, Томас-эфенди в сопровождении старосты Хачо направился к нему домой. Даже султан не шествовал так важно по улицам Константинополя, направляясь по пятницам в мечеть Ая-Софии, как шагал по деревне О... этот маленький человечек. Выпятив круглый живот, задрав нос, он шел, кидая косые взгляды на всех встречных, и запоминал тех, кто не ломал перед ним шапки. На нем был мундир со множеством

желтых пуговиц, который, по его словам, был пожалован ему самим визирем.

Войдя в дом, эфенди бесцеремонно приказал подать себе кофе к тут же распорядился насчет обеда. Сборщик налогов везде чувствует себя хозяином и, попадая в дом крестьянина, требует, чтоб его вкусам угождали.

Когда Томас-эфенди уселся, старик Хачо сказал ему:

- Вы, эфенди, сегодня зря приказали высечь этого крестьянина.
- Ошибаетесь, староста,- произнес эфенди вкрадчивым голосом,- крестьян надо сечь, и сильно сечь. Пока осла не подстегнешь, он не потащит клади.
- Но крестьянин ни в чем не повинен.
- Неважно, повинен или неповинен. Сегодня он не провинился, а завтра может провиниться. Знаешь небось басню

Ходжи Насреддина? Один из его ослов сорвался с привязи и убежал. Вместо того, чтобы поймать и наказать сбежавшего осла, Ходжа Насреддин принялся сечь другого осла, который спокойно стоял на привязи. Когда его спросили: "За что ты бьешь беднягу, он же ни в чем не виноват?"- Ходжа ответил: "На всякий случай, чтобы он не вздумал убежать".

- Но я убежден, что крестьянин говорил правду. Мне известно, что большую часть его овец угнали курды,- настаивал староста, не разделявший мнения эфенди, что невинного осла следовало сечь вместо виновного.

- Я тоже знаю, что овец у него угнали курды,- с важностью ответил эфенди,- но если я буду каждый раз принимать в расчет такие причины, то, как говорится, "вода хлынет и за топит мельницу" и мне придется из своего кармана выплачивать казне налог! В прошлогоднем списке за этим крестьянином числилось сто голов овец, и я обязан взыскать с него сполна; а если пятьдесят или шестьдесят у него украли курды - это меня не касается. Курды крадут каждый божий день, не надо позволять себя обкрадывать.

- Говоря по совести, эфенди,- опять возразил староста,- вы не имеете права требовать с крестьянина налог за тех овец, которые у него подошли или пропали. Он не обязан за них платить.

- А как я могу это проверить?- сердито воскликнул сборщик.- Крестьянин может спрятать овец, а меня станет уверять, что они пропали, или что их у него украли, или, наконец, что они подошли. Словом, начнет приводить тысячу причин в свое оправдание.

Староста промолчал.

- Вы еще не видели нового фирмана, присланного мне султаном,- продолжал

эфенди.- Если б вы знали, что там написано, вы бы заговорили иначе, староста.

Эфенди достал из-за пазухи сверток бумаг и осторожно вытащил оттуда большой красный лист, на котором крупными затейливыми буквами было что-то напечатано.

- На, читай,- протянул он его старосте.

Староста боязливо смотрел на огромные буквы: умеет он читать по-турецки, он понял бы, что держит в руках обыкновенную театральную афишу, извещавшую о бенефисе какой-то актрисы.

- Староста, у тебя нет должного уважения к фирману султана,- заметил ему Томас-эфенди.- Когда ты берешь в руки фирман, надо сперва приложиться к нему, а потом уже читать.

Старик покорно поцеловал бумагу и отдал ее обратно.

- Тысячу раз повторяешь крестьянам, что вышел новый указ об увеличении налогов, а они знать ничего не хотят,- продолжал с возмущением эфенди.- Я тоже человек, и когда меня выводят из терпения, я наказываю. Осел и тот, если раз увяз в грязи, второй раз не полезет в ту же лужу, хоть шею ему сверни. А у крестьян даже на это ума не хватает!

Томас-эфенди любил пересыпать свою речь пословицами и прибаутками об ослабах.

- Послушай, староста Хачо, я тебе расскажу один случай. Тебе, конечно, известно, что большая часть деревень Алашкерта находится в моем ведении. Однажды один крестьянин убрал хлеб, смолотил его, собрал на току, позвал меня и предложил измерить и получить причитающуюся с него десятину урожая.

Я потребовал, чтобы он уплатил мне свой долг деньгами. Он ответил, что денег у него нет, и сказал: "Вы не имеете права требовать с меня деньги; коль скоро полагается пшеница, бери те пшеницей". (А я терпеть не могу, когда крестьянин начинает рассуждать о *правах*.) Ну, решил, я тебе покажу, что значит *право*. Зерно я мерить не стал и оставил его на току, пошли дожди, пшеница отсырела и прогнила. Выждав некоторое

время, я отправился к крестьянину и потребовал: "Коль скоро полагается пшеницей, давай пшеницу". Но откуда он мог взять, когда вся пшеница у него сгнила?! "Раз так, говорю, расплачивайся деньгами". Но денег у него не было. Я распорядился, чтоб крестьянина высекли, и велел продать его быков за недоимки. Поглядел бы ты, каким о "стал шелковым. Передо мной шапку за версту снимает. Вот как надо обращаться с крестьянами.

- Разве это по совести,- тихим голосом сказал Хачо, слов но боясь, что его могут услышать.

- Причем тут совесть,- пренебрежительно заметил эфенди.- Одно дело - совесть, другое - власть. Ты вот уже сорок лет состоишь сельским старостой, а до сих пор не научился управлять. Вот послушай другую притчу. Видишь ли, один паша, став правителем уезда, тотчас же велел схватить первых попавшихся людей и бросить их в тюрьму, а потом велел казнить их, как преступников. Возможно, что эти люди были и невиновны, но паше надо было казнить несколько человек, что бы запугать народ. Вот что такое власть! Народ всегда надо держать в страхе. Если бы я поступил иначе с этим крестьянином и не сгноил его пшеницу, меня бы крестьяне ни во что не ставили и я не смог бы с них ничего требовать.

Томас-эфенди рассуждал с таким же откровенным бесстыдством, с каким обычно курд хвастается своими разбоями. Чем же отличался Томас-эфенди от Фатах-бека? Только тем, что один был бесчестным хитрецом, а другой - смелым разбойником.

И от этих двух людей зависела судьба несчастной Лалы. Любила ли она кого-нибудь, это никого не интересовало.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Томас-эфенди продолжал жить в доме старика Хачо, так как у него еще оставались дела в деревне О.

Дом старика Хачо несколько раз в год посещал и другой гость. Это был юноша, уроженец Араратского уезда. Он закупал у Хачо овец, быков, шерсть, сыр, масло и продавал их в Александрополе и в Эривани. Он привозил с собой товары, которые продавал местным жителям: ситцы, льняные и суконные ткани, чай, сахар, кофе и всякую мелочь. Для таких деревень, как О., далеко отстоявших от города, эти купцы-скупщики имели большое значение. Они доставляли крестьянам все необходимое и покупали продукты, которые те не имели возможности вывезти из-за отсутствия

удобных караванных путей и страха перед разбойниками.

Все в доме старика Хачо радовались приезду этого гостя. Он настолько сроднился с ними, что был у них своим человеком.

Въезжая в деревню О..., юноша обычно направлял свой маленький караван, состоявший из нескольких навьюченных лошадей, прямо к дому старика Хачо, выгружал свои товары и гостил у него по целым неделям. Кончив дела, он пускался в обратный путь.

Несколько дней спустя после приезда Томаса-эфенди караван этого купца остановился перед домом Хачо. Эфенди столкнулся с ним возле ворот, где приезжий разгружал караван”.

- Ах, это ты,- сказал юноша, подойдя к эфенди и осеняя себя крестом,- а мне померещился сатана. Нет, не будет мне на этот раз удачи... Во имя отца и сына...

Эфенди захохотал, взял приезжего за руку и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

- Вот хент, право же, хент, я всегда говорил это. Скажи-ка лучше, ты привез для меня рому?

- Я привез для тебя отраву; стоит тебе ее отведать, сразу; отправишься на тот свет, и наконец-то бедные крестьяне от тебя избавятся,- со смехом ответил приезжий.

Этот разговор слышали крестьяне, помогавшие снимать тюки с лошадей и вносившие их в дом. Находя шутку неуместной, эфенди поторопился уйти, сославшись на то, что у него спешные дела, и выразил надежду, что они встретятся с приезжим за обедом.

- С тобою грешно сидеть за одним столом,- бросил ему юноша на прощанье.

“Хвост осла нельзя ни укоротить, ни удлинить - так же и твой язык,- сказал сборщик.- Осел, побывавший в Иерусалиме, все равно останется ослом,- добавил он.

- Ну, раз уж ты принял за свои ослиные басни, то ни не будет конца,- насмешливо заметил юноша и отвернулся.

Эфенди ушел.

В доме старика Хачо все от мала до велика уже знали, что прибыл Вардан,- так звали юношу,- и нетерпеливо ждали, когда он распакует свои тюки. В его прошлый приезд каждый ему что-либо поручил.

Когда Вардан внес свои тюки в горницу, все столпились вокруг него. “Ты привез мне ботинки?”- спрашивал один. “А шапку ты мне привез?”- приставал другой. Его осаждали со всех сторон, и даже малыши теребили его за полы, требуя то одно, то другое.

- Привез, привез,- отвечал Вардан,- каждому привез то, что просили!

- Давай, давай!-раздавались нетерпеливые восклицания детей.

- Ну, бесенята,- отвечал он,- дайте мне отдохнуть, потом я распакую тюки и достану все, что вам надо.

- Нет, сейчас, сейчас,- приставали к нему.

Все так привыкли к Вардану, что, не обращая внимания на его протест, бросились сами распаковывать тюки. Развязали все узлы и веревки и стали вытаскивать долгожданные вещи.

Вардан стоял в стороне, с добродушной улыбкой наблюдал За этой веселой суматохой. Посмеиваясь, он говорил:

- Да пребудет с вами благополучие, даже курды так не грабят караваны, как вы...

Единственно, кто оставался безучастным,- это Лала. Стоя поодаль, она молча улыбалась.

Вардан подошел к ней и спросил: - А ты почему ничего не берешь?

- Мне нечего брать...- смутившись, сказала девушка.

И правда, что она могла взять? Лалу давно уже тяготило ложное положение; взять какую-нибудь принадлежность женской одежды она не могла, а другого ей не хотелось. Вардан понял, что она имеет в виду, и сказал вполголоса:

- А я тебе привез хорошенькую вещицу.

- Какую?- тихо спросила девушка.

- Увидишь потом, только не показывай никому.

Улыбнувшись, Лала отошла.

Вардану на вид было лет двадцать пять. Это был рослый молодой парень с крупными чертами лица, которое нельзя было назвать красивым. Его большие черные глаза глядели дерзко, по-разбойничьи, на припухлых губах играла ироническая усмешка. Весь облик этого человека говорил о недюжинной силе. Никто не знал, откуда

он родом и каково его прошлое. О нем рассказывали много невероятного, и все не в его пользу. Ходили слухи, будто он побывал во многих переделках и лишь счастливая случайность спасла его от петли. Одно время Вардан был монахом и, живя в монастыре, исполнял службу дьякона, затем - школьным учителем. Но по какой причине он оставил и монастырь и школу, было неизвестно. О той поре его жизни ходили анекдоты, свидетельствующие о буйном характере Вардана.

Достоверно было известно лишь одно: что он бесстрашный контрабандист. Для этого юноша имел все данные: мужество, ловкость, изворотливый ум. Преодолевая опасности и препятствия, связанные с его профессией, он закалил свою волю и отличался редким бесстрашием.

Не один Томас-эфенди считал Вардана безумцем; и в деревне О... и в ее окрестностях он был известен под прозвищем "хент".

Почему же его считали безумцем? Человек он был неглупый, начитанный и имел довольно обширные познания. Он достаточно хорошо знал жизнь и людей и, несмотря на свою молодость, успел многое пережить и испытать. Он слыл безумцем потому, что не умел фальшивить и очень часто поступал наперекор людским предрассудкам. У Вардана была открытая душа; замечая дурное, он говорил людям правду в глаза, но не щадил при этом и себя, - а правда глаза колет; тех, кто говорит правду, не любят и называют чудаками и безумцами.

Многие древние мудрецы и философы, такие известные, как Пахлул и Ходжа Насреддин, слыли чудаками. Вардан не был ни философом, ни мудрецом, но его образ мыслей и поведение казались странными и вызывали осуждение.

Сказав Лале, что он привез ей хорошую вещичку, которую хочет вручить ей тайно, Вардан изменил своей привычке быть откровенным: по-видимому, какое-то тайное чувство побуждало его быть скрытным. Он искал случая встретиться со Степаником наедине. Повод к этому вскоре нашелся.

Здесь уместно будет описать расположение двора старика Хачо. Большую часть его занимал сад, засаженный тенистыми деревьями и кустарниками. Деревья разрослись так густо, что на расстоянии нескольких шагов ничего нельзя было разглядеть.

Уложив свои товары, Вардан направился в сад. Ему хотелось отдохнуть, и он решил полежать в прохладной тени деревьев. Какое-то сладостное чувство овладело им. В такие минуты ласковый шелест листвы говорит сердцу влюбленного больше, чем человеческий язык.

Лежа на мягкой траве, в тени развесистого дерева, он долго и бездумно смотрел вверх, на голубое небо.

Он видел, как проносились над ним пепельно-белые кучевые облака, громоздились на горизонте, сливались в сплошную массу, предвещая бурю...

На душе у Вардана тоже было беспокойно. В нем ширилось и рвалось наружу большое сильное чувство, которое зовется любовью...

Для него давно уже не было тайной, что Степаник девушка. Ему даже были известны причины, побудившие родителей выдавать ее за мальчика. Именно это и заставило чуткого по натуре юношу с большим участием отнестись к судьбе несчастной девушки. Постепенно чувство жалости и сострадания к ней переросло в любовь.

Но до самого последнего дня он хранил эту любовь глубоко в сердце. Юноша не только ничего не говорил Лале о ней, но даже и виду не подавал, что ему известна тайна ее рождения. Хотя Степаник был с ним очень дружен, но он строго хранил свою тайну и старался ничем не выдать себя, хотя порою природа брала свое, и его жесты, поступь, интонации голоса невольно выдавали женщину,

Вардан долго лежал в саду, отдавшись волновавшему его чувству. Вдруг до его слуха донесся какой-то шорох. Он обернулся и увидел, что к нему приближается Степаник. Сердце у него сильно забилося. Никогда он еще не испытывал такого волнения.

Степаник подошла и робко остановилась в нескольких шагах от Вардана.

- Обед уже готов, отец зовет тебя,- сказала она.

- И эфенди там? Спросил Вардан, поднимаясь со своего места и присаживаясь на бугорок, над которым густые ветви деревьев образовали как бы зеленый навес, Степаник с пренебрежительной гримасой ответила:

- Да, этот черт там.

- Ты его не любишь, Степаник?

- А кто его любит?

Вардан решил воспользоваться моментом и передать Степанику свой подарок. Попросив ее немного подождать, он ушел и быстро вернулся, неся в руках маленький узелок. Войдя под навес, он пригласил туда и Степаника.

- Но ведь отец ждет тебя,- напомнила Степаник.

- Успеет, еще рано. Присядь сюда, Степаник, я хочу показать тебе одну вещицу.

Степаник с радостным лицом присела на бугорок рядом с Варданом. Он развязал узелок, в котором оказалась красивая шкатулка из черного дерева. Вардан вынул из кармана ключик и открыл ее. В ней в строгом порядке были разложены принадлежности женского рукоделия: ножницы, наперсток, игольник и прочее, все из серебра и тонкой работы. В крышку шкатулки было вправлено маленькое зеркальце, а на дне ее находился музыкальный механизм, который заиграл, когда Вардан его завел.

Степаник смотрела на шкатулку с восхищением. Впервые в жизни видела она такую красивую вещицу.

- Нравится? - спросил Вардан, заглядывая ей в глаза.

- Бери, я дарю ее тебе.

Степаник, которая вначале обрадовалась подарку, вдруг приуныла. Казалось, ей что-то мешало принять этот подарок. После минутного замешательства она сказала:

- Зачем мне ножницы, наперсток, иголки... я же не девушка... лучше бы ты привез мне что-либо другое... то, что подходит мужчине...- Она говорила, запинаясь на каждом слове, словно делала над собой усилие.

Вардана настолько поразила ее скрытность, что он, отбросив обычную сдержанность, воскликнул:

- Лала, ты же девушка!

- Ах! Ты даже мое имя знаешь!..- И девушка, смутившись, невольно приникла лицом к его плечу.

Вардан крепко прижал ее к себе. Вся дрожа, со слезами на глазах, она шептала:

- Да, я девушка... девушка.

Это признание впервые за много лет сорвалось с ее губ. Она до сих пор не решалась открыть свою тайну Вардану, хотя, давно уже любила его.

Поглощенные друг другом, они не заметили, что из-за деревьев за ними наблюдает пара глаз. Это была Сара, привлеченная звуками музыки. "Ну, теперь Лала спасена!.." с радостью подумала она и поспешила уйти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сидя в ода за накрытым столом, староста Хачо и Томас-эфенди ожидали Вардана. Здесь же расположились двое турецких полицейских - подручные Томаса-эфенди по сбору налогов и его пособники во всех злодеяниях.

Сыновей старика Хачо в ода не было. Когда в доме у них обедал почетный гость, они не садились за стол.

- Вот сейчас явится и начнет злословить, все удовольствие от обеда испортит,-" сказал эфенди, намекая на Вардана.

- Да, он острослов, но сердце у него доброе,- заметил староста.

- Я знаю, староста, что сердце у него доброе, но зато язык - как змеиное жало. Не над каждым можно подшучивать, не надо забывать, кто такой Томас-эфенди! Стоит мне только кашлянуть как людей охватывает ужас. Ты же видел фирман султана! Скажу больше: эрзерумский вали всегда сажает меня рядом с собой. Спроси у них, если не веришь,- сказал сборщик, кивая на полицейских.

"У лисы потребовали свидетеля, она указала на свой хвост". Эти два мошенника всегда готовы были выступить свидетелями в пользу лживых заверений эфенди.

- Как могу я не верить!- ответил староста.

Томас-эфенди сердился на Вардана не столько за его утреннюю выходку, сколько за то, что тот при каждой встрече норовил высмеять его.

- Стоит мне захотеть,- продолжал сборщик,- и я весь мир переверну, тогда этот негодяй узнает, кто такой Томас-эфенди!

- Он еще молод,- добродушно сказал старик,- недаром говорят, что у молодого ум не окреп. Поверьте мне, он не так плох, как кажется.

В это мгновение вошел Вардан. Он казался задумчивым и был очень бледен. Томас-эфенди, который минуту назад говорил о нем с такой злобой, как говорится, "поджал хвост" и с лстивой улыбкой обратился к Вардану:

- Благословенный, долго же ты заставляешь себя ждать!

Разве не знаешь, что без тебя мне кусок в горло не полезет?

- Я знаю,- ответил Вардан, не глядя на него, и сел на свое место.

Во время обеда Вардан был неразговорчив, выражение лица у него было такое страдальческое, словно его мучил какой-то недуг. Свойственное ему веселое расположение духа сменилось мрачностью, подобно тому как ясный день сменяется непогодой.

Любовь влияет на людей по-разному: одни ликуют и радуются, другие безумствуют, третьи, полюбив, легче переносят невзгоды жизни; что же касается Вардана, то любовь вселила в него грусть. Он почти не прикоснулся к обеду, но пил много, словно пытался залить вином огонь, который жег его сердце.

Зато Томас-эфенди болтал без умолку. Чего только не рассказывал он о себе и о своем прошлом! Послушать его, так выходило, что он лицо столь уважаемое, что даже сам патриарх Нерсес называет его не иначе как "сын мой". О Хримяне¹ он отзывался неодобрительно, порицал его за излишнюю простоту, возмущаясь тем, что тот снисходит до беседы с простолюдинами из Муша и Вана. Эфенди уверял, будто Нубар-паша в письмах неизменно называет его "мой благородный друг"; хвастался, что на берегу Босфора у него есть собственный дворец, который он сдает в аренду англичанам; уверял, что его предки пожертвовали иерусалимскому храму большую сумму денег, из-за чего в монастыре св. Иакова им ежедневно служат благодарственный молебен; что отношения с Отьяном¹ у него испортились потому, что Отьян хотел породниться с ним и сватал за него свою дочь, но эфенди не пожелал ее,- и все в том же духе.

Долго болтал эфенди, но Вардан почти не слушал его. Зато наивный староста принимал все его рассказы за чистую монету и поражался. "Как счастлива будет моя Лала,- думал он,- если она станет женой такого человека, который имеет дворец на берегу Босфора и отказался от чести быть зятем Отьяна".

Затем эфенди перевел разговор на политику. Это было время гражданской войны на Балканах, когда славянские народы проливали кровь за свою свободу. В Константинополе состоялась конференция, где решались их судьбы, и Митхад, этот изворотливый дипломат, обнародовал турецкую конституцию.

Рассевшись в ода, Томас-эфенди разглагольствовал о будущем армянской нации. Говоря о "безумии" славян, которые "осмелились" восстать против своих "доброжелателей"- турок, Томас-эфенди с негодованием обрушился на армян, заявив, что и среди них есть такие "безумцы", которые ропщут на турок и мечтают о гражданских свободах и самоуправлении. Он уверял, что армяне погибнут без турок, что они не способны сами управлять своей страной.

Этого Вардан уже не мог стерпеть.

- Таким кровопийцам, как вы,- всяким подрядчикам и сборщикам налогов,- на руку бесчинства и беззакония турецких властей,- сказал он,- вы ловите рыбу в мутной воде. Вам ненавистен свет, ведь недаром воры боятся дневного света.

- Господин Вардан,- прервал его сборщик,- не забывай, что рядом с тобой сидят двое полицейских.

Можешь запугивать ими несчастных крестьян, которые так наивны, что верят, будто у тебя есть дворец на Босфоре, что ты отверг дочь Отьяна, что твоим предкам ежедневно служат благодарственный молебен в монастыре святого Иакова... Будьте прокляты ты и тебе подобные!.. Это вы разоряете народ, вы все, начиная от сборщика налогов и кончая вельможами из Высокой Порты, которые ради личной выгоды предают интересы своей нации.

Томас-эфенди не умел сердиться - вернее говоря, он проявлял свой гнев только тогда, когда видел, что противник слабее его и он легко с ним справится. Зная запальчивый характер Вардана, сборщик налогов побаивался его и постарался обратить все в шутку.

- Я вижу, что вино ударило тебе в голову, благословенный,- сказал он,- надо быть умереннее, коли ты не умеешь пить!

Вардан искоса взглянул на него и отвернулся, ведем своим видом выражая отвращение к этому низкому лицемеру.

Старик Хачо сидел молча. В глубине души он чувствовал справедливость слов Вардана, но осуждал его за недопустимую резкость в разговоре с должностным лицом. Поэтому он очень обрадовался, когда обед пришел к концу, никак не предвидя, что может вспыхнуть новая ссора.

После обеда, по местному обычаю, сразу же подали кофе без сахара.

Томас-эфенди требовал, чтобы после кофе чубук ему всякий раз подавал Степаник, потому что “чубук, приготовленный руками Степаника, более приятен на вкус”.

Что-то таинственное было в судьбе этого бедного “юноши”.

Фатах-бек, бывая в гостях у старика Хачо, любил, чтобы кофе ему подавал Степаник, уверяя, что кофе, поданное им, “приятнее на вкус”, по той же причине Томас-эфенди требовал, чтобы Степаник готовил ему чубук. Во всяком случае, бек знал, что Степаник девушка, и любил ее; но знал ли об этом эфенди? Так или иначе, но он находил особый вкус в чубуке, приготовленном руками Степаника.

Вошел Степаник, неся длинный турецкий чубук, и протянул его Томасу-эфенди. В сердце у Вардана закипела ярость, он хорошо знал двусмысленное значение этого турецкого обычая. Подскочив к Степанику, он вырвал из его рук чубук и, выбросив его за окно, повелительно сказал:

- Уйди, Степаник!

Озадаченный Степаник покорно вышел.

Эфенди пришел в бешенство, казалось, его стукнули чубуком по голове.

- Я не люблю подобных шуток, ты бесчестишь меня!- вскричал он.

- Не тебе говорить о чести!

- Я, я мультезим¹ всего уезда!- заорал подрядчик.

- Да, ты известный на весь уезд грабитель!

Сборщик вскочил с угрожающим видом.

- Не двигайся, а то убью, как собаку,- сказал Вардан, хватаясь за шашку.

Один из стражников встал между ними.

- Напрасно вы сердитесь, господин, эфенди не сказал вам ничего обидного.

Не обратив на стражника никакого внимания, Вардан крикнул сборщику:

- Развратник! По примеру турок, ты приходишь в дом армянина, чтобы нажраться и напиться, и с гнусной целью заставляешь прислуживать себе молодых девушек и юношей. Бессовестный развратник!

Староста обомлел. Не в силах вымолвить ни слова он только время от времени крестился, моля бога отвратить от него беду.

Томас-эфенди, несмотря на свое бахвальство, кичливость и грозный тон, был труслив, как лиса. Видя, что Вардан рассвирепел, и понимая, что с ним нельзя расправиться, как с крестьянами Алашкерта (у Вардана была при себе шашка, и к тому же он был русский подданный), он сдержался и с присущим ему притворством мягко сказал:

- Бог свидетель, что я не подражаю турецким обычаям.

Зря ты клеветешь на меня, Вардан.

Вне себя от гнева, юноша воскликнул:

- Я клевету на тебя? Не ты ли вместе с турками совершаешь намаз, а потом заказываешь молебен в армянской церкви, чтобы заслужить расположение крестьян?.. Не ты ли говоришь туркам, что все армяне гяуры, а среди армян поносишь турок?.. Не ты ли выдаешь турецким властям каждого честного армянина, который болеет душой за свой народ?.. Не ты ли водишь дружбу с теми, кто занимается разбоем, и на суде даешь ложные показания в их пользу?.. Не ты ли был десять раз женат, бросал своих жен и сейчас, здесь, норовишься жениться?..

Ты говоришь, что не подражаешь турецким обычаям? Да турок в тысячу раз честнее тебя и тебе подобных, потому что ты и не турок и не армянин!

Слова Вардана о том, что эфенди был уже не раз женат и хочет снова жениться, как громом поразили бедного старика. Ведь он хотел выдать свою Лалу за этого человека, который имел знатных. родственников в Константинополе, собственный дворец на Босфоре и не пожелал жениться на дочери Отьяна. “Нет, нет,- думал Хачо,- Вардан клеветет! Томас-эфенди не может быть обманщиком”.

Излив весь свой гнев, Вардан вышел из ода.

Едва он скрылся за дверь, как язык у эфенди сразу ж© развязался.

- Я обязательно напишу султану,- сказал он угрожающим тоном,- напишу и русскому царю. Я загоню этого негодяя в Сибирь,.. Я с ним расправлюсь, он узнает, кто такой Томас-эфенди! Осла проймает только дубина.

Томас-эфенди имел привычку угрожать именами высокопоставленных лиц, давая понять, что он с ними на равной ноге и ему ничего не стоит привести в исполнение свои угрозы.

Хотя старик Хачо был человеком не глупым, но ему. пришлось на своем веку

вынести немало притеснений от разного рода чиновников, поэтому он, как и любой крестьянин, слепо верил в их могущество. Угрозы эфенди так устроили его, что он повалился ему в ноги и стал со слезами на глазах молить:

- Ради бога, пощадите Вардана, не загоняйте его в Сибирь, уважьте мои седины! Вы же знаете, что он хент!

Сделав вид, что он внял мольбам старика, эфенди после небольшой паузы сказал:

- Хорошо, пощажу, но только ради тебя, старик, потому что я не раз в твоём доме ел хлеб-соль.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Пришла беда - отворяй ворота, - так бывает, когда несчастья омрачают покой и благополучие какой-нибудь семьи. Так было и с семьёй старика Хачо, на которую со всех сторон сыпались удары.

По-разному отнеслись к ссоре Вардана с Томасом-эфенди члены его семьи, хотя она вызвала у всех одинаково тягостное чувство. Одни высмеивали трусливого эфенди и хвалили Вардана за смелость, другие осуждали его, говорили, что он сумасброд и не умеет держать язык за зубами. Больше всех негодовали Оган и Ако: где бы ни находилось должностное лицо, говорили они, при исполнении ли служебных обязанностей, или дома - ему нельзя перечить.

Не меньше их был обеспокоен и старик Хачо. Хотя он прямо и не обвинял Вардана, находя, что тот был до известной степени прав, но тем не менее его поведение по отношению к эфенди он считал недопустимым.

Хорошо зная эфенди, он был уверен, что этот закоренелый злодей постарается при случае подстроить каверзу Вардану, а если это ему не удастся, то он всю свою злобу выместит на семье Хачо. Эфенди имел законные основания донести властям, что в доме у Хачо нашёл приют такой известный контрабандист, как Вардан.

Волновало старика и другое. С тех пор как он узнал, что Томас-эфенди был женат не один раз, он потерял покой: ведь за этого человека он прочил свою дочь! Все его надежды рушились.

Как выявить, правду ли говорил Вардан? Хотя старик и не считал Вардана лжецом, но мало ли что можно сказать сгоряча.

Что привлекало старика Хачо к этому гнусному, бесстыжему подрядчику? Почему он решил связать судьбу своей любимой дочери с таким обманщиком? Ему хорошо было известно, что Томас-эфенди бессовестный выжига и что для него нет ничего святого, что ради своей выгоды он готов на все, - но Хачо за бывал обо всем, когда видел одетого в казенный мундир эфенди.

В его глазах Томас-эфенди олицетворял власть, а мундир, надетый на нем, был для него символом власти, которой он поклонялся. Казенный мундир как бы покрывал и сводил на нет грязные поступки даже самого мелкого чиновника. Мундир освящал все.

Вот почему старика Хачо соблазняла мысль иметь зятем такого всемогущего человека, как Томас-эфенди, перед которым все трепещут. Будучи по натуре бесхитростным и правдивым человеком, Хачо, как сельский староста и первое лицо в деревне, не лишен был некоторой доли честолюбия. Вряд ли он согласился бы выдать свою дочь за простого крестьянина, тем более что ему приходилось ее особо оберегать и она росла в необычных условиях.

Проча себе в зятя Томаса-эфенди, старик Хачо преследовал и другую цель. Ему как сельскому старосте постоянно приходилось иметь дело с местными властями, и он рассчитывал, что эфенди, став его зятем, в затруднительных случаях поможет ему.

И вот теперь все его надежды рушились!

Если бы ко всему этому Хачо узнал, какая опасность угрожает его любимой дочери со стороны Фатах-бека, он не перенес бы этого нового удара! Но его сыновья хранили молчание, хотя эта тайна, как моль, точила их. Особенно тужили Айрапет и Апо. Не придя ни к какому соглашению с братьями, они не знали, что предпринять, чтобы спасти любимую сестру от гибели.

Какая участь может ждать бедную Лалу, если бек похитит ее из отцовского дома? Смирится ли она со своей участью, или так же, как Сона, наложит на себя руки?..

В то время как они с тревогой думали о судьбе Лалы, она, как никогда была беспечна и счастлива. После тайного свидания с Варданом, когда она получила из рук любимого человека заветную шкатулку, - мужская одежда, казалось, жгла ее. Ее томило желание быть одетой в девичий наряд, ей хотелось быть такой, какой ее создала

природа. Она еще ощущала на губах теплые поцелуи Вардана, в ее ушах еще звучали его ласковые слова. А с той минуты, как Вардан на ее глазах одержал победу над эфенди, перед которым трепетал весь уезд, к ее любви примешалось и чувство восхищения.

Трудно сказать, почему женщинам нравится, когда мужчина превосходит их умом, силой и особенно мужеством. Они восхищаются, когда находят, что мужчина обладает этими качествами. С тех пор как Вардан с такой решимостью разоблачил зазнавшегося эфенди, которого Лала ненавидела всей душой, она стала относиться к нему с обожанием. Ей пришлось немало натерпеться от наглого подрядчика, и всякий раз, когда он посещал их дом, она стремилась убежать и спрятаться от него, но отец посылал за ней и требовал, чтоб она приготовила чубук для эфенди.

Встретившись в ода с Айрапетом, Лала рассказала, ему о ссоре Вардана с эфенди. Выслушав ее, Айрапет сказал:

- Молодец Вардан, правильно поступил. Следовало бы задушить этого негодяя. Привык помыкать крестьянами и думает, что каждый будет гнуть перед ним спину.

Лала была готова броситься на шею брату и признаться ему, что она любит, давно уже любит Вардана, и попросить его поговорить об этом с отцом, но Айрапет так торопился уйти, словно у него было неотложное дело.

У Сары в этот день должно было состояться свидание с женой Фатах-бека - Хуршид. Рано утром явилась Джаво с известием, что ее госпожа собирается на богомолье в часовню близ деревни О., чтобы совершить жертвоприношение, так как болен ее маленький ребенок, и назначает там свидание с Сарой. Эту часовню одинаково почитали и курды и армяне. Сара очень обрадовалась, что Хуршид исполнила ее просьбу, потому что она сама в прошлый раз через Джаво просила об этом свидании. Расставшись с Лалой, Айрапет поспешил навстречу Саре, чтобы узнать подробности ее свидания с Хуршид. Выйдя из деревни, он на полпути к часовне сел у подножья громадной скалы и стал с нетерпением поджидать Сару, которая должна была вернуться по этой дороге.

Место, где сидел Айрапет, было очень живописное. Земля вокруг него была усеяна большими валунами. Между ними густо разросся кустарник, кое-где возвышались деревья. Внимание Айрапета привлекла дикая яблонька. Весь ее ствол был обвит ползучим растением, которое цепко опутало дерево и поднялось к ветвям, повсюду раскинув свои отростки. Оно, казалось, хотело задушить яблоню: верхние ветви дерева уже лишились листьев и высохли...

У всякого человека бывают минуты, когда он предается философским размышлениям. "Вот хороший пример,- думал Айрапет, глядя на яблоню,- это дикое растение живет как паразит-не имея корней в матери-земле, оно присасывается своими щупальцами к плодоносному дереву, питается за его счет, жадно сосет его соки, истощает и губит его. Так же и курд- словно ползучее растение - живет за счет армянина".

У Айрапета было чуткое сердце и светлый ум. Его взгляды на жизнь отличались широтой. Но где он усвоил их? Если бы он прожил весь свой век в деревне, то его кругозор, вероятно, был бы таким же ограниченным, как и у его односельчан. Но судьба распорядилась иначе. Молодость свою Айрапет провел в чужом краю. В юности у него вышла разномылка с отцом, и, как бывает в таких случаях, покинув отцовский дом, он отправился странствовать по свету. После долгих скитаний он наконец попал в Константинополь, который в ту пору был связующим звеном между Европой и Азией. Жизнь в большом городе на многое открыла ему глаза, и хотя он не изучал никаких наук, но усвоил некоторые передовые взгляды, о которых рядовой крестьянин даже и понятия не имеет.

Айрапет долго сидел у подножья скалы, ожидая жену. Солнце уже близилось к закату, и догорающие лучи его окрасили багрянцем вершины гор.

Наконец показалась Сара. По ее сияющему лицу Айрапет понял, что она идет с радостными вестями.

- Мальчик или девочка?- крикнул он.

- Мальчик,- с улыбкой ответила жена. Подойдя к нему, она устало опустилась на камень.

Согласно народному поверью слово "мальчик" означало радостную весть, так как в представлении крестьянина рождение мальчика приносило радость, а рождение дочери - горе.

Сара отерла пот с лица, отдышалась и, передохнув, поведала все, что она

услышала от жены Фатах-бека.

Вот что она рассказала. По словам Хуршид, бек сейчас мало думает о Степанике, так как у него тяжелые заботы и ему пришлось на время позабыть о своей любви к ней. Хуршид сказала, что бек получил приказ от эрзерумского вали и что ведется какая-то подготовка: производят учет всех мужчин их племени, раздадут оружие, снабжают деньгами, чтобы они приобрели лошадей, справили одежду и прочее. Что означает вся эта подготовка, Хуршид не знает. Но она по-прежнему советует или отправить подальше Степаник, или же выдать ее замуж, так как твердо убеждена, что бек рано или поздно исполнит свое намерение в отношении девушки. "И хотя,- добавила Хуршид,- у меня по этому поводу был разговор с отцом и он обещал образумить бека, но я не очень-то доверяю беку, и если дело примет такой оборот, я вынуждена буду оставить его дом и вернуться к отцу".

Внимательно выслушав " рассказ Сары, Айрапет сказал:

- Все это еще не устраняет опасности, но одно хорошо, что дело замедлилось. За это время мы что-нибудь предпримем, чтобы изменить положение Лалы.

- Я согласна с тобой,- промолвила Сара.

- А теперь давай подумаем, как быть.

- Иного выхода нет, надо выдать ее замуж.

- Это не спасет Лалу. Бек не посмотрит на то, что она за мужем, и похитит ее.

- Остается одно: найти такого человека, который женился бы на ней и увез в другие края,- предложила Сара.

- Это ты хорошо придумала,- одобрил Айрапет,- ко где мы возьмем такого человека? В нашей деревне не найдется охотников, каждый боится мести бека. Ведь бек наверняка спалит его дом и уничтожит всю родню!

- А я знаю такого человека. Он не побоится мести бека!

- Кто же это?

- Вардан.

Лицо Айрапета прояснилось, когда он узнал, что Сара была невольной свидетельницей свидания Вардана с Лалой и слышала, как они клялись в вечной любви друг другу.

- Вот и отлично,- сказал Айрапет.- Никто, кроме Вардана, не сможет ее спасти.

Стало смеркаться. Айрапет и Сара поспешили домой.

Дорогой Айрапет размышлял о том, что означают приготовления бека и почему он вооружает свое племя. Не замышляется ли новое злодеяние?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Было уже совсем темно, когда Айрапет и Сара вернулась домой. Они узнали, что после ссоры с Варданом Томас-эфенди, считая себя оскорбленным, покинул их дом и старик Хачо был этим очень обеспокоен. Он боялся, что обозленный сборщик подстроит ему какую-нибудь каверзу.

Несмотря на свой резкий и вспыльчивый характер, Вардан никогда попусту не обижал людей. По его мнению Томас-эфенди был отъявленным негодяем, потому что, находясь на службе у турецкого правительства, он притеснял своих соотечественников, обирал и разорял их. Помимо этого, ему было известно и прошлое эфенди: этот пакостник и плут, исполняя должность сборщика податей в разных уездах Армении, повсюду заводил жен и совратил немало молодых девушек. Очевидно, теперь такие же намерения были у него и по отношению к Лале. Он хотел, обманув доверчивого и наивного Хачо, соблазнить его дочь. Мог ли Вардан отнестись к этому спокойно, тем более что речь шла о любимой девушке.

Причиной того, что Томас-эфенди так поспешно покинул дом старика Хачо, была не только обида на Вардана и нежелание встречаться с ним,- эфенди умел, когда нужно, молча сносить оскорбления. Дело в том, что он получил письмо, доставленное ему специальным гонцом, в котором ему предписывалось ссыпать в особые амбары все имевшееся у него под рукой казенное зерно и ни под каким видом не продавать его, так как оно было нужно правительству. Очевидно, шла какая-то подготовка, и не случайно Фатах-бек вооружал курдов.

После отъезда Томаса-эфенди в доме старика Хачо появился новый гость. Это был худощавый молодой человек с очень бледным лицом. Его болезненный вид говорил о том, что он немало времени просидел на школьной скамье.

Какого он был звания и чем занимался - никто не знал. Было известно лишь одно, что он константинопольский армянин. И старик Хачо считал своим долгом оказать гостеприимство столичному жителю.

У приезжего не было ничего, кроме хурджина. Он был одет в поношенный европейский костюм, свидетельствующий о его бедности. Чарводар, с которым он прибыл в деревню, покинул его, и приезжий бродил по улицам в поисках пристанища, когда случайно встретился с Варданом.

Говорят, что сердце сердцу весть подает. Разговорившись, юноши тотчас же подружились и, хотя не были до этого знакомы, они, словно члены одной тайной секты, по-братски протянули друг Другу руки.

Вардан взял под свое покровительство нового знакомого и привел его в дом старика Хачо. Гость назвался Микаелом Дудукчяном.

Поскольку фамилия каждого турецкого армянина происходит от рода занятий его отца или деда, то отец Дудукчяна², по-видимому, занимался изготовлением свирелей.

Откровенно говоря, старику Хачо не понравились ни трудно произносимая фамилия, ни бледное, болезненное лицо, ни лихорадочно блестящие глаза константинопольца. Не внушал ему доверия и мрачный, замкнутый вид гостя. Но Вардан шепнул ему: "Хороший парень; узнаешь - полюбишь его".

Перед тем как войти в дом старика Хачо, Дудукчян задал Вардану только один вопрос:

- Можно ли довериться этим людям?

- Можно, - с уверенностью ответил Вардан, В этот вечер за столом сидели вместе со стариком все его шестеро сыновей, так как не было ни Томаса-эфенди, ни других именитых гостей. Что же касается Вардана, то он был своим человеком, а с Дудукчяном не особенно церемонились, полагая, что хватит с него и сытного ужина.

Ужин прошел в тягостном молчании: каждый был поглощен своими мыслями. Старика беспокоил внезапный отъезд эфенди, Айрапет думал о беке и Лале и, вспоминая рассказ Сары, пытался представить себе, чем все это кончится. Остальные сыновья Хачо размышляли о предстоящих им утром делах. Перед взором Вардана витал прекрасный образ Палы. А о чем думал новый гость - одному богу известно.

Когда убрали со стола, Лала, по Местному обычаю, принесла медный таз и кувшин для умывания. Все умыли руки, затем прочли благодарственную молитву. Старик закурил свой длинный чубук, а Дудукчян, вынужденный из-за пазухи дорогой портсигар, который явно не соответствовал его поношенной одежде, достал сигару и закурил. В комнате приятно запахло гаванской сигарой. Судя по всему, этот юноша знал лучшие дни, но, очевидно, превратности судьбы обрекли его на лишения.

После ужина разговор зашел о Томасе-эфенди. Вардан подробно рассказал о нем Дудукчяну.

Старик Хачо мягко упрекнул Вардана за то, что он вел себя с подрядчиком опрометчиво.

- Ты же знаешь, - начал староста, - что я не отличаю тебя от своих сыновей, - и он указал на сидевших за столом шестерых сыновей и на стоявшую возле них Лалу. Старик имел привычку клясться именами своих сыновей, не исключая и Степаника. Ему даже в голову не приходило, что Вардану известна тайна ее рождения.

- Клянусь жизнью своих детей, что я отношусь к тебе, как к сыну, - продолжал старик, - мой дом - это твой дом, приезжай и живи сколько хочешь, двери моего дома всегда открыты для тебя. Но помни, что здесь не так, как в ваших краях, - здесь люди, подобные Томасу-эфенди, имеют большой, очень большой вес... Они всесильны... Поэтому волей-неволей приходится оказывать им уважение и молча сносить все их выходки. Что поделаешь! "Если не можешь отсечь злодею руку, облобызай ее и покорись ему", - говорит пословица. Возможно, что эфенди и не причинит тебе никакого вреда, ведь ты чужеземец, но мы-то за тебя поплатимся. Небось знаешь турецкую поговорку: "Трус, испугавшись осла, бьет по его седлу".

Слова старика заделали Вардана за живое.

- Я знаю другую поговорку, получше этой, - сказал он. - "Поколоти турка, и он станет тебе другом"; Томас-эфенди ведет себя, как турок, и я очень жалею, что хорошенько не поколотил его, хотя несколько не нуждаюсь в его дружбе.

Старик Хачо нахмурился, ответ Вардана пришелся ему не по душе, зато Степаник просияла. Это не укрылось от Вардана, и он с восхищением поглядел на нее: "Вот единственное существо в этом доме, которое сочувствует мне, - подумал он. - Только она понимает, что эфенди распутник и мерзавец". Он с жаром стал доказывать свою

правоту.

- Вы позволяете всяким мерзким людишкам садиться себе на шею!- продолжал он.- Вы терпите их злодеяния! Я еще могу понять, когда турки и курды топчут, терзают, истребляют нас,- это меня не удивляет, ведь так повелось испокон веков, и без этого они уже не могут существовать. Но когда армянин поступает со своими братьями еще хуже, чем турок и курд, по-моему, чудовищно. Я прямо в лицо сказал об этом эфенди, и он ничего не смог мне ответить.

- Я бы сказал ему еще похлеще,- подхватил Айрапет,- да отец постоянно внушает нам, что надо терпеть... "Терпи, говорит, когда-нибудь и мы станем свободными..." Не знаю, доколе же мы будем терпеть!..

- До второго пришествия,- насмешливо заметил Вардан,- жаль только, что к тому времени на свете не останется ни одного армянина...

- Терпение это жизнь,- заговорил старик наставительным тоном,- наши священники и епископы проповедуют это изо дня в день. Придет день - и бог вспомнит о своих гибнущих овцах. Терпите, дети мои, жизнь - это терпение.

- Нет! Терпение - это смерть,- неожиданно воскликнул Дудукчян, который до этого не принимал участия в беседе.

Бледное лицо его вспыхнуло, губы задрожали.- Терпение - смерть,- с негодованием повторил он.- Только мертвые терпеливы. Обладая тем же терпением, что и еврейский народ, мы идем к неотвратимой гибели. Евреи много терпели. Подвергаясь гонениям, они терпеливо ожидали, пока явится их мессия, возродит святой Иерусалим и восстановит былую славу Израиля. Они ждут этого и по сегодняшний день. Но у нас нет их чаяний, и я не знаю, чего мы ждем... Наши священники и епископы проповедуют терпение,- продолжал он с горечью,- и по их вине разорена наша отчизна, а мы влачим жизнь рабов.

Единственное, что может спасти угнетенные и бесправные народы,- это протест в любой форме. Недовольство, ропот, стремление облегчить свою участь, только это может избавить нас от рабства! Терпение подобно смерти, оно губит все высокие помыслы.

Старик безмолвствовал, но Вардан и Айрапет встали и, подойдя к Дудукчяну, горячо пожали ему руку. Остальные сыновья мало что поняли из его рассуждений и подумали про себя: "Вот еще один бесноватый на нашу голову".

Старик распорядился насчет ночлега и, пожелав гостям спокойной ночи, ушел вместе с сыновьями, Вскоре явилась одна из невесток с лицом, закрытым чадрой, и постелила постели.

Юноши долго не могли заснуть. Дудукчян курил.

- Друг мой,- заговорил Вардан,- старайтесь говорить языком народа,, иначе вас здесь не поймут и вы не добьетесь успеха. Чтобы крестьяне вас понимали, пользуйтесь поговорками и пословицами. Притчи Христа значили больше, чем его возвышенные проповеди.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В ода тускло мерцала масляная лампадка. Вардан долго не мог уснуть. Он находился .под впечатлением разговоров, которые велись за ужином. Вспоминая, с каким равнодушием сыновья Хачо слушали его рассуждения и "проповеди" Дудукчяна, он искренне удивлялся тому недоверию, с каким они отнеслись к этому пылкому и благородному юноше. Два сильных чувства наполняли его душу: любовь к своему обездоленному народу и любовь к Лале, которую тоже обездолила судьба.

Он взглянул на Дудукчяна; тот уже спал. В тусклом свете лампадки вырисовывалось его бледное, изможденное лицо, суровые черты которого говорили о твердой воле. Сон юноши был неспокоен: он метался и что-то бессвязно бормотал. Вардан прислушался. Путая французские и армянские слова, Дудукчян бормотал:

- Крестьяне... час настал... мы должны кровью купить... свободу... настоящее... будущее... нам принадлежит... покажите... храбрецы... что турки... железный посох... еще не всех убил... мы еще полны жизни... свобода... в огне... с мечом в руке... должны искать спасения... вперед, храбрецы!

"Бедняга,- подумал Вардан,- видно, начитался книг и, лежа здесь, в крестьянской хижине, воображает себя на баррикадах Парижа!"

Вдруг до слуха Вардана донеслось тихое пение, голос по- казался ему знакомым; он поспешно поднялся и вышел из ода.

В доме старика Хачо все уже спали глубоким сном. Однако был человек, который так же как и Вардан, не находил себе покоя. Это была Лала. Она оделась и, крадучись, как кошка* вышла из дому, Заслышав ее шаги, залаяла собака. - Замолчи,- шепнула Лала. Собака, узнав ее, затихла.

Была тихая весенняя ночь. Прохладный воздух освежил ее пылающие щеки. Войдя в сад, под сень густых деревьев, где никто не мог ее увидеть, она села на траву и, подперев руками лицо, взглянула на небо. Луны не было. "Где она,- подумала девушка? Наверное, спит". Стояла тишина, все было, объято сном; уснул даже ветер, обычно шелестевший в листьях, уснула река, плеск которой всегда слышался в ночной, тишине.

*Спит луна в глубине небес,
Спит птенец в глубине гнезда,
Вечер спит, не шуршит листва,
Спит река, не слышна волна,
Мать, а я не могу уснуть,
Отчего не смыкаю глаз?
Что терзает меня, скажи,
И сжигает жарким огнем?*

Девушка умолкла, опустила голову и, закрыв руками лицо, горько заплакала. Из ее красивых глаз струились слезы. Отчего она плакала? Она и сама не могла бы сказать. Быть может, Лала оплакивала свою мать, которую никогда не видела, ведь девушка выросла, не зная материнской ласки. О чем она плакала? Какое-то необъяснимое чувство теснило ей грудь. Поплакав, она успокоилась, подняла голову, огляделась и глаза ее остановились на могиле, возвышавшейся невдалеке. Это была могила ее сестры Сона, которая умерла до ее рождения. Лала много слышала о ее трагической судьбе. В глазах местных крестьян Сона была мученицей, и они часто приводили на ее могилу больных для исцеления. Хачо распорядился, чтобы каждую субботу здесь зажигали лампадку, и в эту ночь ее мигающий огонек освещал могильный холм.

Лала со страхом смотрела на могилу. Ей мерещился черный курдский шатер в глухом горном ущелье. В шатре сидит Сона, на лице ее написан ужас. Она держит в руках чашу с ядом и то подносит ее к губам, то в испуге отшатывается от нее; жизнь и смерть ведут поединок. Но вот к шатру приближается похититель Сона. Услышав его шаги, она решительно подносит к губам яд и, перекрестившись, пьет...

Видение исчезло, перед глазами Лалы опять белела могила.

Теперь в ее воображении встали два других образа: уродливый Томас-эфенди и свирепый Фатах-бек. Она вздрогнула всем телом. Знала ли девушка, что замышляют эти люди? Нет она ничего не знала, но сердце ее чуяло недоброе...

- Нет,- в отчаянии проговорила она вслух, -я не хочу умирать, как Сона... я боюсь могилы...

В это мгновение чья-то рука робко легла ей на плечо и чей-то голос произнес:

- Лала...

Но девушка, казалось, не слышала.

- Лала,- повторил кто-то" Я не позволю, чтобы ты ушла к Сона, я спасу тебя.

- Спаси меня,~= сказала она,- спаси, увези подальше отсюда. Здесь страшно, здесь очень страшно!

Вардан сел рядом с ней. Несколько минут они молчали. Лала все еще была во власти пережитого страха. Юноша же размышлял, отчего эта кроткая девушка хочет покинуть родной край, отчий дом, где все ее так любят. Зачем ей бежать отсюда? Неужели любовь довела ее до такого отчаяния?

- А чем же здесь тебе плохо?- спросил он.

- Ах, здесь ужасно, ужасно!- ответила она с грустью.- Ты видишь эту могилу?- она указала на могильный холм.- Знаешь, кто в ней похоронен?

- Знаю.

- Знаешь, отчего она умерла? - Знаю.

- Я не хочу умирать, как Сона, Вардан... Я боюсь яда, боюсь смерти.

Глаза девушки наполнились слезами.

- Почему ты думаешь, Лала, что тебя ждет участь Сона?- спросил Вардан, беря ее за руку.- С Сона произошел несчастный случай, не с каждой же девушкой так бывает?

- Я всегда боялась этого... всегда, с того дня, когда поняла, почему меня

заставляют носить мужскую одежду. Здесь родиться девушкой - это божье наказание, это страшно... а тем более красивой девушкой. Послушай, Вардан, у меня была подруга, она жила по соседству с нами, хорошая девушка, я ее очень любила... Она каждый день получала колотушки от матери за то, что родилась красивой и день ото дня становилась все лучше. "Ты накличешь на нас беду",- говорила ей мать. Наргис, так звали девушку, горько плакала. Мать не разрешала ей умываться, причесываться, одевала ее в лохмотья. Наргис ходила как замарашка. Но ничего не помогло, курды все же похитили ее. Несколько дней назад я встретила Наргис, Ах, как она изменилась, ее теперь нельзя назвать красивой. "Несладко быть женой курда",- сказала она и заплакала.

Говоря это, Лала сама расплакалась. Немного успокоившись, она сказала:

- Вардан, обещай, что ты увезешь меня отсюда!

- Увезу, не тревожься.

- Увези поскорей, хочешь - даже сейчас. Я пойду за тобой хоть на край света.

- Потерпи несколько дней, Лала. Я поговорю с твоим Отцом.

Разговаривая, влюбленные долго сидели в тиши ночного сада, и грусть, наполнявшая их сердца, постепенно уступила место радостному чувству любви.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Проведя бессонную ночь, Вардан встал довольно поздно. Тайная радость светилась на его слегка побледневшем лице.

В ода Дудукчяна уже не было, в углу лежал только его хурджин.

"Куда он подевался?"- с тревогой подумал Вардан. Он еще вчера убедился, что Дудукчян слишком наивен и его необходимо опекать.

В доме уже давно все были на ногах. Сыновья Хачо спозаранок отправились в поле; старик Хачо ушел вслед за ними; снохи хлопотали по хозяйству. Никто не сидел сложа руки. Дома оставался только Айрапет. Улучив минуту, он зашел к Вардану. Айрапет надеялся, что юноша откроет ему тайну своей любви к Лале и таким образом они смогут объясниться. Другие братья, кроме Апо, перестали думать об угрожавшей Лале опасности, положившись на судьбу и на волю провидения.

Отец еще ничего не знал. Его занимало Другое: как выяснить прошлое Томаса-эфенди, которого он прочил себе в зятя.

Когда Айрапет вошел в ода, Вардан спросил его:

- Ты не знаешь, куда делся мой новый друг? Айрапет понял, что речь идет о Дудукчяне, и ответил:

- Чудной он какой-то, этот твой новый друг; поднялся чуть свет, не умылся, не позавтракал, взял свой посох и пошел со двора. Мы его спрашиваем: "Куда идешь?"- а он в ответ только головой мотнул.

- Куда же он ушел?- встревожился Вардан.

- Право, не знаю; впрочем, я видел его потом в деревне.

Он остановил босоногую, одетую в лохмотья девушку и спросил: "Почему ты так плохо одета? Девушке не пристало так ходить". Та ответила, что у нее бедные родители.

Тогда он достал из кошелька золотую монету и отдал ей. Мне думается, что это была его последняя монета.

- Вполне возможно,- сказал Вардан,- ну а потом куда он пошел?

- Только что отошла обедня, и возле церкви кучкой стояли крестьяне и толковали о раскладке податей. Он подошел к ним, вмешался в разговор и стал им объяснять, что они платят государству больше, чем следует, а о своих общественных нуждах не пекутся. "Взять хотя бы, к примеру, школы,- сказал он,- почему вы не учите грамоте своих детей?" Потом стал говорить им о каком-то товариществе, уверял, что оно выгодно крестьянам, завел речь о кредитном обществе, объяснил, что оно за небольшой процент будет ссужать крестьян деньгами, и много чего еще говорил...

- А что ему ответили крестьяне?- с интересом спросил Вардан.

- Они подняли его на смех. Кто-то сказал: "Откуда взялся этот бесноватый, этот хент?"

- Слава богу, не один я хент,- усмехнулся Вардан.- Ну а дальше?

- Какой-то крестьянин предложил ему зайти в харчевню.

Они пошли. В харчевне было много пьяных. Сам он пил мало, но платил за всех и все гнул свое - объяснял, почему народ бедствует. И так складно говорил, душа умилялась! Я не знал, что слово имеет такую силу. Но крестьяне слушали его недо-

верчиво. Кто-то спросил его: “Какая у тебя должность, чин какой?” А как услышал, что он нигде не служит, так ему напрямик и отрезал: “Чего же ты суешься?”

- Да, для того, чтобы убедить их, надо быть или уездный начальником, или мудиром, или сборщиком податей, вроде Томаса-эфенди, а образованный человек ничего не значит в их глазах,- с горечью сказал Вардан.- Рассказывай дальше.

- Я насилу вывел его из харчевни,- продолжал Айрапет,- боялся, что дело кончится потасовкой. Когда мы вышли, он сказал: “Вот где надо знакомиться с народом: когда человек выпьет, у него душа нараспашку”. Пошли мы с ним по деревне, а на плече у него была кожаная сумка, набитая разными книжками. Он останавливал проходивших мимо крестьян и раздавал эти книжицы. Одни говорили, что не знают грамоты, и не брали, а другие брали - хотя такие же неучи, как первые.

Я спросил у одного: “Зачем тебе эта книга?”- “Отдам, говорит, матери, пригодится табак заворачивать”...

Лицо Вардана приняло еще более огорченное выражение, словно его терзала какая-то боль. - А тебе-то он дал эту книжицу?

- Да, целых две.

Вардан взял книжки у Айрапета, полистал их и недовольно сказал:

- Глупо раздавать такие книги неграмотным людям... Куда же он пошел?

- Мы вместе с ним вышли за околицу деревни, и тут он попросил меня оставить его одного. Я попрощался с ним. Он пошел наугад, скорее всего в соседнюю деревню. Я долго стоял и смотрел ему вслед. Он так торопился, словно его там ждали, хотя я готов поклясться, что он сам толком не знал, куда идет; долго плутал;- с нескрываемой иронией добавил Айрапет.

- Дорогой мой Айрапет,- заметил Вардан,- возможно, он и плутает по нашим извилистым горным тропам, но по дорогам жизни он хороший поводырь, поверь мне.

- Что ж, это верно,- смутился Айрапет, поняв, что его ирония была неуместной,- он, видать, человек начитанный.

- И, кроме того, очень добрый и благородный.

Айрапета, однако, не очень интересовал сейчас их новый гость, ему не терпелось поговорить с Варданом о сестре. С тех пор как Сара поведала ему, что Вардан и Лала любят друг друга, он все время ждал, что юноша заговорит с ним о своей любви к Лале,- ведь Айрапет был ему ближе, чем кто-либо из семьи Хачо. Но в эту минуту, поглощенный мыслями о Дудукчяне, Вардан словно забыл о Лале. Он встал и хотел выйти из ода, но Айрапет остановил его вопросом:

- Куда идешь?

- Пойду искать Дудукчяна,- ответил тот,- напрасно ты оставил его одного, он ведь такой неопытный.

Они вместе вышли из ода.

- Зайдем сначала на конюшню,- предложил Вардан,- посмотрим лошадей. Сколько дней я их уже не видел!

Во дворе у ручья умывалась Лала. Видимо, она только что встала.

- Доброе утро, Степаник,- крикнул ей Вардан.

Лала с улыбкой кивнула ему головой.

В конюшне на привязи стояли три лошади Вардана. Это были хорошие кони. На одном из них он ездил сам, на двух других-его слуги, Сако и Его - два дюжих молодца, неразлучные спутники Вардана.

- Сако,- обратился Вардан к одному из своих слуг - отведи подковать лошадей и приготовь все для дороги.

Он потрепал лошадей по гривам и внимательно оглядел их, словно решая, смогут ли они в одну ночь проделать трехдневный путь. Потом приказал оседлать своего коня. Его тотчас оседлали. Садясь на него, Вардан спросил Айрапета:

- В какую сторону пошел Дудукчян?

Айрапет показал ему, и тот погнал коня в указанном направлении.

После отъезда Вардана Айрапет впал в грустное раздумье: “Зачем Вардан велел подковать лошадей, значит он собирается уехать? Неужели он так и уедет, ни словом не обмолвившись о Лале, не назвав ее своей невестой? И наконец - почему он так встревожился, когда узнал о ребяческих выходках Дудукчяна?”

Айрапет был так озадачен поведением Вардана, что несколько минут простоял в задумчивости, а потом не спеша направился домой. Проходя по двору, он увидел Сару, выходящую из хлева с подойником в руке.

- Что тебе сказал Вардан?- спросила она, ставя подойник на землю.

- Ничего не сказал,- хмуро ответил Айрапет,- он стал каким-то скрытным.
- А я все знаю,- с улыбкой произнесла Сара,- садись, расскажу тебе.

Они сели на оглоблю стоявшей во дворе арбы. Сара рассказала мужу, что Лала во всем ей призналась. Ночью, когда в доме все спали, у нее было тайное свидание с Варданом в саду. Лала не скрыла от нее ни одной подробности: она сказала, что на прощанье Вардан обещал ей поговорить с отцом, и если отец не даст согласия, он похитит ее.

- Так вот для чего он приказал своим слугам подковать лошадей! - сказал Айрапет.
- Что ж такого, пусть похищает, пусть увозит ее, тем лучше. По крайней мере она не достанется Фатах-беку.
- Я не против,- заметил Айрапет,- но...

Бедняги! Если бы в иное время им стало известно, что Лала тайно встречается с каким-нибудь парнем, они вымотали бы из нее всю душу, сжили бы девушку со свету. Но теперь обстоятельства сложились так, что они вынуждены были мириться с этим.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Весь день Вардан не слезал с лошади. В поисках Дудукчяна он объездил несколько окрестных деревень. Ему всюду говорили, что видели молодого человека в европейской одежде, в черной шляпе с большими полями, с громадным посохом в руке, с сумкой через плечо, набитой книжками. По общему мнению, молодой человек был безумцем.

Вардан только вечером вернулся домой, так и не найдя неведомо где скитавшегося Дудукчяна. Один из пастухов Хачо рассказал ему, что он видел, как в соседнем селе толпа турецких крестьян избивала чужака. Признав в этом человеке гостя своего хозяина, пастух с трудом вырвал его из рук озверевших турок.

- Я ждал этого,- пробормотал Вардан и спросил у пастуха:- За что его били?
- Не знаю,- ответил пастух.- Я уговаривал его сесть на осла и хотел доставить его домой, но он отказался наотрез и сказал, что дойдет сам. Уж и не знаю, как он дойдет, ему все кости переломали.

Рассказ пастуха очень огорчил Вардана. Он знал, что такое кулак турецкого крестьянина, особенно когда он опускается на голову бедного армянина.

- Где ты его оставил?- спросил он у пастуха.
- На пол дороге отсюда, он еле волочил ноги.

Было уже темно, когда появился Дудукчян, с ног до головы забрызганный грязью. Вардан ждал, что тот сразу же начнет жаловаться на жестокое обхождение турок, но он не проронил ни слова, хотя на лице его было написано глубокое отчаяние.

Дудукчян молча прошел в угол ода и лег на тахту.

- Дайте мне немного табаку,- обратился он к Вардану,- у меня весь вышел.
- Пожалуйста,- ответил Вардан и подал ему коробку с табаком.

Дудукчян дрожащими пальцами скрутил папиросу.

- Этот народ - какой-то сфинкс, загадка,- заговорил он, словно сам с собой.- Сколько ни наблюдай, ни изучай его, все равно не узнаешь до конца. Или он не имеет истории, или же он сам - уродливое порождение истории...

Он замолчал и жадно закурил, словно пытался найти в этом успокоение. Вардан молча, с глубоким сожалением смотрел на него, вспоминая, что еще вчера этот юноша был полон кипучей энергии. Сейчас он напоминал ему мотылька, неосторожно опалившего свои крылышки...

В это мгновение в ода вошел старик Хачо, а спустя несколько минут, как обычно по вечерам, собрались и все его сыновья.

Вскоре подали ужин. За ужином Дудукчян выпил больше обычного и заметно повеселел. Он даже запел известную песню Тагиатянца "Господь, храни армян...". Когда убрали со стола, гость обратился к старику Хачо:

- Прикажите закрыть двери ода, чтобы нам не помешали. Я хочу вам кое-что сообщить.

Недоумевая, что означает эта таинственность, старик все же велел одному из сыновей закрыть дверь. Все молча ждали.

- Скоро начнется война между Россией и Турцией. Вы слышали об этом?- спросил Дудукчян.

- Мы ничего не знаем,- в один голос сказали Хачо и его сыновья.

- А я кое-что слышал,- заметил Вардан.- В нашем краю русские усиленно готовятся.

Весть о войне как громом поразила бедного старика.

Ему пришлось быть очевидцем войн между русскими и турками, и он помнил, какими тяжелыми последствиями они были чреваты для армян. Что же касается Айрапета, то только теперь ему стал ясен смысл слов, сказанных Хуршид несколько дней назад его жене. Он понял, с какой целью Фатах-бек вооружал свое племя.. - Да, война неизбежна, продолжал Вардан,- недаром говорится, что если лошадь и мул дерутся, то ослу несдобровать.

- Это верно,- поддержал его Айрапет,- нас затопчут, ураган войны сметет всех армян.

- Слушайте,- продолжал Дудукчян, стараясь говорить как можно проще, чтобы все его поняли.- Предстоящая война не похожа на те войны, которые велись до сих пор между русскими и турками. Эта война преследует совсем другую цель.

Вы не читаете газет, а поэтому, конечно, не знаете о том, что происходит сейчас в другой части света, на Балканском полуострове. Там тоже живут христиане, которые, так же как и мы, веками страдали под турецким игом. Но они не захотели больше терпеть турецкий гнет, восстали и вот уже больше года сражаются за свою свободу. Сперва они победили, потом оказались побежденными и потеряли много людей. Наконец вмешались русские и во имя освобождения христиан выступили в их защиту. В Константинополе собрались представители европейских государств, чтобы отстоять некоторые права славянских народов, но так ни к чему и не пришли. И теперь русские хотят силою оружия заставить турок признать свободу христианских народов.

Хотя весть о войне на Балканах разнеслась по всему свету, но для деревни О... она была новостью, и поэтому все с большим вниманием слушали Дудукчяна.

Армянский крестьянин живет в полном неведении того, что происходит за пределами его уезда. Крестьянам было известно, что турки с кем-то воюют, но с кем и из-за чего - они не имели понятия. О том, что Турция ведет войну, видно было по тому, что во много раз увеличились налоги, взыскивали их строже прежнего и крестьянам все время твердили, что "государство воюет и ему надо помочь".

- Война между русскими и турками ведется за освобождение христиан,- продолжал Дудукчян,- и да будет вам известно, что армяне - наиболее угнетенная часть турецких подданных. Впрочем, вы знаете это не хуже меня, потому что сами жертвы этого гнета. Стало быть, время и армянам подумать о своей свободе.

- Что же нам думать?- ответил старик Хачо.- Вы же сами говорите, что русские воюют за освобождение христиан...

Пошли им бог удачи, они придут и спасут нас.

- Это верно,- вмешался Вардан,- но не надо забывать и Другое. Пословица говорит: "Пока дитя не заплачет, мать не даст ему грудь". Армяне своим молчанием, покорностью, терпеливым ожиданием ничего не добьются, они должны протестовать.

- Да, должны протестовать,- подхватил Дудукчян,- и этот протест должен выражаться в том же, в чем он выражается у других христианских народов.

- Вы хотите сказать, что армяне должны взяться за оружие?- прервал его старик.

- Да, именно это я и хочу сказать. Таков закон жизни.

Тот, кто не умеет с оружием в руках защищать свою свободу и проливать кровь, обречен на рабство. Если армяне хотят чего-то добиться и стать независимыми, они должны доказать, что не лишены храбрости и умеют воевать. Сейчас для этого самый подходящий момент.

Горькая усмешка появилась на морщинистом лице старика,

- Чудак! Как же армяне могут доказать свою храбрость и умение воевать, когда турки не оставили нам даже ножа, чтобы зарезать курицу?

Дудукчян замаялся, не зная, что ответить, но Вардан пришел ему на помощь:

- За этим дело не станет. Я могу доставить вам сколько угодно оружия, было бы кому воевать. Вы же знаете, что я контрабандист. Мне знакомы все тайные тропы в горах и ничего не стоит провезти оружие.

- Одного оружия недостаточно,- возразил рассудительный старик.- Кто сможет изменить душу армянина, вдохнуть в него *храбрость*, чтобы он, по примеру славянина, который борется сейчас за свою свободу, взялся за оружие? Что толку от оружия, коли народ живет в рабстве?

- Нельзя так судить о народе, староста Хачо,- сказал Дудукчян.- Неужели наши армяне полностью утратили свою честь, храбрость и стремление к свободе? Нужен толчок, и в какой-то момент эти чувства проявятся. Сейчас самое удобное время. Русские будут воевать с турками, но надо чтобы и армяне в свою очередь не сидели

сложу руки. Я уверен, что русские охотно помогут нам.

Сыновья Хачо сидели молча, но Ако, который не прочь был породниться с беком, чтобы иметь в его лице сильного покровителя,- этот Ако, с неприязнью слушавший гостя, обратился к нему:

Братец, от твоих слов пахнет кровью. С тобой лучше не иметь никакого дела. Забирай-ка завтра с утра свои пожитки и оставь наш дом, не то накличешь беду на наши головы.

Сурово пробрав сына, старик Хачо обратился к Дудукчяну:

- Не обижайтесь на него, он сам не понимает, что говорит. Послушайте меня. Я не читаю газет и не знаю, что происходит на белом свете, но скажу одно: мне, как землепашцу, хорошо известно, что прежде чем посеять зерно, надо вспахать землю, разрыхлить ее - словом, подготовить ее для посева. Мы знаем, что без этого семена не дадут всходов и не пустят корней, а только прорастут и засохнут. Об этом говорит и Христос в святом евангелии, и о том же я не раз слышал в церкви. Сейчас, сынок, почва еще не готова... я хочу сказать, что народ не подготовлен. Надо было двадцать-тридцать, а может быть, и пятьдесят лет назад подготовить почву. Если б это было сделано, то твои семена упали бы сейчас на возделанную почву: взошли бы ростки, зазеленели, заколосились и принесли бы обильный урожай. Но на это нужно время. Ведь известно, что пока соберешь урожай, погода не раз изменится: то жара наступит, то холод придет, то буря налетит, то град побьет посева, то выпадет снег, а то солнце пригреет их своими живительными лучами. И вот после многих испытаний урожай венчает труды землепашца. Так и с семенами, посеянными в сердце народа: нужно время, чтобы они взошли и принесли урожай.

- Вы привели хороший пример, староста, я вполне с вами согласен,- заметил Дудукчян,- но надо иметь в виду и другое. Попробую объяснить так, чтобы вам было понятно. Возьмем ваш пример. Допустим, вы оставите ваши всходы без прополки. Что получится? Сорняки разрастутся, заглушат всходы и погубят их. Это своего рода борьба, в которой более сильный побеждает слабого. Это своеобразная война в мире растений, в которой один, защищаясь, стремится уничтожить другого. Называется это самозащитой, а учит нас ей сама природа. Все, что способно расти и размножаться на земле, обладает и способностью бороться за свое существование. Это свойство дано природой одним в меньшей, другим в большей степени. И растения, и животные, и люди - все обладают этой способностью. Только камни и прочие неодушевленные предметы не могут защитить себя, а где есть жизнь - там есть и борьба за существование, и в этой борьбе каждый стремится не только сохранить себя, но и уничтожить своих врагов.

Теперь, я думаю, вы понимаете мою мысль?- продолжал он,- Все, что происходит в мире растений и животных, происходит и в человеческом обществе: здесь тоже идет борьба за существование, но только в более острой форме, и проявляется она по-разному. В соответствии с культурой и уровнем развития народа меняются и орудия его самозащиты (под орудиями я подразумеваю не только меч и винтовку, но и ремесла и науки, при помощи которых один народ конкурирует с другим).

Менее цивилизованные народы пользуются более простым оружием - саблями. Этим оружием и борются с нами турки и курды. Закон *самозащиты* требует бить врага его же оружием. Было бы глупо с моей стороны требовать того, на что не способен наш народ. Я предлагаю взяться за оружие не для того, чтобы, уничтожить турок и курдов и безраздельно владеть землей, которую нам завещали деды. Я говорю о другом: о том, что нам надо учиться *самозащите*. Иначе турки и курды уничтожат нас. Повторяю: речь идет не о войне, а о самозащите.

Старик Хачо перебил Дудукчяна.

- Я понимаю, я все понимаю,- сказал он,- но повторяю: сразу, за один день, такие большие перемены не могут произойти. Народ наш слишком принижен, он не может сразу отделаться от своих рабских привычек и понять, что ему надо защищаться с оружием в руках. Вы, константинопольцы, должны были еще много лет назад взяться за это дело и научить нас самозащите. И сейчас, когда христиане воюют с турками, посеянные вами семена дали бы всходы. А вы не подготовили нас, вы отсиживались в Константинополе, помалкивали, а теперь свалились как снег на голову и требуете: "Берите меч и защищайтесь!" Кто же пойдет за вами?

- Ваша правда. Мы, константинопольские армяне, оказались ленивыми и беспечными и не подготовили народ,- спокойным тоном ответил Дудукчян.- Но сейчас речь идет не о том, что армяне утратили свою честь, достоинство и высокие стрем-

ления. Чтобы воспитать эти чувства, надо было просвещать народ, и это был наш долг, долг константинопольских армян.

Речь идет о простой *самозащите*, а для этого не требуется ни культуры, ни просвещения. Чувство самозащиты присуще, как я уже говорил, даже растениям и животным. Так неужели же душа армянина мертва и он подобен камню?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

После ухода старика Хачо и его сыновей Вардан и Дудукчян остались в ода вдвоем. Старик прав, почва не подготовлена,- заметил Вардан, глядя на осунувшееся и грустное лицо константинопольца.

- А кто виноват?- воскликнул Дудукчян с такой болью, словно его поразили в самое сердце.- Старик умен, он гораздо умнее всех нас, легковесных писак. Он был прав, говоря, что это был наш долг, константинопольцев, подготовить народ.

А что мы сделали? Ровным счетом ничего... Мы не думали ни о какой подготовке, потому что нас несколько не интересовало подлинное положение народа, его нужды. Мы были ослеплены прошлой славой Армении. Современную Армению мы совершен но не знали и не хотели знать. Наше представление о ней было почерпнуто из книг древних историков. Мы воображали, что это все та же титаническая страна, которую населяют Тиграны, Арамы, Ваагны, Варданы и Нерсесы. Мы мысленно представляли ее многолюдные города, процветающие в них ремесла и торговлю. Нашему воображению рисовались богатые деревни, возделанные поля, дающие обильный урожай, полные зерном амбары землепашца. Мы воображали, что армяне живут в своем отечестве счастливой и мирной жизнью, и не подозревали, что провинции опустели, что армянское население большей частью вымерло от голода, а из оставшихся в живых многие приняли магометанство. Мы не знали, что вместо живых людей мы увидим живые трупы и обширные кладбища, не знали, что религия, которую мы считали нравственным оплотом нации, давно уже рухнула и на ее месте остались только развалины величественных монастырей и храмов. Не знали, что язык - эта национальная святыня - забыт многими армянами и они говорят или на турецком, или на курдском языках; не знали того, что храбрые курды, наши кровные братья, стали божьим наказанием для армян, хотя пятьдесят - сто лет назад они говорили на нашем языке и молились в наших церквах. Другими словами, мы ни чего не знали о современной Армении или имели о ней самое смутное представление. Нам было невдомек, что уцелевшая горсть армян, живя в рабстве, настолько выродилась, что утратила свои лучшие национальные черты. Куда ни взглянешь - повсюду видишь низость, трусость, малодушие, вероломство.

А между тем мы располагали большими силами и могли сделать многое,- продолжал Дудукчян.- У нас был патриарх, глава народа, но все мирское было ему глубоко чуждо. У нас было Национальное собрание¹, но депутаты его занимались пустословием и интригами. Была и патриотическая молодежь, но она распевала гимны на берегах Босфора во славу национальной конституции, в то время как в стране лилась кровь. У нас была своя печать, но она не интересовалась тем, как живет армянский народ, и была занята посторонними вопросами; у нас были свои школы, но они не дали Армении ни одного дельного учителя; у нас были свои театры, но они не сыграли ни одной пьесы из армянской жизни, предпочитая развлекать публику низкопробной французской стряпней. У нас были свои национальные деятели, но они выслуживались перед Высокой Портой и пеклись только о личной славе. В наших руках была большая сила - деньги, но они тратились на украшения дворцов амиров, и ни один грош не был истрачен на нужды народа. Мы имели полную возможность вести народ по пути прогресса, но, словно повинувшись какой-то злой воле, толкали его на гибельный путь.

Теперь я понимаю, что наша затея была полным донкихотством,- продолжал Дудукчян.- Не ударив палец о палец, не зная Страны, не зная нужд и потребностей народа, не подготовив для него лучшего будущего, мы решили, что можно прийти, дать ему в руки оружие и сказать: "Боритесь и защищайтесь!" Вряд ли это было бы правильно. Но все же я не падаю духом, моя вера в будущее не поколебалась; и если мы падем жертвами в этой борьбе, то гибель наша проложит дорогу другим- тем, кто пойдет по нашим следам...

Последние слова Дудукчяна так взволновали Вардана, что он не сдержался, вскочил, обнял товарища, поцеловал его и сказал:

- Да, это дело потребует жертв. Честь и слава тому, кто будет первой жертвой!
Беседа друзей затянулась до глубокой ночи. Дудукчян резко осуждал
бездеятельность константинопольской молодежи и порицал армянское духовенство.

- Если бы хоть одну десятую часть расходов на монастыри и церкви отдали на
устройство школ, это спасло бы Армению.
сказал он.

Вдруг кто-то тихо постучал в дверь. Вардан пошел открывать. Это были Айрапет и
Апо.

Оба брата были людьми совсем иного склада, чем остальные сыновья Хачо.

- Мы нарочно пришли в такое позднее время, чтобы поговорить с вами с глазу на
глаз,- сказал Айрапет, усаживаясь.--

Но, быть может, мы помешали?

- Нисколько. В доме небось все уже спят?- спросил Вардан.

- Все, кроме отца,- ответил Апо,- он хотя и лег, но все кряхтит - значит, чем-то
встревожен.

Вардан и Дудукчян поняли, что братья пришли неспроста, и ждали, что они скажут.

- Мы не могли говорить при отце и братьях,- заговорил наконец Айрапет,- поэтому,
не откладывая дела в долгий ящик, пришли сказать вам, что целиком сочувствуем вам,
согласны с вами и готовы послужить вашему делу так, как вы найдете нужным.

Лицо Дудукчяна просияло. Он испытывал радость миссионера, который обрел двух
новых последователей и надеется, что в скором времени за ними последуют тысячи.

- Вы ошибаетесь, думая, что в душе у армянина не осталось ни чувства чести, ни
высоких стремлений,- сказал Айрапет.- Но у армян есть один общий недостаток:
каждый в отдельности осторожен, рассудителен и нерешителен; он всегда ждет, чтобы
другой подал ему пример. Хороший пример всегда оказывает на него влияние. При
этом армянина не интересует, как живут и как ведут свои дела чужеземцы; то есть я
хочу

сказать, что он не подражает им, а ждет, чтобы пример ему подали свои же
соотечественники. Следовательно, если мы подадим пример - за нами последуют
многие, я уверен в этом. Я хорошо знаю наш народ. Он .столько страдал, что готов
хоть сейчас вцепиться в горло врагу, если представится возможность.
Он ненавидит его, но затаил эту ненависть в глубине души.

Вардан и Дудукчян радостно слушали Айрапета; им казалось, что его устами
говорит сам народ.

- Счастлив тот народ, который умеет ненавидеть!- воскликнул Дудукчян.- Тот, кто не
умеет ненавидеть, не умеет и любить.

- Отец говорил, что почва не подготовлена,- продолжал Айрапет,- он человек,
конечно, умный и хочет нам добра, но его благоразумие, его осторожность граничат с
преступлением,- внушая нам терпение, он хочет, чтоб мы стали бесчувственными, как
камни. Мне кажется, что в нашем положении смелость, решимость и даже
безрассудство могут сделать больше, чем покорность и терпение.

- Да, пока мудрец подумает, хент реку переплывет,- засмеялся Вардан.

- Совершенно верно,- заметил Дудукчян,- у мудрецов ум часто заходит за разум, и
они только тогда убеждаются в этом, когда видят, что безумец опередил их. Например,
наши константинопольские мудрецы додумались до того, что считают более
целесообразным подчиниться деспотизму отсталой Турции, чем признать над собой
власть цивилизованного государства.

Они находят, что государство с более высоким культурным уровнем может обезличить,
стереть с лица земли армянскую нацию, и наоборот, благодаря отсталости Турции
армяне, при своем уме, могут-де отстоять свою национальную независимость. Но это
все теория, а на практике самая умная философская теория оказывается порою
ошибочной. История имеет немало тому примеров. Если большой цивилизованный
народ подавляет малые народы, то так же поступает с ними и нецивилизованный
народ. Разница лишь в методах: одни действуют как варвары, другие более культурно.

Я поясню свою мысль,- продолжал Дудукчян.-- Никто из нас до сих пор не понял
тайную политику турецкого правительства по отношению к армянам. Мы все с наивным
простодушием повторяли, что "наше будущее в Турции", и не задумывались над
причинами повсеместных злоупотреблений и беззаконий. Зная о грабежах, убийствах,
насилиях над верой и прочих злодеяниях, совершаемых соседними варварскими
племенами, мы приписывали их чистой случайности и не подозревали, что все эти
бесчинства кем-то тайно поощрялись, не знали, что все это творится по указаниям

высоких властей. Мы винили государство только в том, что оно слабое, беспечное, что оно не в силах обуздать своих наглых подданных, но -нам не приходило в голову, что власти сами натравливают на нас курдов, что они ставят себе целью истребить христианское население. Зачем, спросите вы меня?

Турция прекрасно знала, что если она в один прекрасный день лишится своих европейских и азиатских владений, то это произойдет из-за местного христианского населения. Она понимала, что существование в ее пределах подданных-христиан всегда будет служить поводом для вмешательства в дела Турции европейских государств, чтобы вновь поднять *восточный* вопрос. И вот для того, чтобы не потерять своих владений и раз и навсегда избавиться от притязаний европейских государств, Турция принялась истреблять христиан. Ведь она из-за них уже потеряла часть своей европейской территории; теперь ей грозит потеря остальных. Из азиатских владений она сохранила полностью только Малую Азию. Здесь единственная христианская нация, угрожающая спокойствию Турции - армяне. И вот чтобы заткнуть рот господам европейцам, надо было доказать им, что в Армении нет армян. Для выполнения своего замысла Турция избрала курдов и черкесов.

Если мы свяжем воедино все факты, имевшие место на протяжении последних двадцати - тридцати - пятидесяти лет, то убедимся, что это именно так. Поверьте, что разорения, притеснения, насилия и преследования армян - словом, все эти варварства - были не случайными. Это была заранее обдуманная политика, проводившаяся исподволь и имевшая своей конечной целью полное истребление армянского народа.

- Я напомним лишь отдельные факты. Для того, чтобы лишить армян возможности защищаться, у них отняли оружие и тем самым связали им руки, а их врагов вооружили. Затем увидели, что этой меры недостаточно, что таким путем им не ослабить армян, что этот трудолюбивый и рачительный народ способен противостоять врагу и защищать свое существование, опираясь на материальную силу - свое благосостояние. Значит, следовало пустить в ход все средства, чтоб армяне обнищали, надо было подорвать народ экономически. Поэтому увеличили налоги, изъяли бывшие в обращении ценные бумаги, даже не оповестив об этом население, - короче говоря, путем различных финансовых махинаций обесценили находившиеся в руках крестьян деньги. Делалось это для того, чтобы в счет недоимок отобрать у крестьян главные орудия производства и лишить их таким образом возможности заниматься земледелием. Однако и этим путем турки не достигли своей цели. Народ оказался стойким: в поисках заработка крестьяне покидали родные места, уходили на отхожий промысел, и, накопив на чужбине деньги, возвращались и выплачивали казне свои недоимки. Тогда Турция решила одним ударом отнять у нашего народа главный источник его существования: она издала хитроумные земельные законы, лишившие армян права пользования землей. Принадлежавшие армянам земли перешли в руки курдских беков, муфтиев, кадиев¹, черкесов и других. Они завладели нашей землей, а трудолюбивый землепашец армянин стал их рабом. Между армянами и мусульманами начались бесконечные тяжбы и споры о земельных наделах, но власти не обращали на них никакого внимания или же решали их в пользу мусульман. Тому тысячи примеров; достаточно изучить хотя бы один судебный процесс, чтобы убедиться, что власти не хотят оставлять в руках армян землю их предков и идут на все, чтобы отнять ее у них и довести народ до полного обнищания; а истребив всех армян, - заселить Армению черкесами и курдами.

Теперь вы видите, продолжал Дудукчян, - что все эти злодеяния имеют между собой внутреннюю связь и преследуют тайную, адскую цель. Я уже не говорю о том, что местные турецкие власти не раз обрекали на голод целые армянские провинции. Таким образом, те, кто спасался от курдской и черкесской сабли, умирали от недоедания. Вот с помощью каких Дьявольских ухищрений безжалостные и бессердечные турецкие власти сживают нас со света. Они знают, что не так-то легко истребить трудолюбивый и стойкий армянский народ.

Зейтунские¹ армяне не имеют пахотных земель. Главным источником их существования является железная руда, которую они добывают и обрабатывают. Они изготавливают из нее разные изделия или в виде сырья вывозят в другие провинции. Продавая руду и изделия из этой руды, зейтунцы приобретают взамен все необходимое. Турция несколько раз пыталась отнять у зейтунцев руду, и только храбрость горных жителей и их отчаянное сопротивление помогли им спасти этот единственный источник их существования.

Ванский пожар является ярким примером провокационной политики турецких

властей. В этом богатом торговом городе однажды ночью кто-то поджег все магазины, принадлежавшие армянам. Жалобы пострадавших ни к чему не привели, власти не хотели вести расследование, потому что им пришлось бы вывести на чистую воду самих себя...

Мы всегда недоумевали, почему Турция так заискивает перед курдскими и черкесскими беками и шейхами, которые своими бесчинствами причиняли немало забот властям: они не платили налогов, неоднократно совершали набеги на провинции. "Неужели правительство не в силах обуздать их?" - думали мы. Теперь-то нам ясно, с какой целью использовала их Турция,

Дудукчян говорил с жаром, словно он хотел излить всю горечь, накопившуюся в его душе. Его возмущала участь народа-страдальца, будущее которого рисовалось ему в черных красках.

- Обстоятельства вынуждают нас отвечать злом на зло, - сказал он, - иного выхода нет. Нет на земле более жестокого существа, чем человек. Зверь - тот хоть сразу умерщвляет свою жертву, а человек это делает медленно. Сживать со свету изо дня в день - это самый страшный и утонченный вид убийства, изобретенный человеком. Медленная смерть может стать уделом всего народа. И такая судьба ждет армян. Разве не ставят себе такую цель курды и турки? Разве не по этой причине опустошена большая часть Армении?

Вардан слушал Дудукчяна с глубоким вниманием. С горькой усмешкой он сказал:

- Все же удивительный народ армяне. Истребить их невозможно, вернее сказать - очень трудно. Народ наш напоминает мне многоголовую гидру, у которой на месте отрубленных голов вырастают новые, более крепкие. На протяжении веков его столько молотили и обрабатывали на наковальне мировой кузницы, что он получил крепость стали. Сломить его не так-то легко, у него безмерная выдержка... Армянский народ испытал на себе варварство монголов. В сравнении с монголами нынешнее племя турок кажется мошкаррой. Через армянские земли прошли полчища Мангул-хана, Тамерлана, Чингиз-хана, Гулавани. Они проносились лавинами, обрушивались, как ураган, били и были биты и наконец исчезли с лица земли, - а армянин все же уцелел! Нынешняя Турция, стремясь истребить трудолюбивый армянский народ, который обогащает ее казну, неосмотрительно роет сама себе яму. Ее нынешнее финансовое банкротство - результат этой политики.

Старая Турция лучше понимала, какую пользу приносят армяне государству. Она не только заботилась об армянском трудолюбивом крестьянине, но и все управление своими финансами передала в руки армянских купцов, которые не раз выручали ее в трудные времена.

Близился рассвет, но разгоряченные собеседники и не думали расходиться. Они были заняты обсуждением своих планов. Когда беседа кончилась, Дудукчян достал из кармана три визитные карточки и, подавая их своим новым друзьям, сказал:

- Я вполне доверяю вам и хочу, чтобы вы знали мое настоящее имя.

На визитных карточках красивыми буквами по-французски было написано: "Л. Салман".

Отец Левона Салмана, Торос-челеби, происходил из семьи армян-католиков, но еще юношей принял магометанство. Подробный рассказ о том, почему он переменял веру, занял бы слишком много времени, - скажем лишь одно, что Торос вступил в связь с одной молодой турчанкой и, уличенный в этом, чтобы спастись от верной смерти, принял магометанство и женился на красавице Фатьме - так звали турчанку. Фатьма умерла вскоре после рождения Левона. Маленький Левон остался на попечении отца.

Тороса мучила мысль, что его сын будет воспитываться в ненавистой ему вере, поэтому он покинул свой родной край и переселился в Константинополь, где его никто не знал. Своего сына он поручил заботам католического ордена, а сам исчез.

Маленький Левон воспитывался сперва в монастыре, а потом, двенадцати лет от роду, был увезен в Италию. Первоначальными воспитателями его были иезуиты. Несколько лет он пробыл в Венеции в монастыре св. Лазаря, а затем в Венском мхитарянском монастыре. Но нигде он не получил основательного образования.

Любовь к женщине заставила его покинуть душливую атмосферу монастыря, и он с головой окунулся в водоворот парижской жизни. Здесь в погоне за развлечениями он первое время вел легкомысленный образ жизни: часто менял политические убеждения, состоял членом разных обществ, убивая время в пустой болтовне, но когда у его любовницы иссякли деньги, нужда заставила его серьезно взяться за труд. Он сотрудничал в газетах, писал о Востоке и на это существовал. Когда снова всплыл

восточный вопрос, Левон оставил Париж, бросил любовницу и отправился в Константинополь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

За месяц до появления Салмана в Багревандском уезде погонщик мулов, эрзерумец по имени хаджи Мисак, направлялся со своим караваном в Эрзерум. Звание “хаджи” он получил потому, что два раза совершил паломничество в Иерусалим и надеялся, если сподобит господь, побывать и в третий раз, чтобы достигнуть заветной цифры. Хаджи Мисак был ревностным христианином и отличался крайней набожностью.

Более двадцати лет кружил он со своим караваном между Малой Азией и Арменией, перевозя грузы, и его хорошо знали во всех городах, деревнях и постоянных дворах, через которые он проезжал. Хаджи Мисак был среднего роста, плотный и коренастый, очень подвижной человек. Трудно было разглядеть черты его лица, настолько густо оно заросло волосами. Далеко вперед только выдавался его нос. В глубине живых глаз постоянно горел добродушный огонек.

Где бы ни появлялся караван хаджи Мисака, его всюду встречали с радостью. Сколько надежд было с ним связано! Купец ожидал нового товара, женщина - весточку от мужа с чужбины, находившиеся в пути мелкие и крупные чиновники - съестных припасов и одежды. Нередко изнуренные дорогой больные армяне-эмигранты терпеливо ожидали где-нибудь караван хаджи Мисака, в надежде, что сердобольный хаджи сжалится над ними и доставит их до нужного им места. Все, знавшие хаджи Мисака, любили его за отзывчивость и готовность помочь ближнему. “Хаджи Мисак, захвати на обратном пути и несколько пачек табаку для меня”, “Хаджи Мисак, привези-ка нам кофе, у нас весь вышел”, “Хаджи Мисак, передай моей семье это оливковое масло”, - такие поручения он получал постоянно и выполнял их безвозмездно, а иногда даже приплачивал из своего кармана. Вот почему хаджи Мисак пользовался благосклонностью дорожных чиновников и караван его беспрепятственно проходил через все таможи.

Погонщик мулов - особенно тот, которого хорошо знают, пользуется на Востоке неограниченным доверием: ему нередко поручают для перевозки ценные товары, вплоть до мешков, набитых золотом и серебром. Эти ценности он доставляет к месту назначения в полной сохранности, без всяких расписок.

В каждом городе заранее знали, когда появится хаджи Мисак, с такой точностью ходил его караван. И если б не разного рода случайности, неизбежные в пути, хаджи Мисак ни на один час не нарушил бы установленное время.

На этот раз караван хаджи Мисака шел довольно медленно, - хотя тюки, которые он вез, были невелики, но, видимо, довольно тяжелы. Большую часть груза составляли длинные, окованные железом ящики, на которых стоял английский штамп: “Персия-Тегеран”.

Караван шел главным образом ночью. Хаджи Мисак говорил, что дневная жара очень изнуряет мулов.

Караван сопровождало еще одно лицо. Это был купец по имени Мелик-Мансур, называвший себя персидским армянином.

В течение последних двух десятилетий персидское правительство оснащало свою армию новейшими видами оружия по европейскому образцу. Для армянских купцов открылось широкое поле деятельности - поставлять персидскому правительству это оружие. Мелик-Мансур был одним из таких купцов, и тяжелые ящики, навьюченные на мулов, принадлежали ему. В таможах не обращали особого внимания на эти ящики, поскольку они не отличались от обычных транзитных грузов, доставляемых в Персию. Такого рода грузы постоянно провозили из Трапезунда, Эрзерума и Баязета в Персию.

Мелик-Мансур был мужчина лет тридцати шести, с довольно приятными чертами лица. Он был человеком веселого нрава, любил побалагурить и всю дорогу занимал хаджи Мисака разговорами. Тот с интересом слушал весельчака, особенно когда он принимался описывать свои приключения в дальних странах. Рассказы его скрашивали скуку и однообразие караванного пути. Необычайно занимателен был рассказ этого странствующего купца о том, как он потерял три пальца левой руки во время путешествия в Индию.

Мелик-Мансур говорил на многих восточных и европейских языках. Немало людей перевидел он на своем веку, знал все их повадки и умел обходиться с ними. Но свое истинное лицо он никому не открывал. И все же, несмотря на всю таинственность,

которая окружала этого незнакомца, хаджи Мисак выказывал ему особое почтение, чувствуя к нему невольное уважение.

Во всех попутных караван-сараях, где им приходилось ночевать, трактирщики были в восторге от Мелик-Мансура, так как он щедро сыпал золотом.

Вы их развращаете,- наставлял его хаджи Мисак,- в другой раз у этих разбойников стакана воды не допросишься.

- Не беда,- отвечал тот со смехом,- блеск золота слепит глаза.

Караван благополучно миновал Эрзерум и спустя неделю прибыл в Баязетский уезд. Там груз Мелик-Мансура стал постепенно таять, но вместо длинных ящиков появлялись какие-то вьюки. Эта замена произошла ночью, когда караван остановившись в какой-нибудь армянской деревне. Иногда к Мелик-Мансуру приходили неизвестные люди, вели с ним таинственные переговоры и исчезали.

Наконец караван перешел персидско-турецкую границу и вступил на персидскую землю. Но еще до того как караван достиг границы, ящики с надписью "Персия-Тегеран" уже не отягощали спины мулов, а мнимый купец Мелик-Мансур куда-то исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Тот образ жизни, который господствовал в последнее время в доме старика Хачо, заметно нарушился. Салман, которого домочадцы по-прежнему называли Дудукчяном, теперь редко бывал дома. Иногда он и Вардан исчезали из деревни О... на несколько дней. Айрапет и Апо были чем-то сильно озабочены и держались замкнуто. Что же касается остальных братьев, то они не одобряли присутствия в доме двух чужеземных гостей, чьи сумасбродные выходки вызывали у них негодование.

Старика Хачо целиком поглощали сельские дела, которые с каждым днем доставляли ему все больше забот. Жизнь в ода совсем замерла; по вечерам уже не слышались оживленные голоса, не велись споры, не звучали речи.

Только на женской половине дома жизнь шла по заведенному порядку, ничто не нарушало ее векового однообразия.

В армянской семье женщины изолированы от мужчин, они мало общаются с ними, не принимают участия в их разговорах, не знают, какие мысли и дела занимает мужчин. Круг интересов женщин ограничен хозяйством и домашними заботами. Поэтому им ничего не было известно о тех разговорах, которые велись в ода. Ода старосты - этот своего рода деревенский клуб - недоступен женщинам.

- Если мы вовлечем в наше дело женщин, то победа, безусловно, будет за нами...- часто говорил Салман.

- Пока еще рано,- отвечал Вардан,- сперва надо заняться их просвещением.

-Ничего нельзя изменить в жизни народа без участия женщин,- убеждал его Салман.- Главная причина закоснелости нашего народа в том, что женщина не играет никакой роли в обществе. Эта могучая сила напрасно пропадает в четырех стенах. Если мы хотим взяться за дело просвещения нашего народа, надо начинать с женщин. В этот раз я исходил вдоль к поперек всю Армению и повсюду внимательно присматривался к армянкам. Мои наблюдения привели меня к утешительным выводам: насколько мужчина вне дома подпал под влияние турок, насколько он обезличен и утратил национальные черты, настолько женщина, сидя взаперти, сохранила чистоту души и нравственность. Нет худа без добра: женщина страдала и дичала, но не утратила национальных черт. Это великое дело. Если мужчина, общаясь с магометанами, зачастую подпадает под их влияние, то женщина, не подвергаясь этому влиянию, сохраняет свою национальную самобытность. Таким образом невольно соблюдается частичное равновесие: то, что теряет мужчина, восполняет женщина. Это видно даже в мелочах. Отвращение женщины к магометанству доходит до фанатизма. Все, что делается руками магометанина, она считает оскверненным: мясо заколотой им, скотины, заквашенный сыр, выпеченный им хлеб. Мужчина не столь разборчив. Я слышал сотни историй о том, как девушки и женщины, похищенные мусульманами, спасались бегством или кончали жизнь самоубийством. Среди мужчин это случается значительно реже.

Но есть другое обстоятельство, более важное. Во многих местностях, особенно в городах, у мужчин армян вошло в привычку говорить по-турецки. Но я не встречал ни одной армянки, которая бы знала этот язык или говорила на нем. В армянской семье хранителем родного языка является женщина. Она учит ему своих детей. Влияние ее распространяется и на окружающих: работающие в армянских семьях курды говорят на

армянском языке.

Женщина сохранила язык, национальность и нравственные устои семьи. Она является тем богатейшим материалом, из которого мы можем творить чудеса.

В последние дни Салман не раз беседовал с Варданом на эту тему. Но, несмотря на его похвалы в адрес армянок, невестки старика Хачо не очень-то его жаловали. Не зная Салмана, они не сумели оценить его душевных качеств, хотя внешность юноши была настолько незаурядной, что могла привлечь внимание любой женщины. Но вкусы бывают разные, и женщины по-разному ценят достоинства мужчин. Во многом это зависит от того, к какому сословию они принадлежат. Поэтому не удивительно, что невестки Хачо отдавали предпочтение Вардану.

Однажды во время полднего отдыха в одной из комнат дома Хачо собрались все его снохи: одна трепала шерсть, другая пряла, третья ткала на станке красивый цветастый ковер, четвертая шила детское платье,- ни одна из них не сидела без дела.

Разговор зашел о Салмане.

- Сара,- обратилась к своей золовке молоденькая Паришан.- Что этот человек делает в нашей деревне?

- Говорят, хочет школу открыть,- ответила Сара.

- Он же не дьякон,- удивилась Паришан, которая считала, что обучать детей могут только священнослужители.

- Он стамбульский дьякон,- сказала Сара.

- А коли так, почему он не несет службу в церкви?

Сара сказала первое, что ей пришло на ум:

- Он не такой дьякон, как другие.

Вмешалась жена Апо, красавица Маро:

- Муж говорил, что он будет обучать и девочек. Слова Маро вызвали общий смех.

- Зачем девушке грамота? Ведь ни священником, ни епископом она не будет,- наставительно заметили ей.

Одна из женщин обратилась к маленькой Назлу:

- Слышишь, Назлу, скоро ты будешь ходить в школу и учить азбуку.

Назлу была дочкой Айрапета. Она смело, ответила:

- Ну и что ж, буду учиться. Потом пойду в церковь, надену стихирь и, как мальчик, буду петь молитвы.

- Чтоб ты сгнула, только этого еще не доставало!- прикрикнули на девочку.

Паришан, которая затеяла этот разговор, заметила:

- Хватит с нас и дьякона Симона, зачем нам новый учитель!

Небось далеко ему до дьякона! ,

- Конечно, дьякон Симон - человек ученый, но вся беда в том, что стоит ему выпить, как он дает волю рукам,- сказала

Сара.- Разве не помнишь, как он избил сына нашего соседа Каспара? Мальчика пришлось на руках принести домой, и бедняжка через два дня отдал богу душу.

- Дьякон Симон не виноват: если ребенка не побьешь, то его не научишь уму-разуму.

Эти разговоры были вызваны тем, что Салман в последние дни вел переговоры с крестьянами о постройке двух школ - одной для девочек, другой для мальчиков. Он объяснил, что обучение будет бесплатное, обещал пригласить учителей и снабдить школы книгами и учебниками. Но все даровое внушает крестьянину подозрение. Требовалась большая настойчивость, чтобы сломить предубеждение крестьян,- они привыкли к тому, что обучение детей находится в руках священников и дьяконов, и поэтому почитали за грех довериться такому человеку, как Салман, который не посещал церковь и, по слухам, даже не соблюдал постов.

Старик Хачо, во многом не соглашавшийся с Салманом, на этот раз поддержал его. Как староста, он сумел повлиять на крестьян, и Салману выделили облюбованный им для строительства школы участок земли.

Наконец приступили к делу и вырыли котлован. Но вот произошло нечто неожиданное: однажды утром было обнаружено, что крестьяне, сговорившись, засыпали ночью котлован землей. В этот день никто из них не вышел на работу, хотя Салман повысил дневную оплату.

- Что же произошло?

Из разговора, который вели между собой невестки Хачо, читатель уже знает, что в деревне О... был некий дьякон Симон, обучавший детей грамоте. Это обучение

сводилось к тому, что в зимнее время он собирал детей в хлеву и читал им псалмы церковные книги, а весной, с началом крестьянских работ, распускал их. За лето и осень дети успевали все переzapбыть.

Дьякон Симон, зять приходского священника Тер-Марука, был отъявленный пьяница и скандалист. Поскольку открытие новых школ наносило ему явный ущерб, он восстановил против Салмана священника, и достаточно было одного слова отца Марука, чтобы разжечь фанатизм крестьян и сорвать всю затею.

В своей проповеди священник назвал Салмана "фармазоном", заявил, что он безбожник и может совратить с пути истинного всех детей. Он с жаром доказывал, что обучать девочек грамоте грешно, что неспроста мудрец Соломон проклял всех женщин за то, что одна из них велела отрубить голову Иоанну Крестителю. Свою речь он подкрепил примерами из священного писания: причиной смерти пророка Самсона, сказал он,

тоже была женщина. Известно, что Ева сгубила Адама и он по ее вине был изгнан из рая. Приведя немало подобных доказательств, священник утверждал, что учить девочек грамоте вредно, так как, постигнув науки, они могут превратиться в дьяволиц.

К дьякону Симону женщины относились с большим почтением: он писал для них заклинания на бумажках, ворожил, предсказывал судьбу. Поэтому они и подстрекали своих мужей поддержать дьякона, чтобы он не лишился куска хлеба.

Священник и дьякон Симон, объявив войну Салману, обрели союзника в лице Томаса-эфенди, который был ярким противником школ, образования и всего того, что имеет отношение к просвещению. Он поддерживал дьякона еще и потому, что тот был его бесплатным писарем, вел его счета, а в пору жатвы ходил вместе с ним и его стражниками по деревням, собирая с крестьян десятину.

Все это причиняло немало забот добросердечному Хачо. Он пытался отговорить Салмана от его затеи, но тот был непоколебим.

Придя вечером домой, Салман сказал Вардану:

- С этими негодниками надо поступить иначе. Попробую вести себя как миссионер. Противниками миссионеров в любой стране всегда были люди образованные или служители старого культа, но со временем именно они становились их приверженцами. Миссионер для видимости поручал им разные дела, вернее платил им жалованье, ничего от них не требуя. Таким образом, противники новой религии скоро превращались в самых рьяных ее сторонников.

- Это верно,- согласился Вардан,- но что же ты собираешься делать?

- Прежде всего вести себя по-деловому,- самоуверенно ответил Салман,- надо играть на людских слабостях. Интересно бы узнать, сколько получает этот глупый дьякон со своих учеников? Я предложу ему вдвое больше и придумаю для него какую-нибудь должность в школе. Поверь мне, это так его заинтересует, что он явится наутро с лопатой и киркой и вместе с другими будет строить школу.

- Пожалуй, ты прав,- сказал Вардан,- но надо подмазать и священника.

- Это верно...

Несмотря на неприятности этого дня, Салман был в приподнятом настроении. Неудачи не только не сломили его, но влили в него новую энергию, а вера в лучшее будущее наполняла сердце Салмана восторженным чувством.

- Если б ты знал, Вардан, какое счастливое будущее сулит нам школа. Она поможет осуществить наши надежды, она, только она, может залечить наши вековые раны, она воспитает здоровое поколение, которое будет более счастливым, чем мы. Бездействуя веками, наши предки поистине оставили нам обширное поле деятельности. Они своевременно не позаботились о нашем будущем, и все же оно принадлежит нам. Во имя этого нам нужно терпеливо и упорно трудиться. Я считаю, что недостаточно развивать ум и облагораживать душу ребенка, надо заботиться и о его физическом развитии. Разве ты не замечал, Вардан, как неуклюжи и неповоротливы наши деревенские ребяташки? Надо развивать в них ловкость, силу и мужество. Именно эту цель должна преследовать гимнастика в наших школах - растить смелое, здоровое поколение...

Хочу сообщить тебе отрадную весть. Сегодня я побывал у курдов, говорил им о школе. Представь себе, как я был удивлен, когда они мне сказали, что охотно пошлют своих детей в армянские школы! По всему видно, что они понимают пользу образования и не хотят, чтобы их дети росли дикарями. И в самом деле, чем виноват этот народ, что он остался таким диким и живет разбоем? Повинны в этом мы, потому

что до сих пор не позаботились о просвещении курдов. В наших интересах приучить их к мирной жизни и приобщить к цивилизации. Турция не заботится об этом, ей выгодно, чтобы курды оставались дикарями. От этого страдаем в первую очередь мы - значит, нам и надо об этом думать. Пусть они исповедуют свою веру а мы тем временем будем их просвещать,- тогда неизбежно "текучая вода сама дорогу найдет".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Многие признаки указывали на то, что турецкое правительство готовится к войне. Особенно это заметно было в пограничной с Россией Багревандской провинции. Здесь с крестьян строго взимали не только налоги текущего года, но заодно с ними требовали и старые недоимки. Народ изнывал под непосильным бременем и глухо роптал. У тех, у кого не было денег, отбирали имущество, скот. Уводили даже буйволов и волов, лишая земледельцев возможности вспахать землю. Помимо того, крестьян заставляли заготавливать сухари и отбирали у них последние запасы - пшено, масло, сыр и прочее. На слезы и вопли крестьян был один ответ: "Государство воюет".

Дикий произвол властей открыл перед Томасом-эфенди широкое поле деятельности. Исполняя должность сборщика, он производил сбор налогов и поставлял продовольствие для армии. Его острая коса косила неумолимо, собирая обильный урожай.

Получив от правительства "открытый лист", он имел право держать при себе любое количество стражников.

Тяготы войны пали главным образом на плечи армянских крестьян, Несмотря на то, что их дочиста ограбили и отобрали у них все имущество, накопленное тяжелым трудом в течение многих лет,- они оказались перед лицом еще более страшной беды: день ото дня росла ненависть магометанского населения к гяурам-христианам. Слово "джават" не сходило с уст людей. Муллы, муфтии, хади, шейхи разжигали фанатизм толпы, отравляли ее проповедями о том, что мусульмане ведут религиозную войну, что в Стамбуле скоро взойдет "знамя пророка", что со дня на день будет объявлена священная война и весь исламский мир поднимется против христиан...

Все это очень тревожило Салмана, который хорошо понимал значение происходивших событий и предвидел их ужасные последствия.

- Здесь будет такая же резня, как в Болгарии,- сказал он как-то утром Вардану.- Нельзя больше медлить, надо готовить народ к самозащите.

- Я тоже чувствую, что пахнет резней,- ответил Вардан.

Разговаривая, они вышли из дома старика Хачо и направились к дому Тер-Марука. Им надо было уладить с ним вопрос о школе, как решено было несколько дней тому назад, иначе говоря, как шутливо выразился Вардан, "подмазать" священника, чтоб он помалкивал, а его зятя, дьякона Симона, поставить надсмотрщиком над рабочими, посулив ему хорошую должность в новой школе.

Идя по деревне, они увидели коробейника, зазывавшего покупателей:

- Красавицы девушки, красавицы молодухи, несите ваши денежки, покупайте иголки, цветные моточки, золотые наперстки.

Коробейник был рослый, плечистый мужчина, одетый в какие-то отрепья. Вместительный короб с товарами, который он тащил на спине, выглядел на нем словно сито на боку у верблюда. Коробейник заметно прихрамывал на левую ногу, и каждый раз, когда он ступал на нее, казалось, что этот Голиаф сейчас упадет. Он опирался на большой посох, помогавший ему сохранять равновесие.

При звуке его голоса Салман вздрогнул и просиял, словно услышал радостную весть.

Что общего могло быть между ним и этим коробейником?

Когда они поравнялись, взгляды их на мгновение встретились, и хотя они не вымолвили ни слова, глаза их сказали многое. Вардан ничего не заметил.

- Нашел время для продажи своих ниток и иголок,- насмешливо сказал он, когда они отошли от коробейника. У бедных крестьян гроша медного нет за душой, им не на что покупать.

- В его коробе двойное дно, как у фокусника, мой дорогой,- ответил Салман,- он спрятал на дне такие товары, которые сейчас в большой цене...

Вардан слушал рассеянно. Мысли его были заняты совсем другим - он думал о Лале. Назревали тревожные события, и он не знал, на что решиться, как быть, куда

увезти ее. Ведь не сегодня - завтра ему самому предстояло принять участие в надвигающихся событиях.

- Хорошие иголки, разноцветные нитки, красивые бусы!..- донесся протяжный голос коробейника.

В эту минуту Салман и Вардан увидели Томаса-эфенди, окруженного толпой крестьян. Стоя возле оседланной лошади, он отдавал какие-то распоряжения. Завидев двух друзей, эфенди прервал разговор и поспешил им навстречу.

С притворной улыбкой на лице он еще издали крикнул Салману:

- Я давно желал с вами познакомиться, господин Дудукчян (он не знал его настоящего имени). Ах, *я безгранично счастлив, мой дорогой соотечественник, что мы наконец встретились.

Небось вы даже не знаете, что мы земляки?

Салман был безмерно удивлен. Этого человека он видел впервые, и его льстивый тон ему не понравился. Он промолчал, но эфенди, подойдя, взял его за руку и сказал:

- Позвольте мне вас поцеловать как земляка, я хочу утолить свою тоску по родине.

Вардан, стоя поодаль, молча наблюдал эту сцену. Салман был в полном замешательстве. Эфенди поспешно обратился к Вардану:

- Ну-ка, подойди сюда, шалопай. Ты же знаешь, что я не умею долго сердиться, у меня душа, как у ребенка. Курд не назовет свою сыворотку кислой: плохой или хороший, но ты мой друг; забудем все и пожмем друг другу руки.

Подозревая, что дружеские излияния эфенди преследую какую-то цель, Вардан подошел к нему и протянул руку. Эфенди снова обратился к Салману.

- Я очень недоволен вами, господин Дудукчян,- сказал он, напуская на себя серьезность.- Вспомните турецкую поговорку: "Наперед поклонись старосте, а потом уж грабь деревню". Томас-эфенди не последний человек здесь. Надо было с самого начала посоветоваться со мной, я бы вас надоумил, и не было бы у вас никаких неприятностей. Эх, молодежь, молодежь! Сердце у вас золотое, но вы не знаете, как взяться за дело. Что, разве я не прав?

- Поверьте, я не понимаю, о чем вы говорите,- проговорил Салман.

Эфенди, сделав вид, что не расслышал Салмана, отвернулся и, протянув руку в направлении терпеливо ожидавших его крестьян, пробормотал:

- Эх, ослы, ослы, когда же вы возьметесь за ум?!- И продолжал, снова повернувшись к Салману:- Ох, и упрямый же народ наши крестьяне! Наслушался я сегодня разговоров в деревне, и, откровенно говоря, у меня волосы встали дыбом. Мы стараемся, чтобы у них была своя школа, чтобы они учились, чтобы наконец прозрели, умели бы отличать черное от белого, а они не понимают этого, упрямятся, как ослы...

"Мы стараемся",- мысленно повторил Салман.- Интересно, кого он имеет в виду, говоря "мы" так многозначительно?" Эфенди продолжал:

- Я душевно обрадовался, когда услышал о ваших намерениях, господин Дудукчян, поэтому мне очень хотелось выразить вам свою благодарность. Народ наш пребывает во мраке, надо просветить его. Школа - вот дорога к его спасению.

Пусть не смущают вас препятствия, с которыми вам пришлось столкнуться несколько дней назад. Путь к добру всегда тернист.

Во мне, как в своем земляке, вы всегда найдете поддержку.

Я всеми силами готов содействовать вам. Не откажите принять мою маленькую услугу: сегодня я еду по одному делу в ближайшую деревню, вернусь утром и лично займусь вашей школой. Я заставлю снова вырыть котлован. Вряд ли найдется в деревне человек, который ослушался бы Томаса-эфенди!

- Благодарю вас, эфенди,- сказал Салман.- Но вы человек занятой, я не хочу отнимать у вас драгоценного времени.

- Это ничего,- возразил сборщик и любезно добавил:- Для доброго дела у меня всегда найдется время.

Он пожал руки обоим молодым людям и отошел от них. Наглец, обманщик,- пробормотал ему вслед Вардан.

- Такими людьми все же не стоит пренебрегать, и они могут пригодиться,- заметил Салман.

- Неужели вы поверили его словам?! Кто знает, какие у него дьявольские намерения...

Они подошли к дому Тер-Марука и постучали. - Хорошие иголки, разноцветные нитки, красивые бусы!..- донесся до них голос хромого коробейника.

- А что, если мы отложим наш визит к священнику?- неожиданно предложил Салман.

- Почему?- удивился Вардан.

- Мне нужно кое-что купить у этого коробейника.

Вардан стал подтрунивать над товарищем.

- Пойдем, у меня есть на то особая причина,- сказал Салман таким тоном, что Вардан невольно подчинился ему. Отойдя от дома священника, молодые люди свернули на другую улицу и пошли следом за коробейником, которого окружила толпа крестьянских ребятишек. "Дай нам жвачки",- приставали они к нему. Коробейник достал кусок жвачки и разделил ее между детьми.

- Неделю назад я видел этого коробейника в Ванском уезде,- сказал один из крестьян.

- Да они бродят повсюду,- отозвался его собеседник.- Погляди-ка, Григор, какая у него страшная рожа! Не хотел бы я встретиться с ним ночью один на один! Суший дьявол.

Хромой коробейник долго кружил по улицам: его зазывали то в один, то в другой дом, а иногда тут же на улице заставляли открывать свой короб, и женщины, окружив его, галдели, как на базаре.

Коробейник торговал до самого вечера. Уже стемнело, когда он наконец вышел из деревни; он свернул с проселочной дороги, которая вела в соседнее село, и направился к оврагу, глубокое дно которого было размыто весенними потоками, но сейчас высохло. Коробейник шел медленно, видимо короб у него был довольно тяжелый, но он уже не прихрамывал, как днем. Спустившись в овраг, коробейник опустил короб на землю и, приложив ко рту правую руку (на ней у него недоставало трех пальцев), издал условный свист. Через несколько минут в овраге показались Вардан и Салман. Коробейник и Салман горячо обнялись.

- Давай сядем,- сказал Салман.- Ну, как у тебя шла торговля?

- Отлично! Весело ответил коробейник.- Я наводнил весь Васпуракан своими товарами.

- Надеюсь, ты продавал их бесплатно? *ша* Ну конечно бесплатно, за этот товар я денег не беру. Вардан с удивлением слушал их.

- Теперь ты убедился, что короб моего приятеля, как у фокусника, имеет двойное дно?- обратился к нему Салман.

- Интересно знать, что скрыто на дне этого короба?- спросил Вардан.

- Оружие...

Только теперь понял Вардан, кто был перед ним: он много слышал от Салмана о нем. Взволнованный этой встречей, он Подошел и обнял коробейника.

Этот человек был Мелик-Мансур.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

И у великого человека бывают свои маленькие слабости. Хотя Томас-эфенди и не принадлежал к числу великих людей, но в Алашкертском уезде у него была репутация всесильного человека: известно, что и лиса может порой сойти за крупного зверя. Несмотря на всю свою расчетливость и практичность, Томас-эфенди тоже имел свои маленькие слабости.

Поглощенный весь день служебными делами, он часто всю ночь напролет кутил, пьянствовал, окружив себя плясунами и музыкантами.

Какую бы деревню он ни посетил - всюду его принимали с почетом. Кто бы отказал в гостеприимстве такому высокопоставленному лицу! Напротив, каждый крестьянин считал за честь принять у себя Томаса-эфенди: хотя это и было связано с расходами, но зато он приобретал благосклонность сборщика.

Однажды вечером в дом к бедному крестьянину явился сельский посыльный и сообщил, что Томас-эфенди собирается пожаловать к нему в гости. Хозяин дома Петрос был мастеровым. Он ремонтировал земледельческие орудия - плуги, сохи, тележки и прочее, и редко бывал дома, так как в поисках заработка обычно обходил окрестные деревни.

Как и следовало ожидать, в этот вечер Петроса не оказалось дома. Жена его сказала посыльному, что мужа нет дома и она не знает, как ей быть.

- Мужа нет дома, но дом-то остался на месте!- грубо оборвал ее посыльный. Эти сельские посыльные были сущим наказанием для крестьян. Служа

должностным лицам и выполняя роль ищеек, они обладали острым нюхом и отлично умели выслеживать дичь.

Жена мастерового опешила и не знала, что ответить. Считая вопрос решенным, посыльный повернулся, чтобы уйти, и напоследок предупредил:

- Эфенди пожалует, когда зажгутся огни.

Бедная женщина застыла на пороге в полной растерянности, не зная, что ей делать: принимать в отсутствие мужа незнакомого гостя ей не подобало. Подумав, она отправилась к соседу Ого и попросила его:

- Братец Ого, посыльный сообщил, что сегодня вечером эфенди пожалует к нам. Мужа нет дома. Ради бога, приходите и пособите нам.

- Это ни на что не похоже!- рассердился Ого.- Не хуже ли в деревне не нашлось другого дома?

- А я почему знаю?- грустно ответила женщина.- Посыльный предупредил.

Сосед Ого пообещал выручить ее.

Томас-эфенди знал Багревандский уезд как свои пять пальцев и, приезжая в любую из деревень, выбирал себе для ночлега всегда наиболее удобное подворье. Вкус его в этом отношении был довольно прихотлив: он предпочитал, чтобы хозяин дома был беден и придурковат или же, на худой конец, любил бы выпить. Но главное - он требовал, чтобы в доме была красивая женщина, которую ему было бы приятно лицезреть.

Подворье, на котором он остановил на этот раз свой выбор, не вполне отвечало его требованиям: хозяин дома, мастеровой Петрос, скромный трудолюбивый человек, не был ни придурковатым, ни любителем выпить. Зато в остальном эфенди не ошибся: хозяин дома отсутствовал, жена у него была миловидная, а его сестра слыла в деревне первой красавицей... В домах зажглись огни.

Жена Петроса, Сусанна, хлопотала у печки, а ее золовка, юная Варваре, поджаривала на масле кур. Возле них суетился сосед Ого. Отдавая женщинам распоряжения, он старался все предусмотреть, чтобы оказать достойный прием почетному гостю.

Все уже было готово, когда появился эфенди, сопровождаемый посыльным. На этот раз эфенди явился без стражников, он спровадил их в другое место.

Сосед Ого почтительно встретил эфенди. Тот вошел и важно уселся на приготовленную для него тахту.

- Почему не видно Петроса, где он?- молвил эфенди, осмотревшись.- У меня к нему важное дело, я хотел бы с ним потолковать.

Сосед доложил, что Петрос ушел плотничать в ближайшую деревню.

- Жаль, очень жаль, а у меня к нему важное дело,- повторил эфенди и пустился разглагольствовать о том, что для перевозки провианта ему требуется много арб и он хочет нанять постоянного плотника, чтобы в случае поломки чинить их прямо в пути. По его мнению, мастеровой Петрос самый подходящий для этого человек, и он хочет оказать ему милость: работа эта выгодная и обеспечит Петросу заработок на несколько месяцев.

Эфенди отлично знал, что Петроса нет дома, и нисколько не нуждался в его услугах, так как для перевозки провианта он пользовался даровыми крестьянскими арбами и буйволами, а если арбы ломались, то их чинили сами владельцы, но он завел этот разговор неспроста.

Жена мастерового, Сусанна, очень обрадовалась, услышав о намерениях эфенди, хотя вначале и досадовала на незваного гостя. Она решила, что из его посещения можно будет извлечь выгоду.

Этого-то добивался эфенди: ему надо было чем-то улестить простодушную хозяйку дома.

Сосед Ого в почтительной позе стоял перед эфенди, ожидая, когда тот соблаговолит предложить ему сесть. Наконец милостивое разрешение последовало. Посыльный прислуживал гостю, так как в доме мастерового не было мужской прислуги. /Гена Петроса и его сестра Варваре находились в другой половине дома, отделенной от горницы невысокой деревянной перегородкой и служившей своеобразной ширмой.

Поскольку обычай гостеприимства требовал выразить уважение почетному гостю, то обе женщины, Сусанна и Варваре, вышли из-за перегородки и, прижав руки к сердцу, низко склонились перед эфенди, что означало: "Добро пожаловать".

- Долгой жизни!- ответил эфенди, бросая на них плотоядный взгляд.

Лицо хозяйки было закрыто чадрой, но у Варваре оставалось открытым. Отвесив

поклон, женщины ушли к себе за перегородку и занялись приготовлениями к ужину.

В маленьком доме царило глубокое молчание. Все ждали, когда заговорит эфенди.

- Чем ты сейчас занят?- спросил он у соседа Ого.

- Без дела я, ага,- ответил тот, почесывая затылок.- Бог меня наказал. За один год несколько бед случилось: умер мой старший сын, пала скотина, а теперь и соха отказала; брожу как неприкаянный.

- Жаль, очень жаль,- посочувствовал эфенди.- Ты хороший человек, Ого, я тебя давно знаю и не допущу, чтобы ты болтался без дела. Я дам тебе работу. Мне нужны люди.

Сосед был вне себя от радости.

- Вы только дайте мне работу, ага, и вы увидите, каков Ого в работе!

- Чем усерднее осел, тем больше ячменя он получает!

- Конечно, это так.

Томас-эфенди был из той породы людей, которые при случае так важничают и пыжатыся, что не могут даже в большие ворота пролезть, но порой настолько уменьшаются, что способны даже и в игольное ушко влезть. В крестьянском жилище он держал себя так развязно, как ведут себя мужчины в известного рода домах, с обитателями которых считают зазорным раскланиваться на улице...

Ему надо было задобрить соседа Ого, который в эту ночь исполнял обязанности хозяина дома. Доверчивый крестьянин, поверив обещаниям эфенди, с глубокой благодарностью сказал ему:

- Дай тебе бог долгой жизни, ага, чтобы господь не лишил нас твоих милостей!

Настало время ужина. Держа в руках тазик и кувшин для умывания, вошла Варваре и грациозным жестом поставила их перед эфенди. Он вымыл руки. Потом Варваре расстелила скатерть на стол и принесла ужин. Во всех ее движениях сказывались стыдливость и робость. Ведя замкнутую жизнь, она никогда не бывала в обществе посторонних мужчин.

- Дитя,- обратился к ней эфенди,- как тебя зовут?

Девушка покраснела, смутилась и беспомощно оглянулась на соседа. Тот сказал, что ее зовут Варваре.

- Какое красивое имя! На редкость красивое имя! - с восхищением повторял эфенди. У меня есть сестра, ее тоже зовут Варваре...

На застывшем лице девушки мелькнула слабая улыбка: ей, видимо, было лестно, что она тезка сестры столь уважаемого человека. У эфенди не было никакой сестры, но он -бесстыдно солгал, чтоб расположить к себе девушку.

Ужинали только эфенди и Ого,- женщинам не полагалось сидеть за одним столом с мужчинами.

- Без воды мельница не мелет,- промолвил эфенди, на мекая на то, что не хватает спиртного, и приказал посыльному пойти за водкой. Сосед извинился, что вовремя не позаботился об этом, а хозяйка сделала молчаливый жест, означавший, что она сама пошлет за водкой.

- Нет,- возразил эфенди,- таков уж мой обычай: водка и вино за мой счет!

Эфенди не лгал. Являясь в дом небогатого крестьянина, он отправлял посыльного за водкой, но стоимость ее относил... за счет сельской казны. Он с тайной целью спаивал хозяев...

Скоро вернулся посыльный с большой бутылкой водки.

- Ну-ка, садись,- распорядился эфенди,- будешь нашим виночерпием.

Посыльный сел на почтительном расстоянии от эфенди и поставил бутылку рядом с собой. Он хорошо помнил наставление эфенди: "Если хочешь весело провести время в гостях, надо "одурманить" хозяина дома, иначе говоря, напоить его". Но так как в этот вечер обязанности хозяина исполнял сосед, то посыльный то и дело подносил ему водку.

Ого всегда питал к ней слабость, а после постигших его несчастий стал пить запоем. Он залпом осушал стаканы, которые подносил ему посыльный. От водки и от обещаний эфенди пристроить его к делу Ого так разошелся, что под конец, запел турецкие песни.

- Нет, так дало не пойдет,- сказал эфенди и велел посыльному пойти за музыкантами.

Музыканты были из числа местных армян, они играли на различных восточных инструментах и исполняли песни. Зная, что эфенди заядлый кутила, эти музыканты вслед за ним переезжали из одной деревни в другую, уверенные, что получают щедрое

вознаграждение.

Вскоре появились музыканты и расселись вокруг стола; хозяйка поневоле была вынуждена добавить еще еды.

Эфенди соизволил справиться о здоровье музыкантов.

- Благодаря вашей милости, мы все в добром здоровье,- ответили они.

Когда гости насытились, Варваре вышла из-за перегородки и стала убирать со стола, но бутыл с водкой она не тронула.

Эфенди уже несколько раз посылал в харчевню "за подкреплением". Стаканы непрерывно ходили по кругу, музыканты усердно пили.

- Ну, начнем,- приказал эфенди.

Музыканты заиграли. Маленький домик сразу ожил от шумных звуков восточной музыки.

Эфенди был в превосходном настроении.

Спустя несколько минут, привлеченные звуками музыки, возле дома Петроса и на кровле собрались женщины и девушки. Они теснились у дверей и окон, заглядывали в дымовое отверстие, радуясь неожиданному развлечению. Ничто так не привлекает крестьянку, как музыка и пение, но ей редко выпадает это удовольствие - разве только зимой на свадьбах.

Мало-помалу от музыки и вина все так развеселились и расшумелись, что, как говорится, собака не узнавала своего хозяина. Люди уже не помнили себя. Один только эфенди был, как всегда, начеку.

Стоявшие во дворе женщины заметно осмелели и одна за другой стали; пробираться в дом,- подсаживаясь к Сусанне и Варваре, они молча глядели и слушали.

- Давайте пляску, пляску?- воскликнул эфенди, хлопая в ладошки.- Я хочу пляску!

Музыканты заиграли плясовую. Ого, пошатываясь, подошел к кучке женщин и насильно вытолкнул на середину комнаты двух девочек. Девочки вначале упирались, краснели, но потом пустились плясать.

- Шабаш, шабаш! - кричали музыканты, войдя в азарт.

Эфенди положил на ладони плясуньям по одной серебряной монете, и они отдали их музыкантам.

Обычно танец начинали дети, а потом в пляс пускались уже и взрослые. Плясали попарно, одна пара сменяла другую. Когда танцоры уставали, они бросали платок, по своему выбору, следующей паре, приглашая ее на танец. Эфенди щедро сыпал "шабаши", и музыканты играли все усерднее и усерднее".

Наконец очередь дошла до Варваре. Красивая девушка оказалась искусной плясуньей и превзошла всех.

- У нас, у армян,-сказал эфенди,- есть прекрасный обычай: когда девушка кончает танец, она подходит к самому почетному гостю, кладет ему голову на колени и остается в таком положении до тех пор, пока он не вручит ей подарок.

- Превосходный обычай!- поддержали музыканты.- Почему и нам не попробовать?!

- Варваре, ты должна первая подать пример,- сказал ей эфенди.- Подойди ко мне, дитя.

Чувство жгучего стыда приковало Варваре к месту. Она предпочла бы скорее умереть, чем положить голову на колени мужчине. Но ее стали подталкивать со всех сторон, уговаривая: "Подойди, девушка, не стесняйся, он тебе что-нибудь подарит". Наконец ее насильно подвели к эфенди и заставили склонить голову на его колени. Эфенди погладил ее густые косы и положил ей на ладонь две золотые монеты.

В домик вошел стражник. Он подошел к эфенди и шепнул ему:

- Ваше приказание исполнено. Мы нашли того человека.

- Арестуйте его и строго охраняйте. Утром я распоряжусь,- ответил эфенди торопливым шепотом.

Стражник вышел. Никто не понял, о чем шла речь.

Была уже поздняя ночь. Домик Петроса постепенно опустел. Музыканты ушли. Мертвецки пьяного соседа Ого с трудом увели домой. В хате остались только эфенди и посыльный, который так осоловел, что ничего не соображал.

Сусанна приготовила постель для эфенди, погасила свет. Все улеглись.

Что произошло в эту ночь, одному богу известно. Но утром Варваре была сама не своя и ходила с опухшими от слез глазами.

Под утро в той же деревне произошло еще одно прискорбное событие: закованного в кандалы юношу под конвоем отправили к военному прокурору, недавно прибывшему

в эти края с особыми полномочиями.

Очевидцем этой сцены был лишь Томас-эфенди; глядя украдкой вслед узнику, он, усмехаясь, бормотал:

- Теперь иди и дуй в свою дудку сколько хочешь!

Этот юноша был Дудукчян, уже известный нам под именем Салмана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Семья старика Хачо ничего не знала об участии Салмана, но когда тот не пришел ночевать, все забеспокоились.

Особенно встревожились Вардан, Айрапет и Апо, опасаясь, не попал ли он в беду.

Утром все трое вышли из дому, надеясь что-либо разузнать о нем в деревне.

В полдень совершенно неожиданно старика Хачо посетил Томас-эфенди. То, что он явился один, без стражников, удивило старосту. Томас-эфенди взял его под руку и отвел в сторону, давая понять, что хочет поговорить с ним наедине.

- Послушай,- сказал он,- “дудку” арестовали и от правили в лоно Авраамово,- в голосе его звучала нескрываемая насмешка.

Старика так ошеломила эта весть, что он едва устоял на ногах, - Возьми себя в руки,- продолжал эфенди,- ты еще и не то услышишь!

И он рассказал, что по его сведениям, прошлой ночью Салман собрал в доме одного крестьянина в соседней деревне молодых парней и толковал им что-то о “правах человека”, о “трудовом люде”, нападал на “деспотизм”, объяснял, что “от них самих зависит сделать свою жизнь более свободной и счастливой”, и тому подобное. Утром, сказал эфенди, полицейские забрали Дудукчяна.

- Правительство давно разыскивало этого безумца,- добавил эфенди,- многие его товарищи уже арестованы. Теперь и этот мышонок попал в западню.

Сообщив все это, Томас-эфенди, разумеется, утаил, что он сам донес на Салмана.

- Слушай дальше,- продолжал эфенди со злой усмешкой, зная, что его слова еще сильнее уязвят старика.- Скоро к тебе явятся солдаты с обыском. Я, как друг, пришел заранее предупредить тебя.

Хотя он и подчеркнул слово “друг”, но весть о том, что явятся солдаты с обыском, привела старика в ужас.

- Не все еще пропало,- продолжал эфенди холодным тоном.- Скажи мне, не остались ли у тебя вещи этого молодца?

Старик немного успокоился, поверив, что эфенди готов по-дружески помочь ему в трудный момент.

- Остался хурджин? Боязливо оглянувшись, прошептал он.

- Вот попробуй вытащить осла из грязи!..- пробормотал эфенди.- Остался хурджин! Разве этого мало?- И, пронизывая старика дьявольским взглядом, он сказал:- Нам дорога каждая минута, торопись. Пойдем спрячем этот хурджин, пока не пришли солдаты.

Старик, нимало не сомневаясь в искренности эфенди, повел его в ода и показал спрятанный там дорожный хурджин Салмана.

- Закрой двери,- распорядился эфенди и, развязав хурджин, стал рыться в нем.

Он нашел там рекомендательные письма, адресованные разным людям, чеки на получение денег, в случае если -бы они понадобились Салману, инструкции, программы и прочее и несколько брошюр, которые молодой пропагандист раздавал крестьянам. Короче говоря, кроме бумаг, там ничего не оказалось. Внимательно просматривая их, эфенди многозначительно покачивал головой.

- Если хоть одна из этих бумаг попадет в руки властей, тебе и твоим сыновьям не миновать виселицы, а все твоё имущество заберет казна.

Старик помертвел, у него от страха даже язык отнялся.

- Их нужно сжечь,- продолжал эфенди и засунул бумаги обратно в хурджин.

- Я ничего не понимаю, у меня ум за разум зашел,- пролепетал старик, и его потухшие глаза наполнились слезами.

Но эфенди неожиданно изменил свое решение. “Зачем сжигать?- подумал он.- Следует внимательнее изучить эти бумаги. Они еще могут пригодиться. Лучше сохранить их”. И он спросил старика:

- А найдется у тебя в доме потайное место, куда можно на время спрятать этот хурджин?

- Найдется,- ответил старик.

В доме Хачо было несколько потайных ям, куда в случае опасности прятали ценные вещи. А поскольку в этих краях опасность всегда висела над головой, то в настоящий момент пустовала только одна яма.

Они взяли злосчастный хурджин и спустились в погреб, где хранились масло, вино и другие продукты. Пол в погребе был устлан деревянными плитами. Старик нагнулся и приподнял две плиты. Под ними оказалась железная дверца, которая закрывала вход в потайную яму. Хачо достал из кармана ключ и, вложив в скважину, несколько раз повернул его. Дверца сама откинулась. Перед ними зияла глубокая яма. Они спустились вниз по узкой лестнице. В темноте ничего нельзя было разглядеть, воздух был удушливый и спертый. Положив хурджин, они поспешно выбрались наружу. Старик закрыл железную дверцу и положил плиты на прежнее место. Никому не могло бы прийти в голову, что под ними есть тайник.

- Дай мне ключ,- сказал эфенди,- я спрячу его. Можешь смело довериться мне.

Старик, не раздумывая, отдал ему ключ. Страх настолько парализовал его, что он беспрекословно подчинялся указаниям эфенди.

- Мне о многом еще нужно с тобой поговорить, староста Хачо, но время не терпит - каждую минуту могут нагрянуть полицейские с обыском. Я хочу дать тебе напоследок несколько советов. Помни: никто не должен знать о том, что я был здесь и что мы спрятали хурджин. Никому из домашних не говори об этом! Когда придут с обыском, постарайся держаться спокойно, прикинься простачком, не бойся ничего. Пусть ищут где хотят: хурджин мы спрятали так, что его сам сатана не найдет. Не отрицай, что этот "дудка" жил у тебя, скажи только, что ты его знать не знаешь; а если спросят, с какой целью он прибыл в наши края,- скажи, что ни тебе, ни твоим сыновьям ничего не известно.

- Дав подробные наставления, эфенди вышел вместе с Хачо во двор. Беспечно оглянувшись по сторонам, он сказал:

- Выведи меня через задние ворота, никто не должен знать, что я был здесь.

Старик повел его к задним воротам, находившимся на скотном дворе.

- Счастливо оставаться. Я приду позже, когда кончится обыск. Не беспокойся, я сумею приструнить этих "ищеек".

Эфенди ушел. Дорогой он с довольным видом повторял: "Ну теперь ты у меня в руках, староста Хачо!.."

Было час пополудни. Вардан, Айрапет и Апо еще не вернулись. Остальные сыновья были в поле. Снохи готовили полдник, чтобы послать его в поле мужьям: крестьяне возвращаются домой обычно к ужину, а потому никто ничего не знал.

Старик Хачо ждал прихода солдат с таким же чувством, с каким приговоренный к смертной казни ожидает наступления роковой минуты. Своим снохам он ничего не сказал о предстоящем обыске, не желая преждевременно пугать их.

Наконец явился турецкий офицер с отрядом солдат и полицейских.

Женщин не удивил их приход, они привыкли видеть у себя в доме подобного рода непрошенных гостей, которые обычно являлись, жили по несколько дней, пили, ели и потом уходили восвояси. Постой турецких солдат в армянской деревне был обычным явлением, а тем более в доме старосты.

- Мне приказано произвести у вас обыск,- сказал офицер, обращаясь к старику Хачо.

- Мой дом в вашем распоряжение, можете обыскивать,-

ответил тот, стараясь сохранить хладнокровие.

Офицер велел закрыть все двери, повсюду расставил стражу и приступил к обыску. Сперва обыскали ода, потом перешли в другие комнаты, перебрали все до одной вещи, шарили повсюду, заглядывали в каждую щель, но ничего подозрительного не нашли. Почувяв что-то неладное, женщины подняли плач, но старик прикрикнул на них, и они замолчали.

Покончив с обыском, офицер приступил к допросу:

- Здесь проживал молодой человек по имени Дудукчян?

- Он раза два ночевал у меня,- ответил старик.

- А вы его раньше знали?

- Нет.

- Почему же вы его приютили?

- Я староста этой деревни, а дом старосты, как вам известно, своего рода постоялый двор - каждый чужеземец и странник находят здесь приют. Могу ли я их всех знать?

- Не оставил ли он вам свои вещи?
- Нет, он ничего не оставил.
- А вы не знаете, с какой целью он прибыл в наши края?
- Он ничего не говорил, я знаю только то, что он был учителем.
- Известно ли вам, с кем он виделся в деревне, кого посещал?
- Я знаю, что он ходил по домам, искал себе учеников.
- А вы знаете, что с ним произошло?
- Нет, не знаю.
- Он арестован.
- Поделом ему, если он этого заслуживает.

В это время в дверь постучали.

- Никого не впускать,- распорядился офицер.
- Стражник доложил, что пришел Томас-эфенди.
- Пусть войдет.

Войдя в комнату, Томас-эфенди сделал недоумевающее лицо, словно ему было невдомек, зачем здесь находятся офицер и солдаты.

- Здравия желаю! Что случилось?- спросил он с хорошо разыгранным удивлением.

Офицер объяснил. С фальшивой улыбкой на лице эфенди подошел к нему и, тронув за плечо сказал:

- Головой ручаюсь, что в доме старосты вы не найдете ничего подозрительного. Он очень добрый и хороший человек.

Эфенди и офицер пошли в ода. Отряд солдат и полицейских остался сторожить во дворе.

- Староста,- обратился эфенди к старику - люди небось проголодались, прикажи накормить их; и чтобы водка была в изобилии, слышишь?- добавил он по-армянски.

Староста обрадовался. Он решил, что опасность миновала; и поспешно вышел из ода.

Но опасность далеко не миновала. Турки и не собирались выпускать старика из своих рук, разве только истерзав и измучив несчастного в тюрьме; и хотя в доме старосты не было найдено ничего, что могло бы служить уликой против него, не было доказательств того, что он преступник, но достаточно было, что старик Хачо - армянин, да к тому же богатый. А это значит - лакомый кусок для турецких чиновников.

Томас-эфенди сам заварил эту кашу; это он донес на Салмана военному чиновнику, прибывшему в Багревандский уезд, он же и подал ему мысль произвести обыск в доме старосты. Ему, конечно, не стоило особого труда помочь старику выбраться из подстроенной им самим западни, но это не входило в его расчеты. Чтоб легче осуществить свой дьявольский замысел, ему надо было как можно больше запутать и усложнить дело.

Когда старик Хачо вышел из ода, офицер спросил эфенди:

- Как вы думаете, эфенди? Мне кажется, этот старик ни в чем не виновен.

- Вам же известно, бек,- ответил ему хитрец,- что Томас-эфенди не из числа людей, делающих поспешные выводы. Для меня это дело еще темное. Я был уверен, что обыск подтвердит, что эти люди единомышленники арестованного.

Меня удивляет, что не найдено улик, подтверждающих обвинение. Но есть еще одно средство - "признание". Я заставлю этих людей во всем признаться... У меня на подозрении двое сыновей старика и чужеземец, который гостит у них.

- Кто он?- спросил офицер.

- Приезжий из России, опасная личность и заклятый враг нашего правительства.

Здесь он странствует под видом купца, но он, несомненно, русский шпион.

- Арестовать его не так-то просто, раз он русский под данный.

- Мы накануне войны, поэтому нельзя оставлять на свободе шпиона. Вам наверно, известно, что скоро будет объявлена война?

- Да, я знаю.

- Об этом молодце я уже говорил с его превосходительством пашой-эфенди.

Неужели он не дал вам никаких распоряжений?

- Паша-эфенди поручил мне действовать согласно вашим указаниям.

- Отлично,- обрадовался эфенди.- Указания будут даны" Но есть одно обстоятельство, о котором я скажу вам несколько позднее.

- Я очень нетерпелив, говорите скорей, не томите,- попросил офицер.

- Ну, хорошо, я скажу вам на ухо.

Хотя в ода никого, кроме них, не было, офицер наклонился к эфенди, и тот шепнул

ему:

- Старичок-то богатый, не мешало бы его подоить.

Томас-эфенди достаточно хорошо знал корыстолюбие турецких должностных лиц и понимал, что их не столько интересует само дело и его расследование, сколько возможность выжать как можно больше денег из обвиняемого. Играя на слабостях этих людей, эфенди старался извлечь для себя пользу. Он обрадовался, видя, что его слова произвели нужное впечатление на офицера. Тот с готовностью спросил:

- Каковы будут ваши распоряжения?

- У вас целый отряд, велите установить надзор за старостой и его сыновьями, Айрапетом и Апо, и прикажите арестовать русского шпиона - Вардана.

Офицер записал имена Айрапета, Апо и Вардана.

- Обыск вы уже произвели,- продолжал эфенди,- но расследование будет вестись, поэтому держите их под надзором, пока его превосходительство паша-эфенди лично не займется этим делом.

- Слушаюсь,- сказал офицер.

- - А я буду играть роль посредника. Сделаю вид, что Держу сторону обвиняемых, и постараюсь выведать все их секрета.

- - Понимаете?

- - Понимаю,- ответил офицер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Пока, сидя в ода, Томас-эфенди и офицер строили свои злодейские планы, во дворе солдаты вели между собой совсем иной разговор.

- Махмуд,- молвил один из них,- если нам придется здесь заночевать,- какую из невесток этого армянина ты себе выберешь?

- Мне приглянулась та краснощекая малютка,- причмокнул Махмуд.

- А меня лишила разума черноглазая красотка!- сказал его товарищ.

Солдаты, видимо, не столько занимались обыском, сколько пялили глаза на невесток Хачо. При виде женщины мусульманин легко теряет голову. Но нашлись и такие, которые больше интересовались домашним имуществом Хачо.

- Моя жена мне житья не дает,- вмешался в разговор пожилой солдат,- заладила одно: "Купи большой котел для кипячения молока". Как раз такой котел я видел здесь. Когда мы будем уходить, непременно прихватчу с собой.

- Солдат-коротышка сказал:

- А я высмотрел красивый коврик. Эх, хорошо отдохнуть на таком коврике после сытного обеда и курить наргиле, приготовленное руками красивой женщины.

Пожилой солдат, видимо более набожный, чем его товарищ, возразил:

- На таком коврике лучше всего совершать намаз.

С явной завистью и недоброжелательством один из них сказал:

- Ума не приложу, отчего это у гяуров такие красивые жены... и в придачу такие богатые дома! У меня в доме даже рваного паласа нет, детям спать не на чем. Гяуру положено носить поношенный узкий кушак, чтобы он рвался при каждом вздохе. Эти слова каждый мусульманин затвердил как поговорку. " На Востоке о богатстве и знатности человека судят по тому, какой на нем кушак. Армянин, как и всякий "гяур", по мнению мусульманина, должен быть бедняком и носить узкий, заношенный до дыр кушак. Гяур не вправе иметь красивую жену, потому что все красивое и хорошее должно быть достоянием мусульманина.

Несколько солдат, забравшись в сад Хачо, объедались фруктами, беспощадно ломая ветки деревьев и швыряя наземь незрелые плоды,- словом, вели себя, как свиньи в огороде.

Сердце старика Хачо обливалось кровью при виде этого зрелища, ведь каждое дерево было заботливо возвращено им.

Понурился седую голову, он прошел через двор. Он вспомнил старую персидскую поговорку: "Если зорпет¹ отнимет у садовника одно яблоко, то его войско выкорчует весь сад". Турок способен на такое варварство. Кто не щадит природу, тот не щадит и человека. Турок съест фрукты, а само дерево уничтожит. Турок отнимет у человека добытые им потом деньги, а его самого убьет... Как безжалостно уничтожил он прекрасные леса на своей земле, так- же безжалостно убивает он и другие народы на своей земле.

Бедняга Хачо отправился на женскую половину дома, где его снохи были заняты

стряпней. В собственном доме он очутился на положении арестанта и вынужден был оказывать гостеприимство своим тюремщикам.

- Что это за люди? Что им надо? Почему они разоряют наш дом?- со слезами на глазах обратилась к нему Сара.

- Бог их знает,- грустно ответил старик и распорядился поскорей подавать обед.

Женщины находились в состоянии ужасного страха. Они не выходили из дому, чтобы не попадаться на глаза солдатам. Им было понятно, что произошло нечто исключительное, раз турецкие солдаты так беззастенчиво вели себя у них в доме. До этого дня им не раз приходилось принимать подобных гостей, но они всегда держались почтительно.

Когда до сыновей Хачо, работавших в поле, дошла весть о том, что в их доме бесчинствуют турецкие солдаты, они вне себя от ярости поспешили домой, но, вместо того чтобы расправиться с солдатами, весь свой гнев обрушили на голову ни в чем не повинного отца. Так рабы, безропотно подчиняясь власти тирана, обращают свой гнев против того, кто осмелился разгневать их владыку. Поэтому и сыновья Хачо обрушились на отца с упреками, обвиняя его в том, что он дал приют таким опасным людям, как Вардан и Салман. Они порывались пойти к офицеру и рассказать ему все, что знали, надеясь этим облегчить свою участь.

- Это ты разрушил наш дом!- попрекали они Хачо.

- Пропади он пропадом,- отвечал старик с волнением,- если в этом доме живут такие недостойные люди, как вы! Я отрекаюсь от вас, раз вы не имеете ни чести, ни самолюбия, ни мужества. Будьте вы прокляты! Своими сыновьями я считаю тех, на кого вы ополчились. И я не очень буду горевать, даже если из-за них потеряю все свое имущество...

Слова старика относились к Вардану и Салману. Это еще более распалило его сыновей. Опасаясь, чтобы они сгоряча не совершили безрассудный поступок и не сболтнули лишнего, старик постарался убедить их, что напрасно они так переполошились, что в случае чего офицеру можно "заткнуть глотку взяткой", и добавил, что Томас-эфенди обещал выручить их из беды. Сыновья приутихли. На такого рода людей всегда производят впечатление имена сильных мира сего.

В это время на пороге ода показался Томас-эфенди и крикнул:

- Староста Хачо, распорядись насчет обеда, надо поскорее накормить этих собак.

- Обед готов, эфенди,- ответил староста,- сейчас подадут.

Один стол накрыли в ода - для офицера и эфенди; другой во дворе, в тени развесистых деревьев - для солдат. Последние с каждой минутой нагтели все больше и больше.

Попадая в дом армянина, турецкий солдат становится привередливым. У него разгорается аппетит, и он требует такую еду и напитки, о которых знает лишь понаслышке, а если хозяин дома отвечает ему отказом, он принимается осыпать его бранью. Н хотя в доме Хачо была приготовлена обильная еда, сыновья старика сбились с ног, выполняя требования наглых гостей.

Офицер и Томас-эфенди обедали в ода вдвоем; старик Хачо не принимал участия в их трапезе,- в знак особого уважения он стоя потчевал их.

Сыновья старика прислуживали солдатам во дворе. Водка и обильные деревенские яства на время умиротворили солдат,

Улучив минуту, старик прошел на женскую половину дома и, отозвав Сару в сторону, тихо сказал ей:

- Доченька, возьми ключи и спрячь все ценное; ты ведь знаешь куда,

- Знаю,- ответила бедная женщина, и глаза ее наполнились слезами.

Она поняла, что предосторожность свекра вызвана нависшей над ними бедой.

Слезами горю не пособить, крепись,- продолжал старик_- Нам не раз грозила беда. С божьей помощью все обойдется и на этот раз. Надо только набраться терпения. Спрячь все вещи, а потом отошли всех невесток с детьми к их родным, сама вместе с Лалой ступай к куму Зако. Побудьте пока у него, а там видно будет.

Одни из невесток Хачо были родом из деревни О., другие - из соседних деревень, поэтому им нетрудно было на время найти приют у родных. Одна только Сара была уроженкой Баязета, поэтому старик решил отправить ее к куму Зако.

- Вот еще что, Сара,- продолжал старик.- Айрапет, Апо и Вардан еще с утра ушли на поиски Дудукчяна. Они наверняка не знают о том, что здесь произошло, и, вернувшись домой, могут попасть в ловушку. Пошли человека предупредить их. Пусть скроются на

время, пока я не дам им знать.

Последние слова совсем доконали бедняжку Сару. Значит, ее дорогому Айрапету угрожает опасность! В чем он виноват, что он сделал?..

Но Сара была достаточно умна, чтобы для нее могли остаться тайной некоторые замечания мужа, и она все последнее время жила в смутной тревоге.

- А кого послать? - спросила она, вытирая набежавшие слезы.

Вопрос Сары не был праздным. Кому она могла довериться, когда в минуту опасности между братьями вспыхнула вражда и брат был готов предать брата? Несколько минут назад она собственными ушами слышала, как ее девери проклинали Айрапета и сколько злобы было в их словах.

Понимая, что сомнения невестки справедливы, старик с грустью ответил:

- Я знаю, никто не пойдет... Когда человек в беде, от него все отворачиваются... Но слуги Вардана, Сако и Его, - люди верные и храбрые. Поручи им разыскать своего хозяина, Айрапета и Апо, пусть они предупредят их, что Дудукчян арестован, что у нас в доме идет обыск; остальное они поймут сами.

Дав эти указания Саре, старик ушел, уверенный, что она со свойственной ей находчивостью и умом сделает все, как он велел.

Проходя через двор, он увидел, что блюстители порядка и законности, наевшись до отвала, продолжали бражничать. Закрыв глаза, он прошел мимо, чтобы не видеть этого безобразного зрелища; теперь он уже не чувствовал себя хозяином в собственном доме.

Турецкие чиновники легко нарушают запреты, налагаемые на них религией. Поэтому потребление водки стало у них обычным явлением, - запретный плод всегда сладок. Пьяный мусульманин легко теряет власть над собой и нередко доходит до исступления. Магомета можно считать великим пророком уже за одно то, что он запретил мусульманам пить спиртные напитки.

А тем временем в ода завязался интересный разговор. Офицер изрядно выпил, и беседа между ним и Томасом-эфенди приняла более непринужденный и задушевный характер.

- Сколько у тебя жен? - полюбопытствовал офицер.

С лукавой улыбкой эфенди ответил:

- У осла раз спросили, сколько у него жен... он указал на всех ослиц!

Когда эфенди начинал говорить притчами и баснями, это означало, что у него хорошее настроение.

- Но ведь христианская религия, кажется, запрещает иметь больше одной жены, - заметил офицер.

- Мусульманам тоже запрещено пить вино и водку, а ты выпил больше меня, - ответил ему эфенди, радуясь своей находчивости.

В это время вошел старик Хачо, неся коробки с рахат-лукумом и измирским инжиром. Поставив их на стол, он сказал:

- После обеда приятно подсластить рот, - и поспешно вышел из ода.

- Старик, кажется, добрый, - сказал офицер. - Удивляюсь, как он мог приютить в своем доме русского шпиона и константинопольского смутьяна?

- У осла уши длинные, а ум короткий, - ответил, как всегда, прибауткой эфенди. - Добрыми обычно бывают глупцы. продолжал он, - этот старик из той же породы.

Турецкий офицер оказался человеком с более чистой совестью, чем армянин эфенди. Он сказал с сожалением:

- Боюсь, что паша-эфенди выжмет из него все соки.

- И правильно!.. Только глупец может упустить такой удобный случай.

- Ты знаешь пашу? Что он за человек? Я только один раз его видел.

- Я его хорошо знаю, - самоуверенно ответил эфенди. - Я познакомился с ним, когда он был уездным начальником в Тигранакерте. Больше десяти лет он грабил этот уезд, изрядно нажился, потом уехал в Константинополь и стал там пашой.

- А что он за человек?

- Из тех, кто даже с дохлого осла подкову снимет.

Пока офицер и эфенди беседовали, а пьяные солдаты горланили песни и забавлялись плясками, женщины незаметно вышли из дому через задние ворота, ведя за руки детей. Покидая дом, они горько плакали. Им казалось, что их изгоняют отсюда навсегда, что они больше никогда не вернуться в это жилище, где были так счастливы, где меж ними царили доброе согласие и любовь.

Вслед за ними через те же ворота вышли вооруженные Его и Сако. Никем не замеченные, они сели на лошадей и ускакали.

Несмотря на свою дьявольскую хитрость, Томас-эфенди не догадался арестовать этих молодцов, которые были правой руной Вардана и могли помешать осуществлению его злых замыслов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Томас-эфенди считал, что он отчасти преуспел в своих намерениях, но главная цель его была еще впереди. Он давно уже знал, что Степаник девушка. Об этом ему сказал крестивший ее священник Тер-Марук. Как-то раз, приглашенный к Томасу-эфенди на обед, он спяна выболтал ему эту тайну, которую поклялся никогда не разглашать.

С этого дня в сердце эфенди запала любовь к Степанику.

Но что такое любовь для человека, лишённого нравственного начала? Такое же преходящее чувство, как голод и жажда: поел, выпил - и потребность прошла! Возвышенная, идеальная любовь была недоступна Томасу-эфенди. Любовь для него была только животной потребностью.

Женщина для Томаса-эфенди была предметом забавы, вещью, которую можно было приобрести для временного удовольствия и развлечения. При виде другой, более красивой женщины, он старался отделаться от первой, чтобы удовлетворить новую прихоть. Последний его выбор пал на Лалу. Почему же он добивался ее таким нечестным путем? Разве он не мог попросить у отца ее руки?

Томас-эфенди и на этот раз был верен себе: идя к какой-либо цели, он пускал в ход свои собственные, особые приемы. Сборщик налогов был выжигой, а такой человек никогда не идет к цели прямым путем. Он предпочитает окольные пути, даже если им руководят добрые намерения. Он расставляет своей жертве ловушки, опутывает ее сетями. Чтоб завладеть Лалой, Томас-эфенди применял свои обычные подлые уловки.

Томас-эфенди старался поставить отца Лалы в такое положение, чтобы тот, даже вопреки своему желанию, вынужден был отдать ему свою дочь.

На Хачо он смотрел как на собственного Лалы: постоянно имея дела с крестьянами, как сборщик налогов, он хорошо знал, как трудно заставить крестьянина расстаться со своей собственностью; он знал, что пока не вымотаешь из него все силы, не измучаешь, не истерзаешь его, он не выпустит из рук свое достояние. Поэтому Томас-эфенди так крепко опутал старика, что выбраться из этих пут он мог только с его помощью.

Донеся на старика, и его сыновей как на политических преступников и единомышленников бунтаря, укрывающих в своем доме русского шпиона, Томас-эфенди преследовал двойную цель: он хотел выслужиться перед турецким правительством, доказать ему свою преданность и служебное усердие и вместе с тем застрашать старика: "Если ты не отдашь мне Лалу, тебя вместе с сыновьями вздернут на виселице, дом твой предадут огню, а имущество отберут... Спасти вас могу только я! И наградой мне должна быть красавица Лала...".

Вот какой злодейский замысел вынашивал в своей душе Томас-эфенди!

Доказательство, подтверждавшее его донос, он бережно хранил в кармане: это был ключ от тайника, где они со стариком спрятали хурджин Салмана.

Вначале эфенди не собирался прибегать к крайним мерам. Он надеялся, что легко сумеет добиться согласия старика Хачо. Но с некоторых пор ему стал внушать сильную тревогу Вардан, в котором он видел опасного соперника. С того дня как юноша вырвал из рук Степаника чубук, приготовленный ею для эфенди, и, вне себя от ярости, выбросил его за окно, с того самого дня, когда из-за Степаника он набросился на сборщика налогов, последний был уверен, что Вардан и Степаник любят друг друга, и ревнивые подозрения не давали ему покоя. Он знал, что в семье старика Хачо хорошо относятся к Вардану и охотно отдадут ему в жены Лалу. А если бы даже юноше и отказали - это не меняло положения: девушка его любила, и бесстрашному контрабандисту ничего не стоило похитить ее! На это у Вардана хватило бы и смелости и находчивости. Эта мысль беспокоила эфенди и толкала его на решительные действия. Самое верное, с его точки зрения, было удалить юношу из дома старика Хачо, - и удалить по распоряжению военных властей, чтобы он не мог увезти с собой Лалу. Это и побудило Томаса-эфенди выдать Вардана за русского шпиона.

Но почему же из всех сыновей Хачо сборщик налогов велел арестовать только

Айрапета и Апо? Неужели ему стало известно, что они разделяют убеждения Салмана? Нет, ему даже в голову не приходило, что у армянского крестьянина могут быть свободолюбивые мысли. Он хорошо знал, что остальные сыновья Хачо просто-напросто покорные "ослы". Осуществлению его планов в отношении Лалы могли помешать только Айрапет и Апо. Эфенди давно уже заметил, что они с неприязнью относятся к нему, а потому и велел посадить их за решетку.

Какая судьба ожидала Лалу? Ее любили три человека, и каждый из них старался завладеть ею. Прославленный разбойник, бесстрашный Фатах-бек намеревался похитить ее, подобно смелому горному орлу, который, налетев из-за туч, уносит в когтях свою добычу. Томас-эфенди извивался змеей, надеясь заполучить ее коварством. А отчаянный и дерзкий контрабандист Вардан хотел тайно увезти ее в том случае, если бы девушку не пожелали отдать добровольно. А кого из них Лала любила, мы уже знаем.

Но курдский бек был занят приготовлениями к войне и до поры до времени оставил мысль о Лале. Вардан был всецело поглощен судьбой Салмана. Зато Томас-эфенди так повел дело, что мог надеяться на успех.

После обеда опьяневший офицер сразу же заснул. Солдаты сторожили все входы. Айрапет и Апо все еще где-то бродили. Томас-эфенди решил, что настал удобный момент поговорить со стариком Хачо.

Он оставил в ода уснувшего офицера и вышел. "Раз уж начал, надо довести дело до конца, - подумал он. - Сидеть на осле позорно, но еще позорнее упасть с него".

Он нашел старика во дворе; тот печальный сидел возле ограды, грея на солнце одеревеневшие члены. Тут же во дворе подгулявшие солдаты с гогом гонялись за служанками, хватили их за подошвы, или же принимались колотить слуг, требуя, чтобы они выполнили их распоряжения.

На глазах у патриархального старика оскверняли его дом, где свято чтит семейные устои, где даже нескромная улыбка постороннего не оставалась безнаказанной. А теперь в этом доме распоряжалась кучка наглых солдат...

"Что это за судьба?.. К чему такая жизнь?.. Лучше бы земля разверзлась и поглотила нас... лучше бы небо обрушилось на нас... Разве это жизнь - видеть, как тебя бесчестят, и молчать!.. Для кого же тогда уготован ад?.. Почему небесные молнии не поразят этих бессовестных людей!.."

Испуская тяжкие вздохи, старик поднимал к небу полные слез глаза, но небо не давало никакого ответа.

В это время он заметил солдат, выносивших из дому вещи. Сара, которая, проводив невесток и детей, оставалась дома, выбежала во двор и выхватила из рук солдата большой медный котел. Но солдат ударил ее кулаком в грудь, и она упала. "На моих глазах делят мое добро, не спрашивая моего согласия. Почему? В чем моя вина? В том, что я посмел оказать гостеприимство человеку, который проповедовал, что труд и имущество крестьянина должны быть неприкосновенны. Меня наказывают за то, что я посмел приютить человека, который обличал всякую неправду, зло", богатство, нажитое несправедливым путем, который проповедовал, что мы должны владеть землей, доставшейся нам от дедов, что мы сами должны управлять своей страной и избавившись от турецкого ига... Что пробуждает в нас такие мысли, как не само насилие. Если б нас оставил и в покое, если б не бесчестили наши семьи, не разоряли хозяйство, если бы с нами обращались, как с людьми, а не как со скотом, - тогда нам не на что было бы жаловаться... "Свободолюбие - дитя деспотизма и несправедливости", - говорил Дудукчян, Теперь я понимаю, что означают его слова. Тиран сам порождает своих недругов. Обращайся турки с нами по-другому, мы бы жили с ними в любви и согласии, хотя они и не нашей крови".

Так думал старик, и в душе его бушевала буря. Но что мог поделать обессиленный лев против стаи волков? Душа его была поена гнева, но у него же было сил для борьбы. "Одной рукой не захлопаешь в ладоши, - вспомнил он известную поговорку. - Если б наши крестьяне были единокровны, тогда, нашелся бы выход".

В таком удрученном состоянии застал Томас-эфенди старика. Желая сильнее уязвить его, этот наглец еще издали крикнул ему:

- Дела обстоят плохо, очень плохо, староста Хачо! Осел так увяз, что его не вытащить из грязи...

Старик не расслышал слов эфенди, но встал ему навстречу.

- Садись, - сказал эфенди, дружески кладя ему руку на плечо, - я тоже посижу с тобой. Здесь нам никто не помешает.

Они сели рядом на паласе, разостланном на земле.

- Когда же эти люди наконец уберутся отсюда?- спросил старик, указывая на распоясавшихся солдат.

- "Безумца позвали на свадьбу - ему там понравилось больше, чем дома". Зачем им отсюда уходить, когда у них вдоволь еды и питья?- ответил эфенди, беспечно рассмеявшись.

Этот смех неприятно поразил старика. Заметив это, сборщик налогов заговорил другим тоном:

- Не грусти, староста Хачо! Пока жив Томас-эфенди, ни один волос не упадет с твоей головы.

- Чего же больше?- возмущенно произнес старик, показывая на солдат.- На моих глазах разоряют мой дом, растаскивают мое имущество, а я должен все это молча сносить!

- Это уж у них такая привычка: когда собака попадает в лавку мясника, она хоть кость, да утащит. Тебе отлично известно, староста Хачо, что из дома армянина турок не уйдет с пустыми руками. Благодарю бога, что покушаются на твое имущество, а не на твою жизнь.

Старик задрожал всем телом. Он был так потрясен всем происходящим, что каждое слово, больно ранило его.

- Скажи, наконец, в чем дело?- крикнул он, выйдя из терпения.- Если ты что-то знаешь - говори, зачем ты меня, мучаешь! Если мне грозит смерть, так пусть она придет скорее.

- Скажу, все скажу, староста Хачо, имей терпение,- ответил эфенди серьезным и торжественным тоном.

Разговор свой он начал, как всегда, побасенкой об ослах:

- Осел не должен лягаться, когда его подстегивают, а то ему несдобровать... Я это к тому говорю, староста Хачо, что армянам не следует ссориться с турками, особенно теперь...

Он сослался на ванский пожар и стал доказывать, что было бы чистейшим "безумием" не сохранять верность туркам. По его словам, турки предали огню и разграбили несколько тысяч армянских домов и магазинов в Ване только потому, что армяне шпионили в пользу русских. Отсюда ясно, продолжал он, в нынешней войне армянам незачем держать сторону русских. А турки не так уж плохи, как кажутся, и судьба армян тесно связана с турками, а всякий призыв к восстанию является "безумием". Поведение Салмана он считает безрассудным и нисколько не будет огорчен, если его строго накажут, но сожалеет лишь о том, что по его вине пострадает еще кое-кто. - Кто?- перебил его старик, побледнев.

- Твои сыновья Айрапет и Апо и твой гость Вардан,- ответил сборщик налогов.

Удар был так силен, что мог бы оказаться роковым для бедного старика, если бы жизнь, полная невзгод и мучений, не закалила его. Взяв себя в руки, он спокойно спросил у эфенди:

- В чем же нас обвиняют?

- Благословенный, ты задаешь такой наивный вопрос, что даже ребенку непростительно!- с язвительной иронией ответил Томас-эфенди.- А чем виноват совершенно здоровый человек, которого признают больным только потому, что он находился среди чумных? Ведь если он пытается убежать, что бы спастись от заразы, его ловят, сажают в кутузку и так обрабатывают, что у него дух захватывает!

- Значит, и нас посадят в кутузку?- спросил старик с искаженным от гнева лицом.

- Да,- ответил эфенди хладнокровно.

Но ведь он пришел для того, чтобы просить у Хачо руку его дочери, сказать ему, что он любит ее? Неужели он забыл об этом? Зачем же он так изводил горемычного старика?

Как мы уже говорили, Томас-эфенди стремился поставить Хачо в такое безвыходное положение, чтобы тот поневоле вынужден был признать, что эфенди - единственный человек, который может спасти его семью, и что Лала должна быть принесена в жертву во имя этого спасения. Он знал, что не так-то легко добиться согласия старика, особенно после того, как Вардан при всех обвинил его в том, что у него несколько жен, а он ничем не мог опровергнуть это обвинение.

Видя, что он хватил через край, что не следует доводить старика до полного отчаяния, эфенди поспешил его утешить и сказал:

- Возможно, что тебя и продержат несколько Дней в кутузке, но это только для

острастки. Томас-эфенди вас в обиду не даст!..

Старик промолчал. Он вспомнил, что утром сборщик налогов говорил совсем другое, и в душу его закралось сомнение...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Вардан, Айрапет и Апо, уйдя из дому еще утром, ничего не знали о том, что произошло за время их отсутствия: они не знали ни о коварных проделках Томаса-эфенди, ни об обыске, ни о бесчинствах солдат.

Обойдя несколько деревень в поисках Салмана и расспрашивая людей, они наконец после долгих странствований набрели на тот дом, где он провел последнюю ночь.

Хозяин дома оказался словоохотливым человеком. Он сообщил им, что сам не знает, куда девался его гость, во что в прошлую ночь он о чем-то долго толковал с деревенскими парнями; когда все разошлись, он поужинал и ему приготовили постель в ода. Он ночевал в ода один, но рано утром его там уже не оказалось. Куда он исчез неизвестно.

Вардан и его товарищи зашли в комнату, где ночевал Салман. Там на полу они обнаружили клочок бумаги, на котором было наспех написано: "Я арестован" - и стояла подпись "Л. С." Прочтя записку, Вардан передал ее Айрапету и сказал:

- Я этого ожидал.

Все трое стояли как громом пораженные. Удар был двойной: они потеряли товарища, благородного юношу, ставшего жертвой своей неопытности, и, кроме того, его арест ставил под угрозу успех всего дела, ради которого они поклялись не щадить себя.

Хозяин дома с удивлением смотрел на своих посетителей: он не понимал, почему этот клочок бумаги доставил им столько огорчений.

Ничего не сказав ему, они вышли. Был вечер. Поднимая тучи пыли, с пастбищ возвращались стада. С шутками и смехом шли с полевых работ крестьяне. Никто из них не знал о том, что прошлой ночью в их деревне было совершено два злодеяния: арестован юноша и обесчещена девушка. И оба эти преступления были делом рук человека, который пользовался всеобщим уважением!

- Крестьянин простодушен, как ребенок,- сказал дан.- Дитя, когда ушибется, плачет от боли, *на* как только боль прошла, он забывает о ней и вновь беспечно играет и смеется... Вот так в крестьяне. Очень трудно иметь дело с такими великовозрастными детьми. Столетиями их угнетали, столетиями они жили в нужде, утопали в грязи, но как будто не чувствовали этого и легко забывали свои обиды... Они трудились, не задумываясь над тем,, для- кого и зачем они трудятся. Томас-эфенди,- продолжал он,- не зря назвал их ослами, а их заступников- безумцами. Вот иди и втолкуй крестьянам, что тот парень, который прошлой ночью с таким жаром говорил им о правах человека, о том, что такое труд и как им защитить свои права - арестован и, возможно, завтра будет вздернут на виселице. Они все в один голос скажут: "Он безумец, хент". Но сейчас меня заботит другое: мне почему-то кажется, что к аресту Салмана причастен Томас-эфенди.

- Пожалуй, ты прав,- поддержал его Айрапет.

- Надо удостовериться в этом,- сказал Вардан.

Смеркалось. Отстояв- всенощную, старики и старухи возвращались из церкви. Вардан с товарищами торопились поскорее выбраться из деревни.

- Иголки, нитки, бусы...- послышался знакомый голос коробейника. Прихрамывая, он шел им навстречу, неся за плечами свой короб и опираясь на толстую дубину, которая была бы под стать самому Геркулесу.

Завидев Вардана со спутниками, он обратился к ним:

- Люди добрые, купите что-нибудь. Время позднее, напоследок дешево отдам.

- А что у тебя есть?- подойдя к нему, спросил Вардан.

- Все, что душе угодно,- ответил коробейник и опустил свой короб наземь.

Вардан, делая вид, что рассматривает товары, незаметно подсунул ему записку Салмана. Прочитав ее, тот торопливо шепнул:

- Я знаю об этом.

- Как же быть?

- Встретимся, поговорим.
- Где?
- Подождите меня за околицей.

Ни Айрапет, ни Апо ничего не расслышали. Коробейник взвалил на плечи короб и, уходя, пробормотал:

- Хватит с меня наторговался, пора и отдохнуть...

Вардан с товарищами продолжали свой путь. В деревенских Домах уже зажглись огни. Они поравнялись с жилищем мастерового Петроса. На пороге своего дома стоял сосед Ого.

Армянские крестьяне, завидя путника, проходящего. в вечерний час мимо их дома, неизменно обращаются к нему с приветствием: "Будьте гостем". Вардан и его товарищи, проходя по деревне, в ответ на подобные приглашения отвечали: "Благодарим"- и шли дальше. Но у дома мастерового Петроса они остановились - не потому, что собирались воспользоваться гостеприимством соседа Ого,- до них донеслись оттуда странные крики, словно кто-то звал на помощь. Они вошли в дом Петроса, но там никого не оказалось. Крики доносились из темного хлева. Апо схватил светильник, который горел в горнице и они все трое бросились в хлев. Взору их предстала талая картина: молодая девушка с накинутой на шее петлей висела на потолочной балке хлева: женщина, держа в объятиях колени девушки, старалась приподнять ее,- чтобы она не задохнулась. Если б они пришли минутой позже, все было бы кончено, так как руки у женщины ослабли, и она не смогла бы спасти самоубийцу.

Варваре на руках внесли в дом и положили на постель. Она была без сознания. По ее посиневшему лицу пробегали судороги. Сусанна плакала, проклиная какого-то человека, не называя его имени. Припав к девушке, она со слезами на глазах твердила: "Варваре, родная, почему ты наложила на себя руки?.. Ты ни в чем не виновата... пусть бог покарает его!.."

Вардан и его товарищи поняли, что это происшествие связано с какой-то семейной тайной, но с какой - они не знали. Сусанна ничего им не сказала, а кроме нее и двух малышей, в доме никого не было. Айрапет был знаком с мужем Сусанны, мастеровым Петросом, который не раз бывал у них в доме и ремонтировал инвентарь, но его жену Айрапет видел впервые. А если б даже он и был с ней знаком, это не меняло дела: женщина-крестьянка не вступает в разговоры с посторонними мужчинами. Сусанна ограничилась тем, что поблагодарила за помощь и попросила дать знать ее мужу.

- А где он?- спросил Айрапет.

- Ушел в соседнюю деревню,- объяснила Сусанна.

Они уже собрались уходить, как вдруг Варваре открыла

глаза и попросила пить. Сусанна поспешно подала ей воду, и девушка жадно выпила. Синева уже сошла с ее лица, но она была еще очень бледна. Увидев посторонних, девушка стыдливо натянула на голову одеяло и горько заплакала. От ее жалобного плача щемило сердце, но вместе с тем Вардан и его товарищи обрадовались: раз девушка плачет, значит она спасена.

Выйдя на улицу, они увидели какого-то подростка и, сунув ему в руку несколько медяков, попросили сходить за Петросом в соседнюю деревню.

Сосед Ого все еще стоял у своего порога. Увидев Вардана и его товарищей, он обратился к ним:

- Чудаки, куда вы идете на ночь глядя? Ах, если б вы знали, какой кутеж у нас был тут вчера! Почему бы и сегодня не повеселиться?

- Какой кутеж?-заинтересовался Айрапет.

Ого с увлечением принялся рассказывать о том, что Томас-эфенди был вчера в гостях у мастерового Петроса. Он, Ого, тоже был приглашен. Весь вечер играли музыканты, девушки танцевали; ели, пили и веселились на славу. И Ого добавил:

- Ей-богу! Прекрасный человек этот Томас-эфенди! Столь ко водки велел принести, что хоть купайся в ней.

- И, наверное, всех напоил?- спросил Айрапет.

- А как же иначе!- рассмеялся Ого.- Трудно остаться трезвым, если выпить столько, сколько мы. На то и кутеж, чтобы пить.

- А хозяин был дома?

- Нет, я заменял хозяина.

- А когда ты охмелел, тебя заменил эфенди, не так ли?
- Я ничего не помню, меня на руках отнесли домой.
Товарищи попрощались с Ого и ушли. Дорогой Вардан сказал Айрапету:
- Теперь я понимаю, почему эта бедняжка наложила на себя руки.
- А мне ясно, кто мог донести на Салмана, сказал Айрапет.
- Сомнений нет, это донес Томас-эфенди,- сказал Вардан.- Он такой пройдоха, что, несомненно, пронюхал о намерениях Салмана и, желая выслужиться перед турецкими властями, донес на него. Он провел ночь в этой деревне и распорядился о его аресте. Зная черную душу эфенди, можно не сомневаться, что это дело его рук.
Друзья молча шли по улице. Каждый из них думал о том, как спасти жизнь товарища.
- Все, что ты сказал, Вардан, верно, нарушил молчание Айрапет.- Но что нам делать теперь?
- Мне приходилось иметь дело с турецкими чиновниками, и я знаю, как они беспечны и нерадивы,- ответил Вардан. - Я уверен, что сумею легко освободить Салмана с помощью моих слуг. Их храбрость вам хорошо известна. Сегодня же ночью мы отправимся в путь. Куда бы ни увезли Салмана, мы сумеем его найти, и если не удастся его освободить, то отобьем силой. Трусость турецких стражников мне хорошо известна.
- Мы готовы следовать за тобой,- в один голос сказали Айрапет и Апо, мы не отпустим тебя одного.
- Это не только не нужно, но и опасно,- возразил Вардан.
Вспомнив о коробейнике, он решил подождать его и, выйдя за околицу, предложил товарищам:
-| Давайте посидим здесь и потолкуем. На ходу трудно что-либо решить.
Вид у Вардана был усталый и измученный. Его грызла тревога, которая росла с каждой минутой...
Они свернули с дороги и пошли по тропинке, идущей к шалашу огородника; он пустовал, так как до сбора урожая было еще далеко и крестьяне могли не опасаться воров. Шалаш огородника - удобный приют для уставшего путника: там он может укрыться и от зноя и от дождя, которые нередки в этих местах.
Ночь была довольно светлая, хотя луны не было. Вдали мелькали огоньки деревни О., и время от времени доносился настороженный лай собак.
Вардан вернулся к прерванному разговору. Он сказал, что надо во что бы то ни стало освободить Салмана из тюрьмы, иначе его казнят. Но участие Айрапета и Апо в этом предприятии сопряжено с большим риском, поскольку при любом исходе - будь то успех или провал - им не избежать мести турок. Это дело, говорил он, не обойдется без борьбы и кровопролития, возможна, будут и убитые, и если Айрапет и Апо примут участие, то им, как местным жителям, это не пройдет безнаказанно. Причем пострададут не только они сами, но и вся их родня. Вардан же чужестранец, он ничем не рискует: исполнит то, что задумал, и скроется отсюда, его никто не отыщет- тем более сейчас, когда время военное.
Выслушав соображения своего искушенного в борьбе с опасностями товарища, братья предложили:
- А мы переоденемся, и нас никто не узнает!
- Это вас не спасет, рано или поздно вас опознают. Среди местных армян найдутся люди вроде Томаса-эфенди, которые, чтобы выслужиться перед турками, донесут на вас. Ведь зачастую армянин армянину самый большой враг...
Последние слова Вардан произнес с глубоким негодованием. События этого дня взвинтили его. Арест Салмана - человека, которого он глубоко уважал, равнодушие крестьян, несчастный случай с Варваре, козни Томаса-эфенди - все это крайне возмущало его. Но юноша не знал еще о последней подлости, которую подстроил этот низкий человек старику Хачо.
Среди волнений этого дня он почти забыл о Лале - об этой прелестной девушке, занимавшей так много места в его сердце. Внезапно в его сознании возникли ее грустные, молящие глаза, в ушах прозвучал ее жалобный голос: "Куда ты уходишь, зачем покидаешь меня? Ты идешь спасать жизнь любимого товарища? А разве я не твоя любимая? Ты же дал слово увезти меня! Здесь очень страшно. Я боюсь, очень боюсь курдов".

Сердце Вардана раздирали противоречивые чувства: два существа зывали к нему - любимый друг и любимая девушка; оба они нуждались в его помощи, жизнь обоих находилась в опасности.

Он не знал еще, какая опасность угрожает Лале со стороны курдского бека, но не сомневался, что эфенди расставил ей какую-то ловушку. Он понимал, что для достижения своей гнусной цели сборщик налогов не побрезгает никакими -средствами.

Товарищи молчали. Айрапет, так же как и Вардан, думал о Лале. Зная, что Вардан и Лала любят друг друга, он считал уже сестру невестой Вардана. Теперь Вардан отправляется спасать товарища; его либо убьют, либо он вынужден будет бежать, чтобы спастись от мести турок, - и в том и в другом случае Лала для него потеряна, так как легко может случиться, что бек до его возвращения похитит Лалу. Вардану, очевидно, не приходит в голову эта мысль, да и как она может прийти, когда он ничего еще не знает о намерениях бека? Может, ему следует сказать об этом? Но как сказать? Вардан пока еще никому в доме ни словом не обмолвился о том, что он любит Лалу и хочет на ней жениться. Сара совершенно случайно узнала об этом. Бурные события последних дней, как видно, помешали Вардану открыть тайну своего сердца. А это новое опасное дело, на которое он решился, мс".кет навсегда разлучит его с Лалой. Отныне рухнули все надежды Айрапета на то, что

Вардан спасет его сестру, увезет в другой край, где ее не настигнет рука всесильного бека.

С другой стороны, не менее сильно мучила Айрапета мысль о судьбе Салмана. Он полюбил этого самоотверженного юношу даже больше, чем Вардана. Оставить его томиться в тюрьме, обречь на муки, пытки, а может быть и казнь, было бы жестоко. Если бы сейчас Айрапет рассказал Вардану, какая опасность угрожает Лале, то, возможно, тот отказался бы от своего благородного намерения спасти Салмана. Но тогда он, Айрапет, явился бы помехой в деле спасения друга.

Пытаясь найти выход из этого трудного и запутанного положения, оба товарища были погружены в глубокое раздумье. И Лале и Салману нужно было немедленно оказать помощь. Кому из них раньше - трудно было решить.

О чем же думал в эту минуту Апо, этот простодушный крестьянский парень с открытой и смелой душой? Говоря правду, он ни о чем не думал. Он был из той породы людей, которые охотно пойдут туда, куда их позовут, лишь бы только не на дурное дело. Апо был незаменим в минуты опасности, где нужны были храбрость и сноровка.

Положение стало более ясным, когда Вардан наконец решился на признание. Ничего не утаив, он поведал братьям о своей любви к Лале и о том, что, заручившись ее согласием, он решил похитить ее. Он сказал, что вынужден прибегнуть к этому странному способу, потому, что не надеется получить согласия старика Хачо, так как, по его наблюдениям, Хачо имеет виды на Томаса-эфенди; Вардан уверен, что эфенди окажут предпочтение.

- Распространяться об этом человеке излишне, - продолжал он, - вы его хорошо знаете, а сегодня узнали еще лучше. Доверить Томасу-эфенди девушку - все равно что бросить ее в пасть волку. Но беда вот в чем: как я уже говорил вам, я должен идти на выручку Салману, я не могу отказаться от этого намерения, меня к этому обязывает дружба. Кроме того, я считаю, что он в какой-то степени пострадал из-за меня: я ему поддакивал, поощрял его и тем самым еще сильнее разжигал огонь, пылавший в его сердце. Это ускорило его гибель. Теперь я обязан спасти его. С другой стороны, - продолжал он, - я не могу бросить на произвол судьбы Лалу. Эфенди повернет дело так* что не сегодня - завтра она станет его женой. Что тогда ждет бедняжку?

В ответ Айрапет сказал Вардану, что Лала во всем призналась Саре, жена в свою очередь сообщила ему и он уже раньше знал о их взаимной любви. Если бы Вардан еще накануне похитил Лалу, он, Айрапет, и все остальные братья были бы только рады этому.

- Дело не только в эфенди, - добавил Айрапет, - есть другая, более веская причина, из-за которой нужно как можно скорее увезти Лалу.

- Какая причина? - взволнованно спросил Вардан, и глаза его загорелись гневом.

Айрапет рассказал ему о намерении курдского бека, о том, что его жена, Хуршид, противится этому, и что благодаря ей Саре стали известны замыслы бека, и что Хуршид советует увезти Лалу подальше, в другой край. Словом, Айрапет ничего не скрыл от Вардана.

С горьким чувством слушал Вардан рассказ Айрапета. Его слова отравленными

стрелами вонзались в сердце юноши.

- И вы скрывали это от меня!- воскликнул он.- Ждали, пока явится бек и среди бела дня похитит вашу сестру из отцовского дома! А вы, не моргнув глазом, смотрели бы как вас бесчестят!

Только теперь понял Вардан смысл загадочных слов Лалы, таивших столько грусти и отчаяния, понял, почему ора в ту темную ночь, во время первого свидания в саду, вместо того, чтобы упиваться сладостью поцелуев, говорить о любви и безграничном счастье,- проливая слезы из своих чудесных глаз и в смертельной тревоге повторяла одно и то же.

“Я не хочу к Сона... я боюсь умереть... боюсь курдов... спаси меня, увези отсюда”. Значит, ей было известно, какой горький жребий ее ожидал. С глубокой скорбью рассказала она ему тогда о печальной судьбе своей подруги Наргис, о том, как она несчастна и как ей тяжело живется.

Бывают минуты, когда человек перед лицом беды и несчастья, испытывая жестокие удары судьбы, становится более мужественным, стойким и хладнокровным. Он становится менее уязвимым к очередным ударам судьбы, какой бы силы они не достигали.

В таком состоянии был сейчас и Вардан. Он больше не колебался и отбросил все сомнения. Он принял твердое решение; теперь юноша знал, как ему надо поступить. Чувство товарищеского долга взяло верх над любовью к Лале. С гибелью товарища гибла идея - идея освобождения обездоленного и угнетенного крестьянина, осуществление которой принесло бы освобождение не только Лале, но и многим тысячам женщин. разве я вправе жертвовать общим ради личного”,- думал он.

- И все же,- сказал Вардан,- я должен повторить то, что сказал вам несколько минут назад: я поеду искать Сашгана. я должен постараться любым способом спасти ему жизнь.

О Лале, я, конечно, тоже позабочусь. Распорядиться насчет нее я хочу так, вот послушайте меня...

- Не надо никаких распоряжений...- послышался голос, и перед ними, как из-под земли, выросла богатырская фигура хромого коробейника.

Вардан очень обрадовался ему, но Айрапет и Апо были неприятно поражены, полагая, что этот незнакомец подслушивал их. Они ничего не знали об этом чужестранце, но, видя, что Вардан дружески похлопал его по плечу и усадил рядом с собой, немного успокоились. Познакомив их, Вардан сказал:

- Можете не сомневаться, это наш человек.

Мелик-Маясур был неузнаваем: вместо лохмотьев на нем был национальный костюм лазов. Он был вооружен с головы до ног.

- У меня очень мало времени,- торопливо проговорил коробейник,- вы, наверное, знаете, что наш “Дудук” попал в западню? Надо ехать спасать его.

- Мы только что об этом говорили.

- Можете быть спокойны, завтра или послезавтра он будет на свободе,- сказал Мансур, поднимаясь с места,- а вы не опускайте руки и продолжайте наше общее дело.

- Вы едете один?

- Нет, меня там ждут товарищи,- сказал Мелик-Мансур, указывая на неясные фигуры всадников, видневшихся на дороге.

- Кто они?- спросил Вардан.

- Молодые горцы. Ну, я пошел.

Вардану хотелось еще о многом расспросить Мелик-Мансура, но тот уже исчез. Айрапет и Апо были совершенно ошеломлены этим загадочным незнакомцем. Вардан сообщил им все, что ему было о нем известно, и братья прониклись уверенностью, что этот предприимчивый чужак спасет Салмана.

Они встали и направились домой.

Сако и Ега, посланные стариком Хачо, чтобы предупредить Вардана о том, что домой ему возвращаться небезопасно, проведя весь день в бесплодных поисках, так и не нашли его.

- Дела плохи,- сказал Сако.- нам надо быть начеку, чтобы нас не поймали, а то, если наш господин попадет в некому будет выручить его.

- Я тоже так думаю,- ответил Ега.

Оба товарища решили держаться подальше от дома старика Хачо.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Была уже поздняя ночь, когда Айрапет., Вардан и Апо вернулись домой. Ничего не подозревая, они вошли во двор, и тотчас за ними захлопнулись ворота. Два солдата сторожили у входа. Офицер с остальными солдатами находился в ода. Во дворе слонялось несколько стражников, которые, словно охотничьи собаки, вынюхивали, чем бы поживиться.

Невестки Хачо прятались у соседней и родственников. Если на крестьянина сваливается беда и в его доме появляются солдаты - женщин отсылают из дома.

Вардан и его спутники в первую минуту не поняли, что означает эта толпа стражников во дворе, так как постой солдат в доме старосты, так же как и в доме любого -армянского крестьянина, был в этих краях обычным явлением. Всякий раз, когда крестьянин принимал у себя подобных "гостей", он вынужден был, чтобы оградить своих невесток, жену и дочерей от их посягательств, выпроваживать на ночь к соседям, если, конечно, гости не приставали с ножом к горлу, требуя, чтобы женщины им прислуживали.

Завидев Айрапета, один из братьев сердито набросился на него:

"Ты видишь, какую беду накликать на нас этот шут? Теперь нам придется держать ответ перед канцелярией... Я в первый же день хотел вышвырнуть этого щенка вон, но ты помешал мне, дьявол этакий!.. Иди теперь и отвечай за него!.."

Айрапет промолчал, он понял, что брат ругает Салмана. Понял, какая стряслась беда...

- Эх, парень, попали мы с тобой в западню,- усмехнулся Вардан,- этого еще не доставало!

В ту же минуту их окружили стражники и повели в ода.

Томаса-эфенди там не было. Отдав необходимые распоряжения, он отправился в гости к сельскому священнику. В ода находились старик Хачо и офицер. У дверей дежурили солдаты.

Войдя в комнату, Вардан, не дожидаясь приглашения офицера, уселся рядом со стариком Хачо. Айрапет и Апо остались стоять. Находя поведение Вардана дерзким, офицер презрительно спросил у него:

- Откуда вы родом, армянин?

Слово "армянин" прозвучало у него, как брань.

- Из России,- с трудом сдерживая гнев, ответил Вардан.

- По какому делу вы сюда прибыли?

- Я занимаюсь торговлей в этих краях.

- А пропуск у вас есть?

- Был, но я его потерял.

- Это легко проверить: скажите, через какую таможню вы проезжали, у них должна быть запись.

- Я контрабандист, а люди моей профессии избегают таможни. Если уж говорить начистоту - у меня и вовсе не было пропуска.

- Контрабандист - это еще полбеды, но вы обвиняетесь в другом преступлении.

- В каком?

- В шпионаже.

- Вот как! Это вам, наверное, сообщил Томас-эфенди?..

Он ведь такой правдивый человек!- насмешливо заметил Вардан.

- Неважно, кто сообщил,- ответил офицер с профессиональным хладнокровием.-

Время сейчас военное, и мы всех подозрительных лиц высылаем из Турции. Утром вас доставят в уезд, и паша лично займется вашим делом.

- Зачем же вы тогда меня допрашиваете, если у вас нет полномочий? Ваше дело было арестовать меня. Но так уж у вас заведено: здесь даже последний стражник и тот вершит суд и расправу.

Офицера передернуло, но он промолчал и велел солдатам взять Вардана под стражу. Тот не оказал никакого сопротивления.

Когда Вардана увели, офицер, указывая на Айрапета и Апо, обратился к солдатам:

- Ну, а с этими разговаривать нечего, оба они виновны, возьмите их под стражу.

Старик Хачо был словно в каком-то дурмане, все происходившее казалось ему сном. Значит, эфенди обманул его Неужели все это только одна видимость?

Вардана, Айрапета и Апо отвели и заперли на ночь в амбаре, в котором обычно хранилось зерно. Стены и пол в амбаре были сложены из камня и обмазаны глиной,

чтобы ни одна мышь не могла пробраться туда. Узкие окна были заделаны железной сеткой, предохранявшей от птиц. На одну ночь этот амбар мог служить надежной тюрьмой. В одном из его углов тускло горела сальная свеча.

Айрапет и Апо молчали. Лица их выражали глубокое отчаяние и грусть. Они хорошо знали жестокость турецких правителей, которые по пустяковому поводу хватали людей или возводили на них ложные обвинения и, оклеветав невинного человека, стремились погубить его, особенно, если это был армянин, да к тому же богатый. А на этот раз было достаточно поводов для обвинения. Но кто донес на них? Они терялись в догадках.

Вардан казался спокойным. Но его спокойствие напоминало море перед бурей.

- Я вам расскажу одну притчу, и вам многое станет ясным,- обратился он к товарищам.- Деревья донесли лесному царю, что в лесу появился враг, который их беспощадно истребляет. "А как зовут вашего врага?"- спросил царь. "Топор",- ответили деревья. "Из чего он сделан?"- "Обух у него железный, а топориче деревянное",- ответили деревья. "В таком случае это очень опасный враг,- сказал царь,- раз он из нашей породы".

Из нашей породы,- повторил Вардан, подчеркнув слово "нашей".- Точно так же орудут и наши враги, терзая нас, истребляя, превращая в рабов, разрушая наши дома. Есть среди армян люди,- начиная с самого ничтожного сборщика налогов вроде Томаса-эфенди и кончая армянским эмиром из Высокой Порты,- которые являются послушным орудием в руках наших врагов. В истории Армении немало тому примеров. Всякий раз, когда наша страна и наш народ попадали под власть чужеземцев,- это было делом рук армянина. Когда свергали армянского царя и вручали скипетр чужеземцу - это также было делом его рук. Когда изгоняли армянского царя и раскрывали ворота столицы перед его врагом - это было делом рук армянина. Где бы вы ни увидели землю, обгавленную кровью армян, их дома, преданные огню, их детей, угнанных в плен,- тут был замешан армянин. Где бы вы ни встретили вероотступничество, измену интересам нации и святой церкви - тут был замешан армянин. Словом, какое бы зло ни чинили нам враги, армянин был в их руках топоричем. Армянин сам своими руками подрывал устои нации, расшатывал ее священные установления. Зачем же перекладывать вину на других...

Оба брата с глубокой грустью слушали Вардана.

Айрапет спросил:

- Значит, конец нашим надеждам и наше дело погребло в самом зародыше?

- Я это предвидел. Наивно было бы ждать другого, - ответил Вардан. - Салмана тоже мучили сомнения, и он не был уверен в благополучном исходе. Я хорошо помню, с какой убежденностью он сказал мне однажды: "Пока освободительная идея не стала достоянием хотя бы части народа, одним ударом можно загубить все, если уничтожены носители этой идеи."

Народ - другое дело, убить чаяния народа невозможно. Мы, - говорил он,- должны быть сеятелями, но не жнецами; жатву надо предоставить будущим поколениям". Вот это и побудило его в последнее время взяться за строительство школ как самых необходимых и полезных учреждений. Салман не ставил своей целью восстание, его деятельность носила более мирный характер, - он занимался подготовкой. Однажды он сказал мне с радостной улыбкой, которая так редко появлялась на его холодном лице: "Вардан, мы беремся за дело народного просвещения, будучи сами непросвещенными. Нам еще многому надо научиться у народа. Народ - великий учитель. Сколько мудрости в народных пословицах. Вот послушай,- сказал он,- как народ выражает свое отношение к туркам: "Живи с собакой мирно, но палку из рук не выпускай". И в самом деле, в этой пословице содержится мудрый совет: чтобы спастись от укусов врага, надо держать палку наготове. Вот почему Салман считал, что надо вооружить крестьян и подготовить их к самозащите."

Айрапет и Апо жадно внимали Вардану. Они забыли на время о своем горе, забыли об ожидавшей их печальной участи, занятые мыслями о судьбе своего народа. Они не раз слышали, как Салман говорил об этом, но только сегодня многое стало для них ясным.

Вардан оживился и говорил без умолку. Ему и раньше не раз случалось сидеть в тюрьме, и она всегда производила на него гнетущее впечатление, но сейчас он испытывал нечто похожее на удовлетворение. Он напоминал того осужденного, который перед казнью, исполнившись презрением к несправедливому миру, смеется

над недалевидностью своих врагов и мысленно говорит: “Вот все, на что вы способны,- вы убиваете мое тело, но вы не можете уничтожить семена, посеянные мною в душе народа...”.

- “Живи с собакой мирно, но палку из рук не выпускай”, - повторил Вардан.- Это совершенно правильно, но от такой жизни человек становится дьяволом - таким, как я... Вы, друзья, еще по-настоящему не знаете меня, и так как, возможно, мы беседуем с вами в последний раз, мне хочется напоследок кое в чем вам признаться. Я из той породы людей, которые рано научились на зло отвечать злом. Не раз мои руки были обгажены кровью, но никогда это не была кровь невинного. Когда-то я был благочестивым, но из всего Ветхого завета заучил только одно: “Око за око”. Когда я прочитал, что Моисей, пророк Иеговы, из любви к своему народу убил египтянина, который жестоко избивал еврея, и закопал его тело в песках -Нила, мое сердце исполнилось ненавистью к нашим угнетателям. Когда я прочитал, что Моисей, пророк Иеговы, уничтожил целые племена, чтобы очистить обетованную землю от чужеземцев и заселить ее детьми Израиля,- я подумал, что и нам надо так поступить с турками, курдами и черкесами, которые захватили земли, доставшиеся нам от предков. Это тот же закон природы, о котором говорил Салман, когда приводил примеры из жизни растений: одни виды растений вытесняют и уничтожают другие и занимают их место.

Если мы не хотим погибнуть, нам надо научиться защищаться. Эта способность к борьбе за существование называется самозащитой. Салман считал своей главной целью воспитать в народе эту способность к самозащите. Я научился этому давно. Моралист сочтет меня безнравственным, скажет, что я дикарь, возможно, священник заклеймит меня, но я все же буду вести себя так, как того требует жизнь. А когда не будет больше злых людей, когда христианское братство утвердится на земле, я стану очень добрым и обнимусь со своими врагами...

Так беседовали они до тех пор, пока не догорела свеча и, затрещав, не погасла.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В то время как Айрапет, Вардан и Апо, сидя в тюрьме, философствовали, сетуя на несчастную судьбу своего многострадального народа, Томас-эфенди ужинал у сельского священника отца Марука. Он был в благодушном настроении, оживленно болтал и шутил.

Это был тот самый священник, который причинил столько хлопот Салману, а теперь, узнав об его аресте, проникся к нему жалостью. Впрочем, он сожалел не о том, что в лице Салмана общество потеряло замечательного деятеля, а просто был огорчен тем, что пострадал еще один армянин. Священник был не злой человек, и если он поступал наперекор Салману и мешал ему, то только потому, что считал светское обучение делом греховным. Родился он в крестьянской семье, в детстве кое-как выучился грамоте в монастыре св. Иоанна; он обрабатывал землю, но хозяйство у него не ладилось; он обнищал и ушел в чужие края искать счастья. Не повезло ему и на чужбине. Одно время он был содержателем кофейни в городе Ване, но дела его там шли плохо, он нес убытки и спустя некоторое время без гроша в кармане вернулся в родную деревню, где, не находя других средств к существованию, сделался священником.

Кроме Томаса-эфенди, в гостях у священника был и сельский учитель - неизвестный дьякон Симон, зять священника, считавший себя весьма просвещенным человеком (таким он слыл в глазах крестьян), но больше всего он гордился тем, что доводился зятем священнику. Разговор шел о сегодняшних событиях в доме старика Хачо, повергших в ужас всю деревню и сильно встревоживших священника.

- “Осел воду возит, а кобылка хвостом машет”, - продолжал эфенди,- так уж повелось на свете, так и будет всегда; то, что установлено богом, человек не волен менять. Одного бог создал господином, другого тружеником; один трудится - другой ест. Если не будет землепашца, не сможет прожить и тот, кого он кормит. Турки защищают нас своим мечом, а мы должны кормить их. Бог дал в руки турку меч, а армянину - заступ. Один не может заменить другого.

- Это верно,- поддакнул священник, перекрестившись,- то же самое говорит господь наш Иисус Христос в святом евангелии: без божьей воли даже листок с дерева не упадет и ни один волос не побелеет на голове человека. Все в руках божьих.

- Истинная правда,- подтвердил дьякон Симон, осеняя себя крестом.

Потом они заговорили о том, что война усугубила тяжелое положение крестьян. Священник, смотревший на обнищание деревни как на бедствие, затрагивавшее его личные интересы, жаловался, говоря, что налоги стали непосильными для народа, а доходность крестьянского хозяйства сильно упала, то немногое, что остается у крестьян, забирают курды, поэтому священника плохо вознаграждают за труды: свадьбы, крестины и похороны ему приходится совершать почти задаром. У него много должников, но они или обманывают его, или вовсе не платят, потому что им нечем платить. Впредь он дал себе слово: пока не получит вознаграждения, не будет больше ни венчать, ни крестить, ни хоронить. Он такой же человек, как и все, и тоже хочет есть.

- Батюшка,- сказал эфенди деловым тоном,- я знаю крестьян лучше вас. Бог даровал крестьянину только душу, но и ту трудно отнять у него. Только когда посланец бога, ангел с мечом становится у изголовья крестьянина, он расстаётся с душой. Это должно служить нам назиданием. Если крестьянина не испугаешь "святой палкой", он не даст денег. Приготовьте список ваших должников, дайте его мне, я поручу это дело одному из моих стражников, и вы получите все сполна.

- Благослови вас бог, да продлит он вашу жизнь,- сказал священник,- список у меня уже готов.

- А ну-ка, прочтите его, послушаем.

Священник вытащил из-за пазухи пожелтевшие, засаленные, грязные листы бумаги, которые он постоянно носил при себе. Это был своего рода кредит батюшки. На четырех страницах крупными буквами, вкривь и вкось, были написаны фамилии должников. Поднеся бумаги к глазам, он попытался прочесть, но не смог и передал их грамотею Симону.

- Ну-ка, дьякон Симон, прочти, у меня глаза что-то плохо видят,- сказал он.

Дьякон Симон взял листы, откашлялся, почесал затылок, выпрямился и, поднеся их к лицу, начал читать заунывным голосом, словно тянул псалмы:

- "Крестил дочку хромого Мыко, он остался должен пять хурушей; девочка через неделю умерла - хоронил; теперь долг семь хурушей. Венчал сына Хло, он остался должен десять хурушей. Получил от него тринадцать вязанок сена стоимостью в три хуруша. Заболела жена Пано; ходил к нему на дом, читал три главы из евангелия для исцеления - он остался должен три хуруша. Сын Сако вытащил крест из воды. Барсо давал тридцать хурушей, чтобы ему тащить крест. Я сделал уважение Сако, получил двадцать хурушей, остальные он обещал дать зерном во время молотбы. Ходил, просил - не дал, свидетель посильный..."

Эти подробные записи мало чем напоминали обычный счет; они скорее были похожи на хронику жизни священника за несколько лет. Записи были сбивчивые и путаные, но по ним можно было судить о занятиях сельского священника.

- Порядочный счет,- сказал эфенди, прерывая дьячка.

У него не хватило терпения выслушать до конца весь список.- Дайте мне эти бумаги, батюшка, и я заставлю расплатиться всех ваших должников. Вот у меня был случай с крестьянами Н...ской деревни. Они тянули с уплатой монастырского налога; преосвященный пожаловался мне. Я в тот же день велел собрать все недоимки и получил его благословение.

Священник считал настолько естественным такой способ взимания долгов, что не только не отклонил предложение эфенди, но, наоборот, поблагодарил его, призвав на его голову благословение.

Но почему сборщик налогов взялся оказать священнику такую услугу? Ведь бескорыстие было ему чуждо. Что же вынудило его прикинуться добряком и даже пообещать не удерживать с него десятой части, которая обычно шла в пользу казны?

- Да благословит вас праотец Авраам, пошли вам бог здоровья,- сказал священник в ответ на это обещание эфенди.

Точно такой же список должников хранил у себя за пазухой и дьякон Симон, его должниками были ученики; и он тоже загорелся желанием передать в руки эфенди свой список. Но священник, угадав его намерение, шепнул ему на ухо:

- Пусть сперва соберет мои долги, а потом твои.

Семья у отца Марука была небольшая. После смерти единственного сына на его попечении остались невестка и двое внучат, которые жили вместе с ним. Сам он давно лишился пощады и жил вдовцом.

Подав ужин гостям, его невестка, озабоченная болезнью младшего сына, подошла и села возле постели больного ребенка. Грустно глядя на его воспаленное личико, она гладила горячие ручонки сына и с тревогой прислушивалась к его тяжелому дыханию. Мальчик был очень похож на отца, и это служило ей большим утешением после смерти горячо любимого мужа.

Она была так удручена болезнью ребенка, что не слышала, с чем говорили за столом.

Обрадованный обещанием эфенди, священник решил повеселиться на славу и велел невестке подать еще водки и приготовить мазу. Хотя они уже поужинали, но по местному обычаю полагалось в честь почетного гостя после ужина подать выпивку. Священнику пришлось дважды повторить свою просьбу, прежде чем невестка поняла, что он обращается к ней. Водка всегда была в изобилии в доме священника, и невестка снова наполнила бутылку; но как приготовить “мазу”, когда нет сахара? Признаться в этом ей было неловко в присутствии гостей. Она решила пойти и занять сахар у соседей.

На дворе было очень темно. Лил дождь. Она вышла во двор и, шлепая по грязи, поднялась на плоскую кровлю своего дома, чтобы оттуда спуститься во двор к соседу. В это время она услышала, что кто-то сильно стучит к нему в дверь. До нее донеслись угрозы, брань на турецком языке и приказание немедленно открыть дверь.

Было слышно, как из-за двери клялись, что в доме никто не прячется.

Кто были эти люди, которые в такой поздний час ломились в дом армянина, и кого они искали?

Зуло-так звали невестку священника - совсем оробела, она не решалась ни спуститься к соседу, ни вернуться домой и в оцепенении стояла на месте. Вдруг до ее слуха донесся какой-то шепот. Казалось, что кто-то, крадучись, поднимается на их кровлю.

- Тише, Степаник!..

- Куда мы идем, Сара?

Зуло узнала голоса, и страх ее рассеялся. Она поняла, что несчастные- женщины спасаются бегством и нуждаются в помощи. Ей было уже известно, что произошло в доме старика Хачо. Она слышала, что его невестки прячутся у соседей. Теперь их, видимо, разыскивают, и Зуло понимала, с какой целью. Видимо, те солдаты, которые арестовали сыновей старика Хачо, и ломились сейчас в двери соседа Зако.

Сара и Степаник стояли на кровле дома священника и, словно затравленные козули, со всех сторон окруженные охотниками, не знали, в какую сторону им бежать, чтобы спастись. Дождь продолжал лить. Деревня спала глубоким сном. Полночь давно уже миновала.

В это время сверкнула молния и послышались раскаты грома. Вспышка молнии осветила Зуло, стоявшую на кровле. Степаник приняла ее за одного из своих преследователей и в страхе приникла к Саре. Зуло подошла к ним.

- Это я, не бойтесь,- сказала она.

- Ах, Зуло, это ты,- воскликнула Сара, вся дрожа. Ради бога, спаси нас, спрячь где-нибудь, не то нас поймают и уведут!

Зуло была в замешательстве, она не знала, как ей поступить. В доме у них находился подозрительный гость, да и священник вряд ли согласился бы приютить беглецов. Однако нужно было помочь этим горемычным женщинам. Зуло хорошо знала, какое бесчестие их ждет, если они попадут в руки турецких солдат. Но в то же время она боялась взять на себя ответственность, укрыв “преступниц”, хотя все их преступление состояло в том, что они были женщинами. Понимая это, Зуло колебалась; и все же сострадание взяло верх над ее сомнениями, а близость опасности подсказала ей путь к спасению.

- Пойдемте,- сказала она, беря Степаника за руку.

Вдвоем с Сарой поддерживая обессилевшую девушку, они стали спускаться с крыши. В это время послышался сильный грохот - это турецкие солдаты выломали дверь в доме соседа.

Спустившись во двор, Зуло повела беглянок на сеновал и велела Саре и Степанику спрятаться в сене.

- Сидите здесь, я приду к вам,- сказала Зуло и, закрыв дверь на засов, ушла.

Из-за шума дождя ни священник, ни его гости не слышали что происходило в соседнем дворе. Вернувшись, Зуло ничего им не сказала. Подойдя к священнику, она шепнула ему, что ходила к соседям, но они спят, и ей не удалось занять сахара.

- Я попробую поискать у нас,- сказал священник и, подойдя к шкафу, стал рыться в нем.

Томас-эфенди воспользовался удобным моментом и подойдя к Зуло, шепнул ей:

- Ты сама лучше всякого лакомства, зачем мне маза!..

Дьякон Симон так захмелел, что ничего не слышал. Зуло оскорбленная намеком эфенди, с негодованием ответила ему:

- Бесстыдник!

Армянка, неизменно терпеливая и кроткая, никогда молча не снесет оскорбления, затрагивающего ее честь.

Возмущенная Зуло отошла от эфенди и села возле постели ребенка. Он только что проснулся и лежал спокойно.

Увидев мать, он пожаловался:

- Мама, накажи Тороса, он отнял у меня бабки.

Торос был старшим сыном Зуло. Малышу, видимо, приснилось, что брат отнимает у него бабки. Мать успокоила ребенка:

- Погляди, моя радость. Торос вернул твои бабки, вот они лежат здесь.

Она достала из-под подушки бабки и дала ребенку. Он схватил их своими слабыми ручонками и стал играть. Обрадованная мать забыла о непристойной выходке эфенди, забыла обо всем, видя, что ребенку стало лучше. Но ее ждала новая неприятность.

Священник после долгих бесплодных поисков в шкафу сказал невестке, что никак не может найти спрятанный там сахар. Зуло призналась, что взяла сахар, так как ей нужно было приготовить шербет для больного ребенка.

- Лучше бы ты напоила его отравой,- рассердился священник.- Разве ты не знаешь, что сахар я спрятал для гостей?

Как же теперь быть?

Зуло ничего не ответила, но глаза ее наполнились слезами.

Отец Марук в сущности не был злым человеком, скорее да же добрым, но как это иногда бывает с людьми невежественными ми, мог, сам того не сознавая причинить зло. Кроме того, должность священника сделала его до некоторой степени черствым. Люди, которые постоянно соприкасаются со смертью, как правило, равнодушны к ней. Поэтому болезнь внука заботила отца Марука меньше, чем желание оказать гостеприимство такому почетному гостю, как эфенди, тем более, что тот обещал собрать деньги с его должников.

- Мама, почему ты плачешь?- спросил ребенок, глядя на мать.- Не плачь, я хорошо себя чувствую.

Мать забыла о своем горе и вытерла слезы: ничто так не утешает, как ласка ребенка, его невинный лепет. Она вспомнила о Саре и Степанике. А что, если солдаты ворвутся к ним в дом и найдут беглецов, со страхом подумала она. А несносные гости и не думали вставать из-за стола. Зуло с нетерпением ждала, когда они уйдут,- ведь ей надо было пойти проведать беглецов. "Хотя бы узнать, чем кончилось у соседа",- с беспокойством подумала она.

Найдя какой-то предлог, она встала и вышла в смежную комнату, служившую чуланом. В этом чулане была большая щель, через которую они общались с домом соседа. Такие слуховые щели имеются во всех деревенских домах: через них по* дают сигналы, если случится беда. В домах, тесно примыкавших друг к другу, через такие щели можно было передать небольшой предмет или горящий уголек, если у соседа в доме не было спичек.

Глядя в щель, Зуло видела часть помещения соседа и слышала голоса:

- Вырежем вас, если не скажете!.. Куда они делись?.. Нам сказали, что они здесь...

Куда вы их спрятали... говорите скорей... не то уведем наших женщин...

Так угрожали турецкие солдаты. Сосед Зако валялся у них в ногах, заклинал и молил:

- Пусть небо и земля будут свидетелями, - что их здесь нет...

Не убивайте меня... Мой дом в вашем распоряжении, смотрите повсюду... "

Это зрелище чем-то напоминало события пресловутого города Содома, когда безбожные жители обступили дом Лота, требуя выдачи гостей. Добросердечный хозяин метил их, чтобы они не трогали его гостей, и предложил взамен своих дочерей... Тогда Иегова, жестокосердный и мстительный бог, наказал людей за их грехи: огненным дождем¹ испепелил он этот нечестивый город. Но армянский бог, свидетель еще больших злодеяний, оставлял зло безнаказанным.

Глядя в щель, Зуло- слушала, дрожа всем телом. Вдруг раздались глухие удары, и она увидела, как повалился на пол сосед Зако. Огонь погас. Зуло слышала злобные голоса и крики: “Пощади,... ой... отпусти!.. Не убивай... я умру. Куда ведешь...”

Это были вопли женщин.

- Замолчи, негодная!..- слышалось в ответ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Войдя в комнату, Зуло увидела, что гости пьют и веселятся по-прежнему: священник тянул какую-то песню, дьячок вторил ему, эфенди что-то мурлыкал, Зуло решила сообщить им о происшествии в доме соседа Зако - может быть, они помогут несчастному. Подойдя к священнику, она шепотом рассказала ему о том, что видела. Осторожность заставила ее умолчать о том, что Сара и Степаник спрятались у них на сеновале. Обычай не позволял ей разговаривать с посторонними мужчинами, поэтому она говорила так тихо, что гости ничего не услышали.

Но, видя, что сообщение Зуло крайне встревожило священника и он переменялся в лице, они нетерпеливо спросили:

- Что случилось?

- Звери, настоящие звери!....- воскликнул священник, простирая руки к небу.- Пусть поразит их гнев двенадцати апостолов и трехсот шестидесяти шести патриархов. Будь проклят весь их род!

- Что случилось?- переспросил эфенди.

Священник передал ему слова Зуло и попросил вступить за соседа Зако.

Есть люди, которые, вместо того чтобы помочь человеку в беде, пускаются в рассуждения о том, почему произошло несчастье, и, чтобы успокоить свою совесть, стараются возложить всю вину на пострадавшего. Эфенди не только не нашел ничего предосудительного в поведении турецких солдат, но, наоборот, принялся оправдывать их, обвиняя того, кто, по его мнению, был во всем виноват.

- Как вы полагаете, батюшка, какой разумный человек приютит в своем доме подозрительных людей, которые сеют смуту в народе?

- Неразумно это, очень неразумно,- ответил священник, - но в чем же повинны бедные крестьяне, почему из-за нескольких безумцев турки чинят над ними расправу? Наш сосед Зако жалкий человек, он боится даже собственной тени. За что мучают беднягу? Почему чинят насилие над его семьей? Это же бессердечно!

- Сырое полено сгорает вместе с сухими, это в порядке вещей, батюшка. Кто станет отделять сырые поленья от сухих? - проговорил эфенди и, придя в восторг от своего глубокомыслия, продолжал:- Когда бог карает людей за грехи, невинные младенцы гибнут вместе с грешниками. В таких случаях зло и добро неотделимы... Точно так же вершит свое правосудие и государство. Крестьян потребуют к ответу, батюшка, поверьте мне, всех до одного...

Священник не сумел ничего возразить: доводы эфенди показались ему неопровержимыми. “Разве во время чумы и холеры, когда люди бывают наказаны за грехи, различают виновных и невинных, разве сухое дерево не сгорает вместе с сырым”, - думал он. Последние слова эфенди напомнили ему нечто более важное, чем судьба соседа Зако, и он сказал:

- Если всех крестьян начнут разорять так, как разорили сегодня дом старосты Хачо, то пропали мои денежки...

- На этот счет будьте спокойны, батюшка,- заверил его эфенди,- завтра же все будет сделано. Однако как по-вашему: виноват Хачо или нет?

Случай в доме старосты взволновал всю деревню, и, хотя никто не знал подробностей, все почему-то обвиняли Хачо. “Для чего армянину оружие?- толковали крестьяне.- Попробуй дать ребенку в руки огонь, он сразу же обожжет пальцы”. Священник придерживался того же мнения. Он ответил эфенди:

- Сын мой, я знаю одно: когда израильтяне с мечами в руках пришли взять господа нашего Иисуса Христа, то апостол Петр ударом меча отсек ухо рабу первосвященника. Тогда господь наш Иисус Христос рассердился на Петра и велел ему вложить меч в ножны, говоря, что “взявший меч от меча и погибнет”. Этот завет мы должны помнить, если не хотим предать поруганию нашу христианскую веру.

- Хвала тебе, батюшка, ты хорошо сказал,- одобрил его эфенди и спросил:- А ты читал их книжицы?

- Читал, как же; одна из них попала дьякону Симону, он принес ее мне, мы с ним вместе читали. Но надо сказать, что ничего не поняли. "Чудаки, говорю, если пишете, то пишите так, чтобы была польза и душе и телу, чтоб человек прочел и покался в своих грехах, а то одна белиберда в ваших книжках". А что ты скажешь, дьякон Симон? Ты ведь тоже читал.

- Я не одобряю,- ответил дьякон-учитель, пользуясь случаем показать свою образованность.- Это все, дело рук сатаны.

Если бы брали примеры из священного писания, народ читал бы и поучался. Поделом этому гордецу Вардану. Я буду очень рад, если его накажут. Зашел он ко мне как-то в школу и говорит:

"Не ваше дело обучать детей, вы только портите их: идите лучше пасти ослов". Как это язык у него повернулся? Точно он учение меня.

- Осел лягается сильнее лошади,- сказал эфенди,- этот Вардан и меня не раз оскорблял.

Так судили и рядили священник, дьякон-учитель и государственный чиновник, и ни один из них не заступился за соседа Зако, ни один из них не подумал о том, в каком положении находится в этот вечер семья старика Хачо. Этот добросердечный человек, которому крестьяне были стольким обязаны, стал сейчас предметом общего негодования. Каждый боялся за себя, страхась последствий. Один только Томас-эфенди ликовал, видя, что посеянные им семена дали пышные всходы.

- Повторяю, крестьян потребуют к ответу,- сказал он тоном осведомленного человека,- время сейчас тяжелое, ведутся приготовления к войне, власти будут строго наказывать смутьянов.

Слово "война" ужаснуло священника, но его пугали не бедствия, связанные с войной, не те лишения, которые она несла народу, он беспокоился о своих должниках.

Если начнется война,- сказал он,- турки во много раз увеличат налоги, и я не смогу собрать свои недоимки.

Будьте спокойны, батюшка,- ответил эфенди, - я не допущу, чтобы вам кто-нибудь остался должен.

В этот момент дьякон Симон подошел к священнику и шепотом снова напомнил ему о своих должниках - и опять услышал в ответ, что надо потерпеть.

"У кого что болит, тот о том и говорит". Сейчас священника и дьякона больше всего интересовал вопрос об их должниках.

- "Хотя осел сам по себе ничто, но его щетиной чистят бархат", - продолжал эфенди.- Вы, наверное, знаете эту пословицу, батюшка? Таков и крестьянин. Хотя он сам гол и бос, но бархат, который носит богач, орошен его потом. Хотя он зачастую и голодает и лишен куска хлеба, но обильные яства, которые украшают стол богача, добыты его трудами. А вы, батюшка, как видно, не умеете выжимать деньги из крестьян.

Если б вы это умели, у вас не было бы такого количества должников, и сегодня мы пили бы не только водку, но ели бы и мазу.

Последние слова эфенди уязвили священника, и он с горечью сказал:

- Что говорить, эфенди, у нас, священников, связаны руки. Это у вас в руках есть дубина, чтобы запугивать крестьян, а у нас ее нет. Наше оружие гораздо слабее....Что поделаешь!

Говоря правду, случается, что, потеряв терпение, я проклинаю их... Но крестьяне стали теперь такими маловеерами, что это их не пугает, а другого оружия у меня нет. Да и винить крестьян трудно. Курды их совсем разорили, что с них возьмешь? Будь они прокляты! Кабы не они, у меня не было бы столько должников, а если начнется война, курды совсем озвереют.

Осел уродлив, а мул еще уродливее,- ответил эфенди обычной прибауткой.- Курды потому такие злые, что они метисы.

Эфенди разделял точку зрения армян, объяснявших свирепый нрав курдов тем, что они смешанной крови. Во всяком случае, верно одно: курды, смешиваясь с армянами, хотя отчасти и утратили свои характерные национальные черты, но вместе с тем превратились в благородное племя. Похищая самых красивых армянских юношей и девушек, они таким образом в течение столетий обновили свое племя; и наоборот, армяне, теряя лучшую, наиболее здоровую часть своей нации, постепенно хирели, мельчали и утрачивали физическую красоту. Кто хорошо изучил физический тип курдов и армян турецкой Армении, тот замечает между ними большое сходство, потому что курды не что иное, как новое племя, образовавшееся от смешения с армянами.

Была уже глубокая ночь. Зуло все еще сидела около постели больного ребенка, с досадой прислушиваясь к нескончаемой болтовне гостей и нетерпеливо ожидая, когда они наконец разойдутся, чтобы пойти проведать Сару и Степаника.

Но эфенди не спешил, он ждал, пока уйдет дьякон Симон, - ему надо было наедине поговорить со священником. Чтобы спровадить дьякона, эфенди сослался на усталость и сказал, что хочет спать. Дьякон Симон, пожелав им спокойной ночи, ушел. После его ухода священник заметил:

- Он у нас большой грамотей, знает больше, чем все семь епископов, вот только в последнее время пристрастился к вину. Вы слышали, как он хорошо прочел список моих должников?

- Вы говорите о дьяконе Симоне? - спросил эфенди. - Да, читает он складно!

Но сборщика налогов вовсе не интересовал ни дьякон, ни его обширные познания: он искал повода, чтобы завести разговор об одном предмете, ради которого он, собственно, и явился в этот вечер к священнику. Отец Марук, разомлевший от вина, хотел скинуть с себя свою поношенную рясу, но второпях порвал рукав. Эфенди заметил ему:

- Батюшка, ряса-то у вас порядком пообтрепалась, надо бы сшить новую.

- Благословенный, на какие деньги я могу справиться новую рясу, ты же видел, сколько у меня должников. Эта одежда досталась мне после смерти блаженной памяти Карапета-эфенди. Вот уже семь лет, как я ее ношу. За это время никто из богатых людей не умирал, и мне, грешному, не удалось обновить рясу...

- Я прикажу сшить тебе новую. Ты каш пастырь, - сказал эфенди, - носи ее и поминай меня в молитвах.

- Да будет над тобой благословение трехсот шестидесяти шести первосвященников, сын мой, - сказал батюшка и прочел молитву. - Но у меня, эфенди, есть к вам и другая просьба, - начал он. - Вы наша слава и гордость, мы ежедневно благодарим бога, что среди армян есть такие люди, которые могут сидеть за одним столом с уездными начальниками и пашами и говорить с ними как равные. Во имя любви к нашему народу и к нашей вере прошу вас, - спасите семью старика Хачо, не оставляйте ее в руках этих неверных. Если вы захотите, можете ее спасти.

Как бы ни провинились эти люди, наш долг - помочь им, ведь они одной с нами плоти и крови. Я тоже осуждаю их, да кто же безгрешен.

Хотя эти слова, сказанные священником, ничуть не разжалобили эфенди, но они дали ему повод начать интересовавший его разговор. Он ответил, что готов спасти семью старосты и не даст ни одному волосу упасть с его головы, если староста, в свою очередь, исполнит его желание. Напомнив священнику о том, что он "год назад открыл ему тайну рождения Степаника, эфенди признался, что с тех пор он любит эту девушку и хочет на ней жениться. Если староста примет его предложение, то он, эфенди, готов вызволить его из беды, в противном случае он умывает руки, и со старостой поступят по всей строгости закона; вся его семья будет стерта с лица земли, а богатство его заберет казна.

Считая! что священника к этому обязывает долг пастыря, эфенди попросил его взять на себя роль посредника и поговорить со старостой, пока еще время не упущено и можно помочь беде.

- Порукой мой священный сан, - сказал священник, край не обрадовавшись, - завтра утром я отправлюсь к Хачо и все улажу. Хачо должен благодарить бога и принести дары святым заступникам, что такой человек, как вы, оказываете ему честь и хотите породниться с ним.

Эфенди лукаво усмехнулся и сказал:

- Если вы исполните мою просьбу, то получите новую рясу.

- А мои должники?

- Об этом не беспокойтесь...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ужасная ночь миновала. Наутро дом старика Хачо имел такой траурный вид, словно в нем находился покойник.

Первым вывели Вардана. Лицо его сохраняло выражение невозмутимого спокойствия. Пренебрежительная усмешка, игравшая на губах, казалось, говорила: "Зря стараетесь, глупцы"...

Пять стражников должны были доставить его к паше-эфенди. Он не оказал никакого

сопротивления, когда его посадили на лошадь и надели на ноги кандалы, хотя ему пришлось сидеть в самой неудобной позе.

- Это - лишнее, - заметил он, - если я захочу убежать, то ваши цепи все равно меня не удержат.

Солдаты, пропустив мимо ушей его замечание, - скрутили ему за спиной руки веревкой, концы которой передали двум стражникам, ехавшим позади.

Такое зрелище обычно привлекает толпу любопытных, однако на этот раз никто из крестьян не вышел поглядеть, как увозят Вардана - человека, который так радел за них. Все обходили дом Хачо, словно он был зачумленный.

В доме не оставалось ни одной женщины: они спрятались у соседней и родных. Айрапет и Апо сидели под замком, их должны были отправить вслед за Варданом. Остальные сыновья Хачо не показывались. Лишь старик Хачо вышел провожать Вардана. Сильное душевное волнение мешало ему говорить, но слезы, катившиеся по лицу, сказали больше, чем слова.

- Крепись, старик, - ласково обратился к нему Вардан. - Тот, кто лезет в воду, не должен бояться мокнуть. Счастливо оставаться.

Солдаты подстегнули лошадей, и отряд тронулся. Хачо долго смотрел ему вслед, - пока Вардан не скрылся из виду.

В тяжелом раздумье старик вернулся домой.

Почему увезли Вардана, а Айрапета и Апо оставили здесь? Почему его самого держат на свободе, но не выпускают из дому? Что кроется за всем этим? Старик терялся в догадках. Он не знал хитроумного плана эфенди, который так повел дело, что если бы старик отказался выдать за него замуж Лалу, то весь яд своей мести он излил бы на его семью. Эфенди предал Салмана и велел арестовать Вардана, поскольку считал их врагами турецкого правительства. Что касается старика/Хачо и его сыновей, то он был далек от такого рода подозрения. Сборщик налогов впутал семью старшины в эту историю с одной целью: поставить ее в безвыходное положение, чтобы иметь повод потом выступить ее защитником и благодетелем. Это давало ему право в качестве вознаграждения потребовать руки Лалы. Вот какого рода¹ торгашеские расчеты побудили эфенди осуществить свой злодейский замысел, печальные последствия которого он не мог предвидеть.

На следующее утро эфенди не появился, хотя старику не терпелось увидеть его и еще раз выяснить: чем все это кончится. Старик продолжал верить обещаниям эфенди, памятуя его слова: "Я не допущу, чтобы хоть один волос упал с твоей головы".

Вместо эфенди явился отец Марук - его посланец, который, накануне дал ему обещание отправиться для переговоров к старосте. Хотя в минуты несчастья присутствие священника служит утешением, но на старика его приход произвел неприятное впечатление. Хачо был очень суеверен и встречу со священником считал дурной приметой.

Отец Марук отвел его в сторону и сказал, что он пришел по важному делу. Это немного успокоило старика. Они пошли в глубь сада и, выбрав укромный уголок, уселись в тени деревьев.

Священник повел речь издалика; он произнес поучительную проповедь, подкрепляя ее примерами из священного писания. Помянув Иова, он сказал, что бог часто посылает людям всякие мучения, чтобы испытать силу их веры, и что надо терпеливо нести свой крест и уповать на милость божью и если вера тверда, то бог воздаст сторицей, и прочее.

Покончив с наставлениями, священник, прежде чем перейти к делу, ради которого он явился к Хачо, решил рассказать одну притчу. Он заговорил тоном свата:

- Сын одного царя отправился в лес на охоту и провел там весь день. Наступила ночь. Возвращаться домой было уже поздно, и царевич решил заночевать в хижине у пастуха. Он остался очень доволен гостеприимным хозяином, но более всего красивой дочерью пастуха. Вернувшись на другой день во дворец, царевич заявил отцу, что он решил взять в жены дочь пастуха. Отец назвал его безумцем и очень рассердился на него, но видя, что переубедить сына невозможно, послал одного из своих придворных сватов к пастуху. Нахарар, вернувшись, сообщил, что пастух не соглашается выдать свою дочь за сына царя. Царь очень удивился и послал к пастуху другого нахарара, более знатного, чем первый. Но и тот привез такой же ответ. Тогда царь послал своего главного визиря, но и он получил отказ. Наконец царь вынужден был отправиться сам. Но, так же как и прочие, вернулся ни с чем. Пастух отказал и ему. Царь удивился, созвал своих приближенных и держат с ними совет. Один из них, более мудрый, чем

другие, посоветовал царю послать сватом простого пастуха, говоря, что пастух с пастухом скорее найдут общий язык и один сумеет убедить другого. Призвали царского пастуха и отправили его сватом. Тот без всяких пышных приготовлений взял посох в руки и пешком отправился в путь. Отец девушки с любовью принял его. Они поели, выпили - словом, повеселились на славу. Напоследок пастух объявил просьбу царя и спросил у отца девушки: "Почему ты отказался выдать свою дочь за царского сына?" - "Благословенный! - ответил тот. - Я тоже человек, и у меня есть самолюбие. Посуди сам: сватая своего сына за мою дочь, царь не прислал ко мне ни одного порядочного свата, кроме тебя".

Закончив свою притчу, священник добавил:

- Мы оба пастухи, староста Хачо, у обоих у нас есть паства.

Я - сельский священник, а ты - сельский староста, потому я и пришел к тебе с предложением, как пастух к пастуху.

- С каким предложением? - недовольным тоном спросил старик, который был так подавлен горем, что с трудом слушал священника.

Священник объяснил, что сам бог повелел ему утешить старика в несчастье и указать ему путь к спасению. Томас-эфенди просит у него руки его дочери и обещает выволить из беды всю семью.

- Надо благодарить бога за то, что такой человек, как эфенди, хочет помочь вам, -- добавил священник.

Несмотря на все свое красноречие, священник не сумел добиться успеха.

Возможно, что в другое время и при других обстоятельствах его предложение было бы принято благосклонно, так как старик давно уже задумал выдать свою дочь за эфенди. Но теперь обстоятельства резко изменились. Сейчас, когда двое его сыновей были арестованы и сам он находился под следствием, когда его невестки и внуки скрывались в чужих домах, когда два близких человека - Вардан и Салман - были выданы властям, когда на его глазах разоряли его дом, - в это самое время к нему приходят с предложением от того, кто был виновником всех этих бед.

Внезапно словно пелена спала с глаз старика, и он увидел яму, которую вырыл ему хитрый эфенди. Ему вспомнились слова Вардана о том, что эфенди был несколько раз женат и бросал своих жен. Неужели то же замышлял он в отношении Лалы? Старик припомнил все поведение эфенди за последнее время и понял, что все его хитрые уловки имели одну тайную цель - завладеть Лалой. Эфенди первый сообщил ему об аресте Салмана. Откуда он об этом узнал? Ведь Салмана арестовали глубокой ночью, и ни одна душа во всем уезде не знала об этом. Эфенди первый принес ему весть о предполагаемом обыске и, прикинувшись другом, завладел бумагами Салмана, а потом спрятал их у него в тайнике и выманил у него ключ. С какой целью? Почему он не взял эти бумаги с собой и не уничтожил, а оставил у него в доме? Видимо, чтобы в нужный момент отдать их в руки полиции и сказать: "Вот доказательство виновности этих людей!" Перебрав все это в памяти, старик с ужасом понял, что был обманут, и он сказал священнику с глубокой горечью:

- Батюшка, ваша притча кажется мне неуместной, а этой собаке, Томасу-эфенди, будь он хоть самым царем, я все равно не отдам свою дочь. Будь что будет, пусть рухнет мой дом, пусть погибнет вся моя семья, но я не приму помощи от этого злодея, который сам все это подстроил. Мне понятно, мне теперь все понятно... Он обманул меня, но отныне это ему больше не удастся...

Священнику непонятны были ни гнев старика, ни его загадочные слова. Ведь обстоятельства дела ему были неизвестны. Старик не хотел вступать в подробные объяснения с отцом Маруком, - он вспомнил что, кроме священника, крестившего Степаника, никто не мог выдать эфенди тайну ее рождения.

Отец Марук, крайне недовольный, покинул дом старосты Хачо, мысленно говоря: "Бог сперва лишает человека разума, а потом богатства".

Эфенди, сидя в доме священника, нетерпеливо поджидал его. Как только священник появился, он тотчас спросил:

- С какими вестями, батюшка?

- Не знаю, что и сказать, - растерянно ответил священник. - Этот человек свихнулся.

- Отказал?

- Да!

- Я боялся этого...

Казалось, небо обрушилось на голову эфенди и придавило его своей тяжестью. У него потемнело в глазах, и он всем телом рухнул на пол. Долго лежал он так, не

издавая ни звука, потом очнувшись, стал бить себя по голове, рвать на себе волосы, выкрикивая: "Что мне делать!.. Ах, что мне делать!.."

Ничто в мире так не властно над человеком, как любовь. Даже самый жестокий и кровавый тиран, перед которым трепещут народы, становится на колени перед любимой женщиной, - только любовь делает его слабым и пробуждает в нем человеческие чувства.

Томас-эфенди в эту минуту любил Лалу, любил горячо и искренне. Под влиянием этой любви его жестокое сердце смягчилось. Полюбив, демон становится ангелом. Эфенди же, полюбив, стал каяться.

Он никогда раньше не любил, возможно поэтому его душа была так темна и для него не существовало ничего святого. Насколько он проявлял в делах дьявольскую изворотливость, расчетливость, пронизательность - настолько же он был черств душой. Любовь к Лале озарила его темную душу ярким светом, он увидел содеянное и содрогнулся.

- Что я натворил! - бормотал он и рвал на себе волосы.

До этой минуты он не понимал всей низости своих поступков и считал, что все средства хороши для достижения цели. Но теперь он понял, как велико содеянное им зло. Вначале он думал, что затевает невинную игру, словно ребенок, забавляющийся огнем, и хотел только попугать старика, чтобы заставить его исполнить свое желание. Но неожиданно из небольшой искры разгорелся такой пожар, что потушить его он был уже не в силах.

- Ах, что я натворил! - снова воскликнул эфенди.

Священник с ужасом смотрел на эфенди, ему казалось, что он находился в предсмертной агонии. И в самом деле, эфенди в полном изнеможении лежал на полу, лишь время от времени по телу его пробегала лихорадочная дрожь, губы судорожно кривились. Он долго пребывал в таком состоянии, потом приоткрыл глаза и проговорил:

- Все, что вам сказал старик Хачо, сущая правда, батюшка, я недостойн его дочери. Что общего может быть между мной, злодеем, и невинным ангелом? Прокляните меня, батюшка, я достоин только проклятия!..

Сознание снова покинуло его.

- Эх, пропали мои деньги! - вскрикнул священник, решив, что эфенди умер. - Пропали мои деньги!..

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вернемся к началу нашего романа.

Читатель уже знает, кто был тот молодой ополченец, который во время осады Баязетской крепости получил письмо из рук коменданта Штоквича и, переодевшись шутом, проник в лагерь курдов. Благополучно выбравшись из него, он через несколько дней доставил письмо Тер-Гукасову. Читатель помнит также, что юноша, отклонив лестное предложение генерала, покинул русскую армию и поспешил туда, куда призывал его долг сердца. Этот юноша был Вардан. Последуем за ним.

Сев на лошадь, доставшуюся ему от убитого курда, он направился прямо в Алашкертский уезд. Там он надеялся найти дорогих его сердцу людей. Там была семья старика Хачо, в кругу которой он провел столько счастливых дней, там была красавица Лала, которую он боготворил, там были его любимые друзья, вместе с которыми он поклялся не щадить жизни ради святого дела, - словом, там были все, кого Вардан любил и почитал.

В каком положении оставил их Вардан, когда его, закованного в кандалы, отправили к военному прокурору? Старик Хачо и его сыновья были взяты под стражу. Невестки и дети скрывались в разных местах. Семья распалась. Судьба Лалы зависела от Томаса-эфенди и Фатах-бека, от двух ловцов, которые гонялись за ней, как за дичью. Салман был арестован. Мелик-Мансур со своим отрядом поехал выручать его. Удалось ли ему это - Вардан не знал. Он покинул их всех в роковой момент. С того дня прошло два с половиной месяца. Он не имел о них никаких сведений.

За это время русские объявили войну туркам. Победоносные войска генерала Тер-Гукасова захватили Баязетский и Алашкертский уезды и подошли к Эрзеруму. Угнетенный и обездоленный армянский народ, очутившись под покровительством русских, вздохнул свободно. Но внезапно ход военных событий изменился. Генерал Тер-Гукасов вынужден был оставить захваченные провинции и отвести свои войска к

русской границе. Баязет, взятый им восемнадцатого апреля, двадцать седьмого июня вновь перешел в руки турок.

О последних событиях Вардан не имел сведений. Он не знал, что произошло после того, как войска генерала Тер-Гукасова отступили, не знал о бегстве несчастных алашкертцев и о причинах, вызвавших это бегство.

За короткое время события резко изменилась. Два с половиной месяца назад Вардана в кандалах, под охраной турецких солдат увезли из дома старика Хачо. Но отряд не проехал и полдороги, как на него напали два вооруженных всадника - Сако и Его - и после ожесточенной схватки отбили своего господина. Во время перестрелки Вардан был ранен. Преданные слуги почти на руках донесли его до русской границы и укрыли в одной из деревень Сурмалинского уезда. Когда Вардан оправился, он вступил в армянский ополченский отряд. Сако и Его последовали его примеру. Во время осады Баязетской крепости они оба погибли. Каким способом Вардану удалось выйти из крепости, мы уже знаем,

Грустный и одинокий, ехал он сейчас по долине, где находилась деревня О... Совсем иначе выглядела она еще несколько недель назад. Как красивы были ее поля, ущелья и зеленые склоны гор. Золотым морем колыхались на полях созревшие колосья. На склонах гор паслись стада, напоминая издали огромный муравейник. Далеко разносилась приятная мелодия пастушьей свирели. Богатая природа и трудолюбивый человек рука об руку творили чудеса. А теперь..., теперь все изменилось. Теперь долина превратилась в сухую, бесплодную пустыню. Огонь пожрал нивы, оставив повсюду груды пепла. Кто совершил это злодеяние, кто уничтожил все то, что было создано трудом человека и орошено его потом?

Вардану трудно было постигнуть это. Когда-то его взор ласкали живописные и многолюдные деревни, теперь на их месте он видел только следы сокрушительного огня. Ниоткуда ни звука. С полей уже не доносилась веселая песня землелашца, на лугах уже не пасся скот. Глухое, гробовое молчание царило кругом. Казалось, какой-то злой дух пронесся над этим краем и все разрушил и опустошил на своем пути. Что же случилось?

Июльское солнце жгло немилосердно. Было уже далеко за полдень, когда Вардан подъехал к деревне О... Она напоминала обитель злого духа, магическим заклятием внезапно обратившего ее в развалины. Дома, в которых когда-то ключом была жизнь, где жили люди, - стали их могилами. Все живое было погребено под развалинами. Вардан в состоянии, близком к безумию, проходил по знакомым улицам. То тут, то там ему попадались изуродованные трупы. Несомненно, здесь произошла страшная трагедия. Он прошел мимо церкви: от божьего храма остались одни развалины.

Он подошел к бывшей твердыне старика Хачо: от нее уцелели лишь стены ограды, да и те местами были разрушены. Он вошел во двор. Глазам его предстало печальное зрелище. Сад весь выгорел, исчезли развесистые деревья, под сенью которых он провел столько счастливых часов с Лалой. Где она теперь? Из-за нее он приехал сюда... Ее он искал среди этих развалин... Неужели ее похитил курдский бек? Или, быть может, она попала в руки турецкого солдата?.. У Вардана защемило сердце, он весь похолодел, когда представил себе эту страшную картину. Казалось, этот железный человек не вынес тяжести удара, кровь отхлынула у него от сердца, в глазах потемнело. Он ничего больше не видел, не чувствовал и бессильно опустился на бугор. Охватив руками голову, он долго сидел в лихорадочном забытьи.

Ему мерещился нежный образ девушки-ее скорбное лицо, полные слез глаза, - такой она была в ту последнюю ночь, когда в тиши ночного сада, прильнув к груди любимого, молила: "Увези меня отсюда, увези подальше.... Я боюсь курдов...". Ах, почему он не увез ее тогда? Почему покинул ее? В эту минуту Вардан не в состоянии был думать об этом, горе помрачило его рассудок.

Светлые и темные воспоминания с одинаковой силой терзали его. Ведь еще так недавно этот дом незыблемо стоял тут, и здесь мирно жила большая семья. Что с ней случилось, где же теперь она? Он взглянул на женскую половину дома, где стояли теперь четыре обугленных стены.. Здесь когда-то весь день суетились и хлопотали невестки Хачо, не знавшие нужды и горя, и беззаботно резвились его внуки. Умолкли веселые голоса, не слышалось окриков заботливых матерей.

Он взглянул туда, где когда-то была ода, - от нее остались только развалины. Ему вспомнились шумные вечера, которые он проводил здесь в обществе Салмана, старосты и его сыновей, их горячие споры, вспоминал, с каким воодушевлением они обсуждали планы спасения несчастного народа, горя желанием избавить его от гнета и

создать ему новую, счастливую жизнь.

От всего этого осталось только пепелище...

Вдруг вдали показались какие-то люди. Это были первые живые существа, которые он встретил, проезжая через Алашкертский уезд. Вардан очень обрадовался. Он подошел к ним. Несколько оборванных курдов с мотыгами в руках копались в развалинах. Вардан узнал их. Это были пастухи старика Хачо вместе с женами и детьми. Мужчины копали землю, а женщины вытаскивали из-под развалин вещи, уцелевшие от пожара. - Бог в помощь!- приветствовал их Вардан.

- Добро пожаловать!- последовал ответ.

- Что вы ищете?

- Сами видите, добрый ага,- ответили они, продолжая копать.

Вардан обратился к одному из них и спросил:

- Узнаешь меня, Хло?

- Как же не узнать, господин, ты был другом нашего хозяина, старосты Хачо, привозил сюда товары и всегда дарил гостинцы детишкам Хло. Вот это тоже твой подарок,- сказал Хло, указывая на платье жены из красного полосатого ситца.

Вардан принялся расспрашивать пастуха, отчего сгорел этот дом, почему вся деревня превратилась в развалины, куда девались ее жители. Пастух положил лопату, отер пот со лба и сел. Он, казалось, приготовился к обстоятельному рассказу.

- Врагу своему не пожелаю того, что здесь произошло,- сказал он сокрушенно.- Говоря по правде, мы не все знаем,- в ту пору нас здесь не было, мы пасли отары в горах и уже под вечер погнали их домой. (Накануне моя жена видела плохой сон,- я подумал, что он не к добру). Недалеко от деревни на нас напали курды и стали отбивать овец. Я и товарищи побежали в деревню звать на помощь,-смотрим, а она горит. На

улицах полно курдов. Мы поспешили к дому Хачо - видим, он весь в огне. Не подойдешь к нему!

- А куда же девалась семья Хачо?

- Сохрани их бог! Старосту Хачо, Айрапета и Апо за много дней до этого отвели к судье; говорили, что они в тюрьме. Невесток его тоже не было. В доме оставались только четверо сыновей старика. Что с ними случилось - нам неизвестно. Мы пришли и увидели, что дом в огне.

Наш хозяин, старик Хачо, был добрый человек,- продолжал пастух,- он так почитал бога, что даже муравья не обидел бы. Все они были люди добрые, заботились о нас, как о своих детях. Будь прокляты эти эшираты¹. Они тут все вверх дном перевернули, камня на камне не оставили...

- Куда же девались крестьяне?

Многих вырезали, часть забрали в плен; но кое-кто спасся бегством.

“Когда человек тонет, он хватается за соломинку”. Хотя рассказ пастуха причинил Вардану сильную душевную боль, он пробудил в нем и проблеск надежды. “Не все еще потеряно. ...” - подумал он.

Вардану было известно, что старик Хачо и двое его сыновей, Айрапет и Апо, были арестованы. Возможно, тюрьма послужила им убежищем и спасла от курдов, если их сразу же не убили там. Ему также было известно, что во время обыска старик удалил из дому всех женщин; они, очевидно, нашли приют у родных и соседей. Лалу они навверья взяли с собой. Возможно, им удалось спастись, если жилища, где они укрывались, не постигла та же участь, что и дом старика - Хачо.

Утешало Вардана и то, что, по словам пастуха, кое-кто из жителей спасся бегством. “Может быть, в числе беглецов была и семья Хачо,- думал Вардан,- значит, и Лала с ними. Но куда они бежали, где нашли пристанище?” Эти вопросы мучили Вардана.

Пастухи ничего толком не могли ему объяснить. Катастрофа произошла ночью, внезапно, так что никто ничего определенного не знал. Проезжая через Алашкертский уезд, Вардан не встретил ни одного армянина. Курды не могли всех вырезать или угнать в плен,- видимо, часть населения спаслась бегством. Но куда они бежали?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Отъехав от развалин дома Хачо, Вардан не знал, в какую сторону ему направиться. Сведения, полученные им от пастухов, были настолько неточные, что он затруднялся принять определенное решение.

Смеркалось. Вардан ехал по равнине. Те же тоскливые картины открывались его

взору на каждом шагу: развалины, обезлюдившие деревни, выжженные поля. “Неужели в этом краю не осталось ни одного армянина?” - подумал Вардан. Вдруг на фоне этой пустынной местности он увидел человеческую фигуру. Медленно и неуверенно взбирался человек по крутому горному склону, держась за камни, чтобы не упасть. Порою он останавливался и, выпрямившись, окидывал взглядом равнину. Наконец он достиг вершины горы и подошел к самому краю отвесной скалы, нависшей над бездной. В лучах заходящего солнца четко вырисовывалась его неподвижная фигура. Человек смотрел на распростертую у его ног равнину, которая всего лишь несколько дней назад была ареной кровавых событий. Долго стоял он так над бездной, словно погруженный в глубокое раздумье.

Внимание Вардана невольно приковала эта странная фигура, в которой ему чудилось что-то зловещее. Он натянул поводья и, остановив коня, стал наблюдать. Он видел, как человек, глядя вниз, на опустошенную равнину, словно в отчаянии. Несколько раз всплеснул руками, а затем, закрыв лицо, бросился с вершины скалы. Маленькая человеческая фигура катилась, как мяч, ударяясь по пути о камни. Вардан стегнул коня и помчался на помощь гибнущему. Через мгновение он достиг подножья горы. Зацепившись при падении за кусты, росшие в расщелинах скал, человек повис над бездной. Вардан обрадовался, теперь у него была надежда спасти жизнь несчастного. Он посмотрел вверх и увидел, что тело самоубийцы находилось от него примерно на высоте пятидесяти футов. “Как снять его оттуда?” - озабоченно подумал Вардан. Спешившись, он стал осматривать поверхность отвесной скалы, возвышавшейся над ним. Как бы добраться до кустов?.. Человек все так же висел, не подавая ни малейших признаков жизни. Что заставило этого несчастного покончить с собой? На всем окружающем лежала печать такой грусти, что все в глазах Вардана приобретало таинственный смысл.

Он понимал, что ему придется пойти на риск, чтоб спасти несчастного, который, возможно, был еще жив. Чувство сострадания заставило его забыть об опасности, и он принял смелое решение. Заметив, что кое-где в расщелинах скалы росли кусты, юноша решил, цепляясь за них и за камни, вскарабкаться. Вардан обладал гибкостью змеи и проворством кошки. Протянув руку, он ухватился за первый же выступ и стал карабкаться. Не успел он подняться на несколько аршин от земли, как сорвался, камень, за который он цеплялся, и Вардан полетел вниз. “Отсюда неудобно”, - подумал он, не обращая внимания на свои исцарапанные в кровь руки.

Натура у Вардана была настойчивая, трудности еще больше подстегивали его. В нем росло самолюбивое желание преодолеть их. Он торопился, так как солнце уже близилось к закату: через несколько минут стемнеет, и тогда ему трудно будет исполнить свой замысел. Вдруг в голове его блеснула новая мысль. Он снял с седла аркан, которым пользовался как оружием; к концу его был привязан свинцовый шарик. Размахнувшись, Вардан забросил конец аркана на скалу. Веревка крепко обмоталась вокруг сучковатого дерева, которое росло недалеко от того места, где лежал самоубийца. Ухватившись за другой конец веревки, юноша, как паук, пополз вверх и через несколько минут был уже возле безжизненного тела. Он приподнял его... И каково же было его удивление, когда он увидел, что держит на руках Томаса-эфенди.

Чувство гнева, ненависти и отвращения овладели им с такой силой, что он готов был тут же сбросить в пропасть это отвратительное тело, чтобы, разбившись о камни, оно стало добычей хищников.

Но у Вардана было доброе сердце: он не мог быть жестоким по отношению к поверженному врагу. Обвязав веревкой безжизненное тело эфенди, он осторожно спустил его к подножию скалы, затем спустился сам.

Прежде всего Вардан проверил, жив ли еще Томас-эфенди. Тело у него было сильно изувечено, голова и лицо разбиты о камни и залиты кровью, но он еще дышал, хотя был без сознания. Этот злодей, по вине которого были разорены тысячи крестьянских домов и опустошен целый уезд, причинивший столько горя Вардану, находился сейчас в таком беспомощном состоянии, что невольно вызывал к себе жалость. Попадись эфенди в руки юноши при других обстоятельствах, Вардан не пощадил бы его, но сейчас это беспомощное, расчлененное у его ног искалеченное тело, казалось, просило пощады,

Вардану не впервые приходилось иметь дело с ранеными, он и сам не раз бывал ранен, поэтому всегда держал при себе перевязочные средства. Первым делом он остановил пострадавшего кровь и перевязал раны на голове.

Тем временем ночная мгла окутала равнину, небо покрылось грозowymi тучами;

поднялся сильный ветер, предвещавший бурю, сверкнула молния.

Вардан решил искать пристанища. Он положил раненого на лошадь, привязал его и, ведя коня под уздцы, тронулся в путь. Но в какую сторону ехать? В окрестных армянских деревнях не было ни одной живой души. Он вспомнил, что недалеко должна находиться курдская деревня, и пошел в том направлении.

Дорогой он размышлял о том, что могло толкнуть эфенди на самоубийство. Неужели муки совести, раскаяние?

Память не изменила Вардану: вскоре замелькали огоньки, но до них было еще далеко. Дождь усилился. Вардан снял с себя плащ и заботливо укрыл им эфенди. Прошло немало времени, пока они добрались до деревни.

В курдских деревнях дома похожи на землянки. Подойдя к первой землянке, Вардан хотел постучать, но увидел, что дверь не заперта. "Вот счастливые люди, живут не боясь воров", - подумал он. В землянке было темно, видимо ее обитатели уже спали. Вардан все же постучал. Через несколько минут оттуда послышался заспанный женский голос:

- Кто там?
- Божий гость.

Словно "гость" возымело действие. Его пустили. Хозяйка зажгла огонь. Второпях она не успела как следует одеться и была в красной исподней рубашке, едва закрывавшей колени.

Женщина помогла Вардану, и они вдвоем внесли эфенди и уложили его на лавку.

- Он болен?
- Нет, ранен.

Молодая женщина принесла коробку, в которой хранились примитивные хирургические инструменты.

- Я домашняя лекарька, - сказала она, доставая из коробочки пластырь, - когда муж в сражениях получает раны, я сама его лечу. Раньше этим занималась моя свекровь, но теперь она слишком стара. Я научилась у нее.

Вардан знал, что курды искусные лекари. Он поблагодарил молодую женщину и сказал, что уже успел оказать помощь раненому.

Ей очень хотелось показать свое искусство врачевания, однако, видя, что раны больного перевязаны, она успокоилась.

- Теперь надо позаботиться о вашей лошади, - заявила она.
- Не тревожьтесь, - сказал Вардан, - укажите только, где ее привязать.

Молодая женщина взяла свечу и повела юношу во двор. Там она показала ему место для привязи. Увидев, что двор окружен низкой оградой, Вардан спросил:

- А здесь не опасно?
- Какая же может быть опасность, - засмеялась женщина, - "вор у вора ничего не украдет".

"Вот счастливы", - подумал Вардан. Вернувшись в дом, он только теперь обратил внимание, что на полу спали дети, а в углу лежала старуха. Она проснулась от звука его шагов, села на постели и спросила:

- Саро, это ты, сынок?
- Нет, это не Саро, - подойдя к ней, сказала молодая женщина, - это гость.

Старуха успокоилась и тотчас заснула.

- Это моя свекровь. Все ждет не дождется сына. Глаза у нее уже не видят.
- А где же ваш муж? - полюбопытствовал Вардан.
- Он в Баязете. Ушел на войну. В деревне не осталось ни одного мужчины, все сейчас там. Я сама всего два дня, как вернулась из Баязета. Ездила за поживой.

А много привезла?

- Мало или много - все божий дар.

"Свободная дочь свободного народа, - подумал Вардан, - сколько в тебе простоты и жизни! Разве ты виновата в том, что тебя приучили смотреть на поживу, как на дар божий. Если бы тебе внушили иные понятия, ты со своими природными способностями могла бы творить чудеса".

Вардан подошел к раненому. Он дышал ровно, лишь время от времени из груди его вырывался глухой стон. Курдка снова предложила свои услуги. Вардан уступил.

- Опасности нет, - сказала женщина, осмотрев больного, - раны неглубокие, но есть переломы. Видимо, сильно расшибся.

Вардан ничего не ответил.

Только теперь он почувствовал, что голоден, - юноша ничего не ел целый день;

однако бывают минуты, когда человек, испытывая голод, не может проглотить кусок. В таком состоянии находился и Вардан: он был сыт горем.

- Не надо ничего стряпать,- сказал он,- дайте мне кусок хлеба и сыра.

Отказ Вардана обидел гостеприимную хозяйку.

- Не отказывайтесь, мы не так бедны...

- Да, Баязет вас обогатил!

- Не только Баязет, мы и здесь неплохо поживились. В прошлом году весь наш скот пал, мы сидели без куска хлеба, но за то в этом году бог воздал нам сторицей: когда местные армяне бежали, все их добро досталось нам.

- Куда же они бежали?

- Не знаю, но они бежали так поспешно, что почти ничего не успели взять с собой.

Они боялись, что турки их вырежут.

- И им удалось спастись?

- Тех, кто не успел бежать, перебили.

Ужасные события ясно встали перед глазами Вардана, Он не сомневался, что произошло массовое бегство, но куда бежали местные жители, курдка не могла сказать.

Вардан погрузился в тяжелое раздумье. Он забыл о своем голоде и вовсе не замечал красивую курдку, которая, разведя в очаге огонь, готовила ему яичницу.

При других обстоятельствах молодой мужчина не остался бы равнодушным к красоте молодой женщины, которая даже в простой красной рубашке была ослепительно хороша. Ока не успела накинуть головной платок. Роскошные густые косы венцом лежавшие на ее высоком лбу, сверкающие глаза делали ее похожей на горную русалку, которая любит свое отражение в прозрачном роднике.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Была полночь. В землянке все еще горел огонь, В углу похрапывала на полу старуха свекровь; рядом с ней вповалку лежали дети, что-то бормоча и улыбаясь во сне; по другую сторону спала их молодая мать. В землянке было так жарко, что она откинула одеяло, и ее высокую грудь прикрывали лишь густые косы. Она спала спокойным и безмятежным сном невинного ребенка.

“Теперь мне понятно, почему наши прародители не прикрывали своей наготы,- думал Вардан,- чувство стыда родилось у них после первого грехопадения. У этого народа нет понятия о грехе, и поэтому ему неведомо чувство стыда. Если этот красивый первобытный народ приобщить к цивилизации, из него можно создать нечто прекрасное. Когда прививают дикий саженец культурному растению, вызревают прекрасные плоды; Что получилось бы, если б это здоровое жизнеспособное племя слилось с армянами...”

Вардан долго сидел, отдавшись грустным размышлениям. Воображение рисовало ему мрачную картину трагического бегства алашкертцев. “Дерево, которое не пустило корни глубоко в землю, неизбежно зачахнет. Народ этот на протяжении многих веков хирел, бледнел и нищал, потому что армяне безрассудно покидали насиженные места и скитались с места на место. Ничто не могло образумить их. Вот они опять бежали! Естественно - дерево, которое не пустило корни глубоко в землю, не может устоять под натиском бури. Налетел ветер, разыгралась буря - и вырвала его с корнем”.

Как живое вставало в памяти Вардана энергичное лицо Салмана, ему казалось, что он слышит пламенную речь восторженного юноши, и, как бы наивно она ни звучала порой, каждое слово в ней пылало жаром убеждения и шло от чистого сердца. Вспомнил он и Мелик-Мансура, этого неугомонного искателя приключений, который любил бури жизни и всегда смело шел навстречу опасностям. Вспомнил старосту Хачо - доброго старика, всегда готового осушить слезы страдальцев. Вспомнил его сыновей: одни из них настолько свыклись с рабской долей, что утратили всякое достоинство и понятие о свободе, но в других нарастали протест и готовность к борьбе.

Блуждая в лабиринте воспоминаний, мысль его все время возвращалась к Лале.

Больной застонал, и Вардан подошел к нему; он тяжело дышал, метался и время от времени что-то невнятно бормотал в бреду. Вардан прислушался, но слов не мог разобрать. Через несколько минут больной успокоился; он приподнял голову, окинул блуждающим взглядом комнату и снова лег, закрыв глаза.

- Ах, если бы около меня был хоть один армянин...

- Я здесь,- ответил Вардан.

- Дай мне твою руку.

Вардан отшатнулся, на лице его выразилось отвращение.

- Где я нахожусь?.. Кто привел меня сюда?.. Кто спас меня из ада?.. Я плавал в огненном океане... мне было хорошо, очень хорошо. Драконы душили меня в своих объятиях... Вот они, вот, я вижу их. Вон там, вдалеке, они кружатся в пламени... Их целое полчище.

Больной устремил на Вардана мутный взгляд, но не узнал его и продолжал:

- Я заслужил самую страшную кару неба - огненную геенну... и благодарен за это... Я не удостоился земной славы, но в аду я превзошел многих грешников. Я встретил Васака, Меружана, Вест-Саркиса, Каина и многих других злодеев, и все они позавидовали мне. Ах, какое блаженство плавать в море огня, ощущать пламенный жар, гореть не сгорая... Как хорошо, что муки не имеют конца и длятся вечно...

Больной бредил, но Вардан понял, что его терзают муки раскаяния. Юноша почувствовал сострадание и, взяв больного за руку, сказал:

- Успокойтесь, эфенди, вы скоро поправитесь, ваши раны не так опасны.

- Я слышу знакомый голос.

- Это я, Вардан.

Эфенди вздрогнул, оттолкнул от себя руку Вардана и воскликнул:

- Не прикасайтесь ко мне, не оскверняйте себя... Я знаю, Вардан, вы человек добрый, но сердце у вас суровое. Соберите все ваше мужество - убейте меня, вы окажете мне этим большую услугу. Бросьте мое тело в Алашкертскую долину, которую я опустошил. Пусть звери растерзают меня. Но если у тебя хватит милосердия, то закопай мой труп в яму и засыпь землей. Оттуда моя душа найдет путь в преисподнюю, в обитель

вечных мук. Но нет, нет... я не достоин армянской земли, мое тело осквернит ее...

- Успокойтесь, эфенди,- повторил Вардан,- я сделаю все, чтобы вы остались живы.

- Я думал умереть, навеки закрыть глаза, чтобы не видеть содеянного мной. Но провидение пощадило меня, сохранило мне жизнь, чтобы я, глядя на разоренные деревни, на опустошенный край, терзался вечным раскаянием... Оно обрекло меня на страшные муки. Я помогал истреблению целого края, но убить себя не смог...

Последние слова он произнес с глубокой горечью. Жизнь до такой степени тяготила его, что смерть казалась ему избавлением.

В это время проснулась хозяйка.

- Больному, как видно, плохо. Может, что-нибудь нужно? Спросила она.

- Ничего не надо, он бредит, у него, сильный жар...

Курдка подошла к больному и, наклонившись над ним, впервые внимательно взгляделась в него.

- Я знаю его, это Томас-эфенди!- вскрикнула она.

- Он самый.

- Бедняга! Несколько дней назад я его встретила в горах.

Он шел босой, с непокрытой головой, в изодранной одежде.

Когда к нему приближались люди, он с криком убегал. Говорили, что он помешался. Вардан вспомнил, что он тоже принял эфенди за помешанного, когда увидел его на скале.

"Но почему эфенди сошел с ума? Неужели этот развращенный человек мог сойти с ума от нравственных мук?"- подумал Вардан.

- Говорят, что эфенди любил одну девушку, которая бесследно исчезла во время бегства алашкертцев; ходили слухи, что ее похитили какие-то неизвестные люди.

- Какие люди?.. Как звали девушку?!"- в ужасе вскрикнул Вардан.

- Не знаю, так говорят...

Возглас этот вырвался у Вардана произвольно, в порыве отчаяния. Он хорошо знал, кто был предметом страсти эфенди... Значит, она потеряна для него... ее похитили... - последние искры надежды, еще тлевшие в душе Вардана погасли, оставив в сердце лишь пепел воспоминаний.

Наступил рассвет. Весело защебетали птицы. Бурная, дождливая ночь сменилась ясным солнечным утром.

Вдруг дверь распахнулась и в землянку радостно вбежала девушка. По-видимому, она шла издалека: подол ее платья промок насквозь и был забрызган грязью.

- Джаво!..- крикнула хозяйка и обняла девушку.

- Сестра!..- произнесла девушка, подставляя ей для поцелуя свои красные щеки.

Казалось, Вардан на мгновение забыл о своем горе и с невольным любопытством смотрел на встречу двух сестер.

Гостя была высокая, худощавая девушка с довольно красивым лицом и с такими же сверкающими черными глазами, как у сестры. И лицо и имя ее показались Вардану знакомыми, но где и когда он ее видел, он не мог припомнить.

- Ты знаешь,- начала девушка,- теперь Джаво долго у тебя пробудет, очень долго. Госпожа отпустила Джаво.

Хотя старшая сестра и очень обрадовалась младшей, но ее смутило такое заявление. Раньше, когда Джаво выражала желание погостить у сестры, госпожа всегда с большой неохотой отпускала ее.

- Что случилось?- спросила она.

- Не бойся, ничего плохого.

И Джаво принялась рассказывать, что госпожа отпустила ее только на время; она будет жить у сестры, пока госпожа не пошлет за ней. Госпожа "одарила Джаво деньгами, платьями и еще кое-чем. Все это Джаво принесла с собой.

- Вот погляди-ка....

Она начала развязывать узел, - чтоб показать сестре свои подарки, но та, все еще продолжая сомневаться, спросила:

- Почему же она отпустила тебя?

- Джаво потом тебе скажет. Надо долго, долго рассказывать, как сказку о Лейли и Меджнуне.

Джаво заявила, что она очень устала, так как шла всю ночь и промокла до нитки. Она была очень голодна и попросила у сестры молока. Та схватила подойник и побежала за свежим молоком. Только сейчас Джаво заметила гостя, и ее сверкающие глаза встретились с пытливым взглядом Вардана.

- Милая Джаво, ты ведь служанка Хуршид, не правда ли?

- Да, верно.

- Жены Фатах-бека?

- Именно ее.

Вардан обрадовался, словно найдя конец запутанной нити, и с притворным равнодушием спросил:

- Но ведь у бека есть другая жена, молоденькая армянка?

- Нету! Джаво похитила ее.

- Эту самую армянку?

- Да, армянку Лалу-Степаника,- у нее два имени.

Сердце Вардана радостно дрогнуло.

- Куда же Джаво увезла ту девушку?

- Джаво отвела ее к своей госпоже, а госпожа тайно отправила ее в русские края.

Вардан просиял и, вне себя от радости, бросился обнимать Джаво.

- Поцелуй Джаво, Джаво ее спасла...

- Джаво - моя сестра,- сказал Вардан и по-братски поцеловал девушку.

Вошла старшая сестра, неся подойник с парным молоком. Джаво взяла его и залпом выпила почти половину. Теплое молоко подкрепило девушку и утолило ее голод.

- Ну, теперь рассказывай,- потребовала старшая сестра.

Джаво в своей обычной манере речи поведала, что муж ее госпожи, Фатах-бек, давно любил одну юную армянку, которая была дочерью старосты Хачо (старосту Хачо знали во всех окрестных деревнях). Госпожа не желала, чтобы Лала стала женой бека, зная, что она девушка красивая, и боясь, что она, чего доброго, приворожит бека. Терзаясь ревностью, госпожа всеми силами старалась помешать этой женитьбе, но бек не уступал ей. Когда он вернулся из Баязета, то намеревался поехать и похитить, Лалу. Но госпожа опередила его и послала Джаво с двумя слугами в деревню О... выкрасть Лалу и увести в чужие края. Джаво нашла Лалу - она пряталась в доме священника вместе с Сарой, женой своего брата. Сара давно знала о намерениях бека, и когда Джаво рассказала ей, зачем ее прислала госпожа Хуршид, она с радостью согласилась в ту же ночь вместе с Лалой бежать из деревни.

Слуги госпожи доставили Сару и Лалу на русскую границу, и бек остался ни с чем. Госпожа втихомолку посмеивалась, радуясь тому, что так ловко провела бека.

Через несколько дней вернулись слуги и сообщили что благополучно доставили девушку до места назначения, тогда госпожа велела Джаво отправиться к сестре и жить у нее до тех пор, пока не пройдет гнев бека.

Рассказ Джаво до того захватил ее слушателей, что они совсем забыли о больном. Когда девушка кончила, неожиданно послышался его голос:
- Теперь я могу спокойно умереть, Лала спасена!
Вардан подошел и уложил больного, который пытался привстать.
- "Почувяв запах овса, голодный осел испустил дух, так и не отведав его.." - это были последние слова эфенди.
Курдка и ее сестра подошли к больному.
- Он умер,- сказал Вардан-.
Бедняга! - воскликнули обе сестры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Стояла невыносимая июльская жара. Тяжелый, знойный воздух сверкал и жалил миллионами огненных игл. Изнуренные зноем птицы прятались в чаще деревьев, на которых не шевелился ни один листок. Только мухи, комары и мошкара бесстрашно кружились в воздухе, с назойливым жужжанием забивались человеку, рот, в нос, в уши и жалили больнее, чем жгучие лучи солнца;

Древний Вагаршапат необычный вид. Все местечко было наводнено беженцами. Куда ни падал взор, повсюду толпились женщины и девушки, старики и дети - истощенные, с жалкими лицами, в лохмотьях...

Вокруг стен Эчмиадзинского монастыря и внутри его, там, где деревья окружали пруд Нерсеса, вплоть до самого храма св. Гаянэ, до края леса, посаженного этим католикосом - где была хоть малейшая тень, - кишел человеческий муравейник.

Три тысячи алашкертцев с семьями, покинув насиженные места, дома и имущество, спасаясь от турецкого ятагана, нашли здесь свое пристанище. В Вагаршапате не было дома, где бы не ютилось до десятка семей горемычных беженцев. Хлева, конюшни, сараи, дворы - все было забито ими. Надо было не только дать кров и накормить тысячи людей, но и оказать им врачебную помощь. Переселение из горного Алашкертского края в Араратскую долину в самую жаркую летнюю пору, трудности пути и лишения оказались для многих переселенцев губительными.

Был полуденный час - время, когда прекращается работа в полях, когда люди и животные спешат укрыться в тени, чтобы немного передохнуть. Люди более состоятельные отдыхают после обильного полдника в прохладных комнатах.

Среди алашкертцев, бродивших в этот час по дворам и выпрашивавших милостыню, обращала на себя внимание одна беженка. Это была девушка лет шестнадцати. Худое изможденное лицо, желтоватая бледность кожи делали ее похожей на преждевременно увядший цветок.

В ее черных глазах таилась глубокая печаль, а бескровные губы говорили о том, что она еще не оправилась от тяжелой болезни. Несмотря на болезненную худобу, лицо ее хранило следы изумительной красоты.

Казалось, рок сыграл с этим нежным созданием злую шутку и унизил ее, нарядив в лохмотья, чтобы надругаться над ее красотой. Но очарование девушки было так велико, что она вызывала глубокое сострадание.

Тело её было едва прикрыто лохмотьями. Девушка медленно брела по одной из улиц Вагаршапата, с трудом передвигая ноги. Земля, словно раскаленное железо, обжигала ее босые ноги. За нею, подобно двум ангелочкам, семенили двое малышей. Она долго переходила от дома к дому, порою останавливалась возле какой-нибудь калитки и, потупив голову, терпеливо ждала часами, надеясь, что кто-нибудь сжалится над ней и вынесет кусок хлеба. Видно было, что гордость не позволяла ей просить милостыню, что она знавала лучшие дни и лишь превратности судьбы обрекли ее на нищету. Девушка изнемогала от нравственных страданий: оскорбленное достоинство, ущемленное самолюбие терзали ее сильнее, чем недуг, подтачивавший ее физические силы.

Она переходила от одной двери к другой, но никто не подал ей милостыни. Наконец, поборов свою застенчивость, она зашла в дом и, увидев хозяйку, робко попросила:

- Кусочек хлеба...
- Чтоб вы сгнули!.. Не напасешься на вас! То одному по дай, то другому...

На глазах у девушки навернулись слезы, она попятилась и хотела было уйти, но мысль о голодных детях и об их голодной матери остановила ее. Вытерев слезы, она хотела снова попросить, но в это время из соседней комнаты выбежала маленькая

собачонка и вцепилась ей в подол. Девушка в страхе отпрянула и бросилась бежать, оставив в зубах у собачонки оторванный клочок своей одежды. Двое малышей подняли жалобный крик.

Кое-как скрепив прореху, девушка побрела в монастырь. На дороге валялась арбузная корка. Дети сразу же забыли о своем горе и бросились к ней. Один из них схватил корку и, вытерев ее о подол рубашки, принялся грызть. Другой с плачем - пытался вырвать ее. "Дай мне тоже, я голоден", - кричал он. Между ними завязалась драка. Девушка разделила корку пополам и помирила детей.

В это время по улице торопливой походкой шел молодой человек. Узнав девушку, он подошел к ней.

- Ты еще не оправилась, и я запретил тебе выходить на улицу - сказал он. - Зачем ты вышла?

Девушка смутилась и не знала, что ответить. Она и в самом деле чувствовала сильное недомогание и с трудом держалась на ногах. Юноша увидел двух малюток, которые продолжали грызть арбузные корки. Он вырвал корки у них из рук и швырнул в сторону, сказал:

- Разве их можно есть?

Дети оказались смелее, чем их робкая спутница, и со слезами на глазах воскликнули:

- Мы голодные!

- А разве вас не кормят в монастыре? - обратился к девушке ее знакомый.

Она потупила свои прелестные глаза и, обмирая, с трудом произнесла:

- Если можно, - найдите -нем другое место, мы уйдем тогда из монастыря.

- Как видно, этот негодный архимандрит плохо о вас заботится?

Девушка ничего не ответила и продолжала стоять потупившись, словно боялась, чтобы он по лицу ее не угадал того, что ей хотелось скрыть от него.

- Понятно!.. - воскликнул он с негодованием. - Ступай сейчас .домой, в такую жару тебе нельзя выходить, ты нездорова, можешь сильно заболеть. Через час я буду у вас и распорядюсь, чтобы о вас позаботились. Как твоя невестка?

- Все так же. Сегодня ночью она опять бредила, - грустно ответила девушка и, застенчиво посмотрев на него, спросила: - Вы не оставите нас в монастыре, правда, господин?

"- Хорошо, я переселю вас в другое место, - пообещал молодой человек и торопливо ушел, мысленно говоря: "Бедное создание, как тебе скоро опостылел монастырь".

Этот юноша - врач - был сыном богатого вагаршапатского помещика. Он недавно окончил Петербургский университет и как новообращенный рыцарь, искал случая, чтобы показать себя в деле.

Заботы о лечении алашкертских беженцев открыли перед ним широкое поле деятельности. Живой, энергичный, полный благих намерений, он находил большое удовлетворение, помогая несчастным беженцам. Доктор этот отличался редким благородством. Он не только не брал денег за лечение, но бесплатно раздавал больным лекарства и заботился о том, чтобы обеспечить их кровом и питанием. Поэтому-то девушка так доверчиво обратилась к нему с просьбой переселить их в другое место.

Попрощаясь с доктором, девушка поплелась в монастырь. Она шла, еле волоча ноги, и время от времени присаживалась, чтобы собраться с силами. Из трактира, расположенного напротив монастыря, какие-то гуляки окликнули ее, посулив деньги. "Эти люди хуже курдов", - подумала она и, преодолевая слабость, продолжала свой путь.

Она миновала главный вход и, обойдя западную часть монастырской стены, вышла к тем воротам, которые вели в лес. Через эти ворота она попала в Казарапат. Эта часть монастыря в праздничные дни обычно служила постоялым двором для богомольцев; сейчас здесь помещались больные беженцы.

Она вошла в одну из келий на первом этаже. В сырой, затхлой комнате, лишенной света, на соломенной подстилке, брошенной на кирпичный пол, лежала женщина, укрытая куском паласа. Дети подбежали и, обняв больную мать, стали целовать ее худые руки, но она не отвечала на их ласки и не то спала, не то находилась в забытии.

Девушка попросила детей оставить в покое больную мать и отослала их играть во двор. Они покорно вышли и, усевшись возле дверей, начали строить домики из земли и камней. А девушка легла на голый пол вместо подушки подперла локтем свою красивую голову и с полными слез глазами стала смотреть на больную. Она настолько

устала, ослабела и измучилась душой, что хотела лишь, одного - заснуть, чтобы на время найти отдых, и успокоение, но слезы душили ее и в печальных глазах не было сна. Ей хотелось, чтобы ее глаза, сомкнулись навек и перестали видеть этот солнечный мир, в котором для нее сейчас воцарился, мрак. Сколько бед. ей пришлось пережить, сколько мук. претерпеть! Она потеряла отца, братьев, родной дом, близких - все,, все, что было дорого ей, и осиротевшая, была брошена на произвол судьбы в чужом краю и скиталась, выпрашивая милостыню. Ее единственная опора, ее - единственная заступница, на которую она возлагала надежды; теперь тяжело больна и не сегодня завтра может, умереть. Что ждет, их впереди? Кто будет заботиться об этих, осиротевших, детях? Если бы она: сама была здорова, она пошла, бы. на" все,, не погнушалась бы самой черной работы ради того, чтобы прокормить сирот. Нь силы иссекают с каждым, днем, жизнь ее висит на волоске, видно близок желанный конец... Однако смерть почему-то медлит...

Несчастливая девушка была во власти, своих, мрачных. мыслей, и горячие слезы катились по ее бледному лицу, когда со" двора донесся чей-то грубый голос.

Толстый монах в черном, клобуке и в черной рясе, проходя мимо увидел играющих возле кельи детей: и яростно набросился на них.

- Убирайтесь отсюда, щенки. Расковыряли всю землю...

Дети не хотели уходить но монах так затопал на них ногами, что они с воплем прибежали в келью. Громкий плач детей вернул к сознанию лежавшую в забытьи мать. Она обняла обоих и начала успокаивая не зная причины их слез.

В это время в дверях кельи появился- расшвырявший монах.

- Немедленно убирайтесь отсюда! - заорал он. - Сколько раз я говорил вам - найдите себе другое место и уходите!

К кому обратился монах? Больная мать ничего не слышала, она судорожно прижимала своих детей к груди, которых, казалось, увидела впервые. Два дня она была в забытьи и сейчас любимые голоса детей привели ее в сознание. В этой келье не было никого, кто бы мог его услышать и внять его словам. Молодая девушка затрепетала от его крика и от страха ей стало дурно. А малышки испуганно замерли в объятиях матери.

Вдруг брань монаха перебил чей-то голос.

- На кого ты мечешь молнии, святой отец?

- А, добро пожаловать, господин доктор, как живешь можешь?- сразу успокоившись, с улыбкой сказал монах.

- Обо мне не беспокойся,- ответил ему доктор, пронизывая его взглядом.- Что это еще за фокусы? Почему ты не даешь покоя этим женщинам?

- Клянусь тебе, никаких фокусов. Я просил их освободить келью и переселиться в другое место. Есть распоряжение не держать беженцев в монастыре больше двух дней. Каждый день прибывают все новые партии. Не знаем, где их размещать.

- Но куда они уйдут? Разве ты не видишь, в каком они состоянии?

- Я ничего не могу поделать, таков приказ.

Монах этот, исполнявший обязанности эконома в монастыре, был зубоскалом и вралем, с которым каждый мог позволить себе шутку, а в особенности господин доктор, который любил подтрунивать над духовными особами.

- Меня не проведешь, святой отец, лучше признавайся, уж не приглянулась ли тебе девушка, а?

- Помилуй, благословенный, что ты говоришь?

- Сечь вас надо, сечь,- сказал доктор, входя в келью.

Приход доктора был большим утешением для несчастных женщин. Он вручил им лекарства и сказал, что распорядился перевести их отсюда. Они поселятся в доме, где найдут все удобства, необходимый уход и питание.

- Поскорей бы...- молила больная голосом, полным благодарности.

- Будьте спокойны. Через несколько минут за вами придут,-пообещал доктор и ушел проведать других больных, помещавшихся в монастыре.

- Лала, вот видишь, доченька,- говорила больная, стараясь утешить всхлипывавшую девушку,- бог не забывает нас, горемычных, и в тяжелую минуту послал нам своего ангела - хранителя. Не плачь, доченька: ты увидишь, наступит светлое утро; придет день - и ты снова будешь счастлива...

- После всего, дорогая Сара,- ответила Лала, горько плача,- после всего что было, мне остается одно - умереть.

В келью вошли двое мужчин. Это были слуги доктора. Они принесли с собой еду и

узел с одеждой для Сары, Лалы и детей.

Сара и Лала не дотронулись до еды, им не хотелось есть, зато дети с жадностью набросились на нее. Слуги во дворе ждали, пока они кончат есть.

Лала переделалась, переменяла на Саре лохмотья, одела полуголых ребятишек, после чего преобразившаяся семья покинула монастырскую обитель и направилась в приготовленное им доктором жилище.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

К вечеру подул “ветерок святого Георгия Просветителя”, и дневной зной уступил место вечерней прохладе. Этот благодатный ветер животворит своим дыханием не только Вагаршапат, но и всю Араратскую долину и в летнюю пору дует весь вечер. И не зря в народном предании говорится, что наш отец Просветитель повелел этому ветру оберегать его народ от болезней.

Насладившись послеобеденным сном, монахи, покинув душные кельи, прогуливались по аллеям под сводами тенистых деревьев, окружавших пруд Нерсеса. “Святые отцы” чинно гуляли парами или в одиночку, избегая более тесного общения. Подозрительность, разобщенность, недоверие друг к другу были отличительными чертами монастырской братии.

Пруд находился на возвышенности, дно его было выложено камнями. От подножия возвышенности и до храма св. Гаянэ тянулось старое кладбище. На нем то и дело копали могилы и хоронили покойников. Лопаты и заступы работали неутомимо.

Священник торопливо бормотал молитвы и, перебегая от одной могилы к другой, совершал погребальные обряды. На кладбище царило глубокое молчание: ни плач родных, ни слезы друзей не сопровождали в загробный мир усопших, словно живые радовались тому, что эти горемыки избавились от земных мук и наконец найдут упокоение в могиле. Хоронили алашкертских беженцев.

- Как много их умирает! - заметил один из монахов своему товарищу.

- Собственно, я не вижу разницы, - хладнокровно ответил тот, - там бы их вырезали курды и турки, а тут они умирают своей смертью... Но мы уклонились от нашего разговора, - продолжал он, - повторяю тебе, что ему нельзя доверять. Он сблизился с нами, прикидывается нашим другом, делает вид, что сочувствует нам, пускает в ход тысячу разных уловок, - но все это одна фальшь. Он хочет выпытать наши тайны, чтобы потом сообщить их куда следует. Он шпион, настоящий шпион. Поэтому он принят в “верхнем Иерусалиме”. Очень возможно, что его надежды оправдаются - он станет епископом и получит богатую епархию.

- Все, что ты сказал, верно, кроме последнего: он не будет ни епископом, ни главой епархии. “Четвертый” очень щедр на обещания, но выполняет их скупно. До поры до времени они будут поощрять этого глупца, потом прищемят ему хвост и от пустят на все четыре стороны, а его должность передадут более подходящему. Посмотри, вот несут хоронить еще двух покойников.

- Ради бога, оставь их в покое!.. Но эту лису не так-то легко обмануть.

- И самая хитрая лиса попадает в капкан четырьмя лапами....

- Говори потише, пусть пройдут...

По аллее, навстречу им, шли два монаха. Подойдя ближе, они тоже прекратили разговор. Эти двое были членами синода. Когда пары разминулись, разговор продолжался:

- Надо бы, назначить торги, сейчас самое подходящее время”.

- Почему?

- Потому что господа Н., М. и Х., которые арендуют церковные поместья сейчас уехали по своим делам - один в Александрополь, другой в Игдир, а третий еще куда-то. Надо воспользоваться их отсутствием и назначить торг”. Если мы сейчас назначим, торго, то аренда наверняка останется за Саталяном, он совершит сделку, на свое имя, а мы будем его тайными компаньонами.

- Но, насколько мне известно, у господина Саталяна! Нет в наличии столько денег, чтобы внести залог.

- Я знаю, но это не помеха: мы снабдим его деньгами, и он внесет залог.

- А у тебя есть деньги?

- У меня есть процентные бумаги.

- Ну, это все равно. Итак, завтра соберемся и поставим вопрос о торгах. Но я боюсь, что “сверху” нам могут помешать.

- Вряд ли, разве эти "ососы" не так же поступают? Если этот черт сунет свой нос, я кое-что шепну ему на ухо, и он сразу умолкнет.

Вот какие разговоры вели между собой члены монастырской братии. Поглощенные интригами и тайными спекуляциями, они не интересовались тем, что происходило вокруг, никто из них не думал о том, что бесприютные и голодные алашкертцы мрут как мухи. Никто не задавал себе вопроса, почему они стали беженцами и что их ждет здесь, на чужбине.

Компания монахов сидела в лесу на красивых персидских коврах и, как всегда по вечерам, занималась чаепитием.

Чуть поодаль от нее юные служки со смехом и шутками готовили им чай. На тарелках были разложены белый хлеб, масло, стояли сливки, бутылки с ромом и прочее. Вечерняя прохлада и свежий лесной воздух возбуждали аппетит у святых отцов; они пили, ели и развлекались, не думая о том, что в этом же лесу валялись на сырой земле сотни голодных беженцев.

- Какой ароматный ром, откуда вы получили его, святой отец?- спросил один из монахов, с наслаждением потягивая чай с ромом.

- Откуда получил?- повторил тот.- Разве ты не знаешь, что у меня такая богомольная келья, что сама притягивает жертву?

- Понятно... Хорошо обладать такой притягательной силой!

Солнце уже зашло, в лесу стало темнеть, хотя золотистый

отблеск заката еще горел на небе. "Ветерок святого Георгия" совсем ослаб, и листья на деревьях таинственно и слабо шелестели. Лесную тишину нарушали лишь тяжкие вздохи беженцев. Надвигалась темнота, а ночь всегда пробуждает горькие воспоминания.

Голодный и голый алашкертц, распростертый на земле под открытым небом, словно только что очнулся и особенно остро ощутил весь ужас своего положения. Он думал о том, что имел некогда имущество, а теперь вынужден был жить милостыней; он думал о том, что имел кров, а теперь стал бездомным скитальцем; он вспоминал о своих детях, которых лишился.

Куда они пропали, кто их увел, что с ними стало - этого он не знал. В тот страшный час, когда мать забывала о детях, брат о сестре, муж о жене, когда, гонимые вихрем ужаса, люди спасались от турецких сабель, все исчезло в хаосе, кануло в бездну... Потеряв все самое дорогое, все, чем он доселе жил, каждый носил в душе неизлечимую рану.

Вот почему в эту ночь Вагаршапат оглашали вопли и стоны беженцев... Их угнетало одно безысходное горе, и не было им утешения.

В это время, -внимательно вглядываясь в лица беженцев, по лесу шел какой-то человек; порой он подходил к ним и вступал в беседу. Грустное и озабоченное выражение его мужественного лица и уверенный вид невольно обращали на себя внимание. Он вышел из лесу, миновал монастырь св. Гаянэ и остановился около кладбища. Там все еще продолжалась работа...

До него донеслись звуки песни:

*Соловушка-щеголь сапожки надел
И песню о розе любимой запел...*

"Чтоб вы сгнули",- подумал незнакомец и продолжал свой путь.

Звуки песни доносились из глубины леса, где монахи, возбужденные ромом, предавались ночным утехам.

Незнакомец подошел к пруду. По его берегу прогуливалось несколько иноков, похожих на черные привидения. Тут же одиноко сидел какой-то монах. Обветренное суровое лицо и истрепанная одежда говорили о том, что этот монах прошел через все невзгоды скитальческой жизни. Никто из изнеженных, опрятно одетых монахов не приближался к нему, словно его поношенная одежда вызывала у них брезгливое чувство, хотя под этой простой пастушеской одеждой билось честное и благородное сердце.

Заметив в вечернем сумраке у пруда одинокую фигуру монаха, незнакомец подошел к нему.

- Отец Ованес, это вы?!

- Вардан!..- воскликнул монах и обнял его.

Это был настоятель монастыря св. Иоанна и одновременно глава алашкертской

епархии, который прибыл сюда, на русские земли, вместе с беженцами, чтобы не покидать свою паству.

Архимандрит и Вардан уселись на каменную скамью.

- Когда ты приехал?- спросил архимандрит.

- Только сейчас,- ответил Вардан и огляделся: не подслушивает ли их кто-нибудь.

- Никого еще не видел?

- Нет, здесь такое столпотворение, что трудно кого-нибудь найти! Я очень хочу повидать Мелик-Мансура, мне сказали, что он здесь.

Я видел его два дня назад,- сказал монах,- он собирался в Ереван: хотел повидаться там с какими-то господами, которые намерены составить комитет вспомоществования беженцам.

- В Тифлисе уже создан такой комитет. В Ереване, видимо, будет один из его отделов.

- Ну, а как тут обстоят дела?

- Очень плохо,- грустно ответил монах.- Околачиваюсь тут уже целую неделю. В Казарапате мне отвели угол, но на меня не обращают внимания, никто не пожелал узнать, какие обстоятельства привели нас сюда. Мне было обещано, что католикос меня примет и выслушает, но проходят дни, и никто меня не вызывает. Я написал письмо, обрисовал историю бегства алашкертцев и надеялся, что уж после этого меня непременно вызовут и выслушают. Но и это ни к чему не привело. Я встретил полное равнодушие и безразличие! Я подсчитал, что из трех тысяч семей беженцев на это время половина умерла от болезней и от голода. Оставшихся ждет та же участь, если их положение не изменится.

Как ни печальны были эти факты, но они не произвели особого впечатления на Вардана. Он считал их в порядке вещей. Он заранее предвидел эти роковые последствия беженства.

- Все беженцы обосновались в Вагаршапате?- спросил он.

- Нет они попадают сюда из Игдира, потом идут дальше.

Теперь их встретишь везде, от Сурмалинской провинции до Ново-Баязета и Старой Нахичевани, в любой деревне есть беженцы.

- А как к ним относится население?

- С большим сочувствием: дают кров, кормят их, одевают, делятся последним.

Нужно сказать, что здешний народ сам терпит большую нужду. Из-за войны все вздорожало. Но беженцам сейчас в первую очередь нужна врачебная помощь, их косят болезни.

Ночная мгла окутала Вагаршапат. Монахи разбрелись по своим кельям, но из глубины леса все еще доносились звуки песни:

*Соловушка-щеголь сапожки надел
И песню о розе любимой запел”...*

- Куда же ты намерен сейчас идти?- спросил, поднимаясь с места, архимандрит.

- Я и сам не знаю.

- Пойдем ко мне.

- Я бы не хотел, чтоб меня видели в монастыре.

- Уже поздно, нас никто не увидит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Преосвященный занимал одну из келий верхнего этажа Казарапата. Холодная дрожь прошла по телу Вардана, когда он переступил порог монастыря. Он не был здесь более десяти лет. И вот роковая судьба вновь привела его сюда. Эта обитель, где жили люда, отрешившиеся от земных благ и посвятившие себя богу, произвела тяжелое впечатление на несчастного, юношу, воскресив тягостные воспоминания! о детстве, которое он провел здесь. Об этой темной поре своей жизни он не мог вспоминать без отвращения.

Видя, как опечалился Верден, преосвященный сочувствием спросил его:

- Что с тобой, почему ты так молчалив?

- У меня иногда бывает такое настроение...

Отец Овенес и Вардан уселись, за маленький стол, на котором горела сальная свеча и стоял кипящий, самовар”. Преосвященный налил себе и Вардану чаю. Они

пили молча. Горячий чай немного успокоило Вардана, на разговор не клеился.. Но вот заговорили о том, что одинаково интересовало их обоих.

- Как: здесь смотрят на наше дело?- спросил Вардан.

- Коротко объясню тебе,- ответил, преосвященный.- Сюда прибыл из Турции один архимандрит, которого должны были рукоположить в епископы. Он еще здесь, возможно ты встретишься с ним. Вначале он в мрачных красках рисовал положение турецких армян, рассказывал о зверствах, которые чинят над наши курды, о произволе турецких властей, о варварстве, творимом там, и. приводил в доказательство такие неопровержимые факты, что ему нельзя было не поверить. Но после того, как он повидался с “ососами”, архимандрит заговорил совсем иначе, стал восхвалять гуманность турок, расписывал их великодушие, честность, справедливость. Ничего другого не оставалось бедняге. Если бы он не покривил душой и не стал превозносить то, что ему было ненавистно, возможно, он не получил бы желанного епископства. Приведу еще один пример. Другой архимандрит, монастырь которого был разграблен курдами, приехал сюда просить о помощи. Этот с еще большим жаром описывал, как притесняют народ курдские беки и турецкие власти. Когда его жалобы дошли до “осооов”, они не только не вняли его просьбам о помощи, но велели изгнать из монастыря. И этот горемыка точно так же вынужден был отказаться от своих слов. Только после этого он был допущен в покой католикоса и уже не заикался ни о монастыре, ни о народе, ни о бесчинствах курдов. Больше того, этот архимандрит, всеми силами стараясь выслужиться перед “ососами”, на одном празднестве провозгласил тост за здоровье султана. И это в то время, когда в Баязете и Алашкерте турки резали армян! Теперь, полагаю, тебе ясно, как здесь смотрят на этот вопрос.

Вардан не верил своим ушам. Ему казалось, что все это он слышит во сне. Он не мог постигнуть, как можно было дойти до такого полного бессердечия, граничившего с предательством. В этот трагический момент, когда народ очутился над бездной, когда его физическое существование и все его будущее висели на волоске, - в бедственный момент, когда взоры всего народа были с надеждой обращены к своему спасителю Арарату,- он встречает полное равнодушие со стороны своих духовных пастырей и видит их на коленях перед своим врагом, перед своим убийцей.

- Неужели все духовенство так настроено?- с волнением спросил Вардан.

- Нет, только “ососы”; они находят, что турецкое правительство поступает законно и справедливо и что те, кто ропщет и выражает недовольство,- клеветники.

- А-а, понятно! “Ососы” из той же разновидности людей, что и Томас-эфенди, а Томасам-эфенди на руку турецкие порядки. Но почему они не берут пример с патриарха Нерсеса, с Хримяна и Нарбея, славные имена которых войдут в историю Армении?

- Ты очень наивен, мой друг,- сказал монах.-Уверяю тебя, что, если б только это было в их силах, они уничтожили бы все следы деятельности Нерсеса. Впрочем, они пытаются это сделать. Они утверждают, что Нерсес и его приверженцы все до одного шарлатаны, что они обманывали народ, не заботились об интересах армян (дескать, незачем заботиться), что они служили орудием в руках некоторых европейских дипломатов, которые извлекают политическую выгоду, стараясь обвинить бедняжку Турцию во всех смертных грехах и потуже затянуть петлю на ее шее. Здесь высмеивают тех армян, которые доверчиво ждали чего-то хорошего от “затей” Нерсеса. “Ососы” находят, что предъявлять какие-либо требования к туркам было бы наглостью со стороны армян, что турки дали армянам все, что нужно было, а большего они и не заслуживают. Если чего-то и недодали,- говорят они,- турки настолько великодушны, что сами не замедлят возместить это, и нет надобности понапрасну тревожить милосердное турецкое правительство.

- Неужели все монахи так настроены?- с негодованием воскликнул Вардан.

- Ш-ш,- насторожился преосвященный.

Он вышел из кельи, выглянул наружу, затем вернулся и, подсев к Вардану, сказал, понизив голос:

- Мы ведем себя неосторожно: здесь даже стены имеют уши.

В соседней комнате живет монах-эконом, у него дьявольский слух. Если он что-нибудь услышит, тотчас донесет...

- Я хочу знать, как настроены остальные монахи,- громко повторил Вардан, не обращая внимания на предостережение своего собеседника.

- “Ососы” составляют особую кучку. Есть здесь и честные люди, которые готовы

пойти на любые жертвы, чтобы облегчить положение турецких армян, если...

- Если позволят "ососы"!

- Вот именно, но что могут поделать эти бедняги: их так зажали, что они слова пикнуть не смеют, не говоря о большем.

Здесь есть некто Манкуни - сущий дьявол; пользуясь своим положением, он душит и давит всех. Я не понимаю дьявольской политики этих людей: народ изнемогает под турецким игом, ему грозит полное истребление, а они защищают турецких палачей.

- Для меня это тоже загадка, и я ничего не понимаю,- растерянно ответил преосвященный.

- Но чем они объясняют бегство алашкертцев, резню армян в Баязете, пожар в Ване?

- Чтобы оправдать турок, у них всегда наготове заученные фразы. Всю вину они возлагают на армян - армяне, дескать, беспокойный, неуживчивый и неблагодарный народ, и ссылаются на поговорку: "Виновата овца, раз волк ее съел".

Причину бегства алашкертцев они видят не в резне, заставившей несчастный народ покинуть свою родину, а таинственно намекают на чьи-то происки. Насколько это объяснение неверно, тебе должно быть ясно самому. Ты был очевидцем этих событий...

- После того, что ты рассказал, мне непонятно, на что ты надеешься, оставаясь здесь? Скажи на милость, какую помощь они могут тебе оказать?

- Никакой, я сам это понимаю. Но что мне Делать, к кому обратиться?

- Обратитесь к армянской общественности.

Преосвященный ничего не ответил и после минутного раздумья сказал, как бы размышляя вслух:

- Сейчас трудно все объяснить... Но со временем позорная истина выйдет наружу...

Слова эти несчастный монах произнес голосом, исполненным глубокой печали.

Отчаяние его было так велико, что он уже не владел собой. Да и зачем ему было притворяться перед Варданом, с которым он был тесно связан общим делом.

Разговор снова зашел о беженцах. Пастырь рассказывал о бедствиях своего народа, о том, какие невзгоды выпали на его долю, предлагал средства, которые могли бы спасти его от окончательной гибели.

- Меня поражает огромное количество больных беженцев,- перебил его Вардан,- ведь больше половины беженцев больны.

- Что за причина?

- Если бы ты знал подробности этого бегства, ты не удивлялся бы этому. Как они могли вообще уцелеть - это чудо, настоящее чудо! Кое-что уже изгладилось у меня из памяти, да и не хватит слов, чтоб описать тебе все это. Расскажу тебе лишь отдельные факты.

После осады Баязета, подробности которой тебе известны, генерал Тер-Гукасов вынужден был отступить; тогда он совершил два подвига. Отступая, он вел бои против многочисленной турецкой армии, заняв оборонительную позицию, и вместе с тем старался спасти от резни армянское население Алашкертской и Баязетской провинций. В этой стратегической операции генерал проявил свой гений: он так долго сдерживал свирепый натиск турецких полчищ, что до их вторжения армяне успели бежать. Но времени было слишком мало, и население оказалось неподготовленным. Известие о том, что русские войска отступают и надо спасаться бегством, иначе турки всех вырежут, с быстротой молнии облетело обе провинции. Людей охватила паника. Враг стоял у порога, нельзя было медлить ни минуты.

Приходилось покидать родной край. Мне трудно описать ужасную ночь, когда народ бросал насиженные места. Очень немногие имели арбы, потому что они были реквизированы для военных поставок. Люди бежали, оросив домашнее имущество или предав его огню; матери несли на руках маленьких детей, отцы тащили жалкий скарб, который могли унести на себе. Почти весь домашний скот остался на полях, не было времени пригнать его. Отец уходил, не дожидаясь сына, брат забывал о брате. Каждая минута была дорога, враг шел по пятам. Те, кто замешкался, пали жертвой резни, кто успел уйти - спаслись; но их подстерегали на пути новые превратности - голод и болезни. Чтобы избежать встречи с врагом, нас вели по таким дьявольским горным тропинкам, что женщины и дети шли с трудом.

Болезни - следствие тех лишений, которые беженцы вынесли в пути. Люди должны были пройти без остановок и без отдыха в несколько дней такое расстояние, на которое требовались недели. Женщины, девушки, старики и дети шли пешком, лишь

немногие имели вьючных животных. Многие не вынесли изнурительного перехода и погибли в дороге. Никому не было до этого дела. Люди шли ничего не сознавая, во власти кошмара, бесчувственные ко всему. Сердца их очерствели. Прибавьте к этому голод, жажду и непривычный климат - и вы найдете объяснение болезням. Четвертая часть беженцев погибла в пути. Короче говоря, история армянских пленников, угнанных шахом Аббасом в Исфагань, которую такими -мрачными красками рисуют наши летописцы, кажется пустячной в сравнении с тем, что мы пережили.

Вардан плохо слушал преосвященного, мысли его были заняты Лалой. Увы, ведь и она была среди беженцев и подвергалась тем же лишениям. Правда, Джаво сообщила ему, что по распоряжению Хуршид ее увезли в русские края, но ведь ее сопровождали курды, и вряд ли их пропустили через русскую границу. Скорее всего Лала и ее невестка Сара присоединились к какой-нибудь группе беженцев. Но как их найти? Живы ли они? Эти вопросы мучили Вардана.

- Владыка, ты ничего не знаешь о судьбе семьи старосты Хачо?- спросил он.- Я бы хотел ее разыскать.

- Это довольно трудно, беженцы расселены по разным местам. Но я поручил священникам и старостам составить именные списки и указать, где и в каком положении находится каждая семья. Когда я получу эти списки, легче будет отыскать семью Хачо.

- А когда вам их принесут?

- Пожалуй, завтра или послезавтра, точно не знаю.

Эта отсрочка казалась Вардану бесконечной. Он провел мучительную ночь.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Мерный звон монастырских колоколов возвестил наступление утра. Многие счастливики монахи еще не жилились в своих мягких постелях,, другие, менее счастливые, спешили на молитву в божий храм.

Отец Ованес проснулся в это утро очень рано и, стараясь не разбудить Вардана, вышел из своей кельи. Он шел не к заутрене,-у него вошло в привычку каждое утро навещать беженцев, живших в Вагаршапате. Но сегодня картины человеческих страданий так потрясли; его, что он был не в силах обойти всех, кого хотел пометить. Всюду он видел одно и то же: там и тут, прямо на земле, среди нечистот, валялись целыми семьями больные беженцы. Среди них не было ни одного здорового человека, который мог бы оказать помощь другим.

В полном отчаянии возвращался преосвященный монастырь. Он мысленно изыскивал способ, как проникнуть сегодня в покои католикоса, чтобы просить безотлагательной помощи народу, находившемуся¹ под угрозой вымирания.

Мимо него по улице проехал фаэтон. Седок, увидев преосвященного, приказал остановиться.

- Хорошие новости,- сказал он, сойдя с фаэтона и здороваясь с преосвященным,- ереванский губернатор утвердил состав комитета для вспомоществования беженцам. Членами комитета назначены люди довольно надежные. Из Тифлиса тоже получены утешительные вести: местный комитет действует энергично, обещают скоро прислать деньги и медикаменты.

- Приятно слышать,- ответил преосвященный,- здесь тоже собираются поедать предписание духовным ведомствам.

- А чье это распоряжение?

Преосвященный показал, рукой на монастырь. Его собеседник рассмеялся в ответ.

- Пустая затея,- сказал он, - все равно эта пожертвования не попадут к алашкертцам.

Собеседником преосвященного был Мелик-Мансур.

- Ты меня обрадовал своей вестью,- сказал преосвященный,- и я, в свою очередь, хочу порадовать тебя.

- Чем?

- Вардан здесь, сидит у меня в келье.

- Неужели! Значит, этот дьявол жив? Я не думал, что люди возвращаются с того света! Пойдем.

Они направились к монастырю. По дороге Мелик-Мансур спросил преосвященного:

- Владыка, ты хорошо знаешь Вардана?

- Я знаю его больше пяти лет. В наших краях он известен как бесстрашный

контрабандист, но долгое время никто не догадывался об истинных причинах, заставивших его заниматься этим делом. Он перевозил оружие и бесплатно раздавал его крестьянам и только для отвода глаз занимался торговлей. Намерения у него были самые похвальные, но, к сожалению, его усилия пропали даром...

- Я встречался с ним всего несколько раз,- сказал Мелик-Мансур,- но никто не внушал мне такую симпатию, как этот малый. Я убедился, что он энергичный, мужественный и храбрый человек и беззаветно предан друзьям.

- К тому же, Вардан дьявольски умен. Он сделал много такого, что не по плечу даже видному деятелю в течение всей его жизни. Но он крайне скромный "человек и держится в тени.

Вардан, проснувшись, не обнаружил отца Ованеса в комнате. Солнечные лучи, проникая через узкие оконца кельи, заливали ее ярким светом, но в комнате было очень душно. Он распахнул окно. Утренняя прохлада приятно освежила его разгоряченное лицо, но на сердце у него лежала тяжесть, что-то душило его. Преосвященный запаздывал. Не в силах больше ждать его, Вардан решил выйти из кельи и подышать воздухом, но так как он не хотел ни с кем встречаться, то прошел через задние ворота монастыря и направился прямо к пруду. Здесь он увидел на берегу знакомую фигуру монастырского старца.

- Здравствуйте, дед,- приветствовал его Вардан.

Весь монастырь называл старца "дедом". Дед грелся на солнце. Он напоминал индусского аскета-дервиша, который не моется, не причесывается, не стрижет ногтей и ходит в отрепьях. Услышав голос Вардана, старец поднял голову, заслонился рукой от солнца и сказал:

- Голос мне знаком, но я не узнаю тебя, сынок,- глаза стали плохо видеть. Кто ты?

- Я Вардан.

- Долгой жизни тебе, сынок! Дай-ка я тебя поцелую. Как ты возмужал!- Старик обнял Вардана.- Садись, сынок, вот здесь, рядом со мной. Вот так, хорошо. Какой ладный парень из тебя вырос. Помнишь то время, когда ты, словно кошка, прокрадывался в мою келью и таскал у меня фрукты? Тогда ты был еще мальчуганом.

- Помню, дед,- со вздохом ответил Вардан,- воровству я здесь научился...

- Кто же теперь не ворует, сынок? Все кругом воруют.

Честности не найдешь, как птичьего молока. Еще двух дней не прошло, как у меня из кельи выкрали несколько сот рублей.

Будь они прокляты! Эти деньги я отложил на упокой души.

Как им удалось найти, ума не приложу, сам сатана бы не нашел.

Я засунул деньги под потолочную балку... Ах, окаянные, окаянные...

Обворовывание старца было таким обычным явлением в монастыре, что Вардана это нисколько не удивило. Этот почти столетний старец за всю свою жизнь не истратил ни копейки, а все, что попадало в его руки, он привык прятать. Когда у него накоплась большая сумма денег - сотня или тысяча,- чья-то невидимая рука неожиданно похищала их. За последнее время участились случаи воровства из его кельи, и старец научился ловко прятать свои деньги: в его комнате было множество щелей, и он засовывал их туда по частям, поэтому никогда не случалось, чтобы разом унесли все, хотя старец обычно клялся и божился, что его обобрали дочиста.

Старец был отъявленный скопидом, Вардан знал об этом с детства,- о его скупости в монастыре ходили целые легенды. Старец считался одним из самых богатых монахов. Иные из монахов приобретали свое богатство темными путями, а старец - скопидомством.

- Ты слишком любишь деньги, дед, зачем они тебе?

- Эх, сынок, "люди клянут волка, а иная лиса и верблюда слопает"! А кто теперь не любит деньги? Деньги - это все люди трудятся ради денег.

Он дрожащими руками вынул из-за пазухи табакерку, открыл ее и увидел, что она пуста. Наверное он в сотый раз сегодня открывал эту злосчастную табакерку и каждый раз, убеждаясь, что она пуста, надеялся, что она чудом наполнится.

- Будь проклят учитель Симон, ты же ведь его знаешь: я дал ему двадцать копеек и табакерку, просил привезти мне из города табак, а он и деньги проел и табакерку не вернул. У тебя нет табаку, Вардан?

- Я его не употребляю, дед.

На счастье старца, недалеко валялась недокуренная папироса; он подошел, поднял окурок, сорвал бумажную обертку, высыпал на ладонь почерневший табак, растер его дрожащими пальцами и заложил понюшку в нос.

- Неужели тебя так бедно содержат, дед, что даже на табак не дают денег?

- Эх, сынок, мир изменился, прошли времена благочестивого Нерсеса. Тогда были любовь и единение, стариков почитали, а сейчас все пошло кувырком. Кто ловко врет и умеет хитрить- тому и почет. Кому нужны такие замшелые грибы, как я. Теперь появилась новая порода кур, которая несет железные яйца.

Старец был одним из рьяных почитателей Нерсеса; имя этого незабвенного католикоса он произносил с благоговением. Видя всякие злоупотребления и сетуя на них, он неизменно вспоминал времена Нерсеса, которые были для него золотым веком Эчмиадзина¹.

Вот и теперь старец с восторгом стал вспоминать былое. Указав на красивый пруд, он объяснил, с какой целью устроил его этот великий человек; показав на развалины на берегу пруда, он сказал, что здесь должна была быть бумажная фабрика, чтобы монастырь имел свою бумагу, а теперь крестьяне привязывают здесь своих ослов. Указывая на другие развалины, по другую сторону пруда, он сказал, что там должна была быть шелкоткацкая фабрика, поэтому святейший насадил кругом так много тутовых деревьев. Говоря об этом, старец не мог удержаться от слез,- он вспомнил, что святейший любил посаженные им деревья, как нежный отец любит своих детей.

- Идя в лес,- сказал он,- святейший брал с собой садовые ножницы и собственноручно подстригал деревья. Он знал каждое дерево, следил за его ростом и радовался, глядя, как разрастается лес.

Вардан, видя, что излияниям старца не будет конца, встал, намереваясь уйти.

Вардан наклонился к нему, и тот шепнул:

- Уходи отсюда поскорее, сынок, а то на тебя здесь косятся...

- Меня здесь еще никто не видел, дед.

- Достаточно, если увидит один; я слышал о тебе нехорошие разговоры.

- Вы же плохо слышите, дед?

- Дед плохо слышит тогда, когда это ему выгодно; все, что нужно, он слышит хорошо.

Вардан рассмеялся и ушел, а старец крикнул ему вслед:

- Послушай, Вардан, если тебе случится побывать в городе, не забудь привезти мне немножко табаку, ты же видел, что у меня пустая табакерка.

В этот момент появились Мелик-Мансур и преосвященный.

- О чем ты говорил со старцем?-спросил Вардана преосвященный.

- Это единственно честный человек в монастыре,- ответил Вардан, здороваясь с Мелик-Мансуром, и обратился к нему: - Мне необходимо с вами поговорить,, но только не здесь, нет ли у вас в городе знакомых?

- Есть,- ответил Мелик-Мансур.

Осторожность Вардана была вызвана не только словами старца, он и сам старался держаться подальше от монастыря. Притом его заботила судьба Лалы, он надеялся напасть на ее след и принимал все меры, чтоб ее отыскать” Он попросил преосвященного дать ему знать немедленно, как только будут получены списки беженцев.

- Я узнал,, что. списки- мне скоро доставят,- сказал преосвященный.- Я тотчас оповещу тебя.

- А, вы знаете, где я живу?- спросил Мелик-Мансур.

- Знаю.

- Пойдем Вардан.

В этот момент на дороге показалась похоронная процессия. Несколько алашкертцев несли гроб. Хоронили без священника,- тот не успевал отпевать покойников и не отлучался с кладбища. За гробом молча: следовала женщина, которую вели под руки. Она была настолько убита горем,,; что уже не в состоянии была плакать. Двое ребятишек, держась за ее подол, горько плакали. Из вагаршапатцев за гробом шел только знакомый нам доктор, заметно выделявшийся в этой кучке жалких, оборванных людей.

Вардан и Мелик-Мансур не обратили никакого внимания на эту печальную процессию. Они каждую минуту наталкивались на такое зрелище, и оно стало Для них привычным.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

При виде Мелик-Мансура Вардан, казалось, немного повеселел. Его утешала

надежда, которую подал ему преосвященный. Он рассчитывал, что через священников и старост, прибывших вместе с беженцами, можно будет получить сведения о семье Хачо. Мысленно он представил себе, что найдет Лалу и постарается своей любовью искупить все страдания, которые выпали

на ее долю.

Дом, куда его вел Мелик-Мансур, помещался на одной из старых улиц Вагаршапата. Дома на этой улице были приземистые и убогие, но, так же как и во всем Вагаршапате, имели обширные дворы и тенистые сады.

- Ты, пожалуй, не очень-то будешь рад,- сказал ему дорогой Мелик-Мансур,- когда узнаешь, куда я тебя веду.

- Мне все равно,- равнодушно ответил Вардан,- я хочу узнать подробности о Салмане. Там нам никто не помешает?

- Никто.

- Они подошли к дому и потянули за дверной молоточек. Им открыла какая-то старуха.

- Принимай, нани, гостя!- воскликнул Мелик-Мансур.

Старуха метнула на Вардана хитрый взгляд и промолвила:

- Войдите...

- Нани, дай нам поскорей вина, а то во рту пересохло,- попросил Мелик-Мансур и, шагнув к старухе, произнес с угрозой:- Смотри, попадет тебе, если впустишь постороннего.

Старуха таинственно покачала головой и ушла.

Войдя в маленькую, но довольно чисто прибранную комнату, молодые люди уселись за стол. Несколькими минутами позже в комнате неслышно появилась молодая женщина, молча поставила на стол бутылку вина и два стакана и так же молча вышла. Армянский головной убор закрывал ее лицо, виднелись только сверкающие черные глаза и дугообразные брови. Но и это позволяло судить о красоте молодой женщины.

Мелик-Мансур наполнил стаканы, отпил один и, протягивая другой Вардану, сказал:

- Как хорошо, что большая часть наших монастырей находится в глухих местах, среди гор и ущелий. Нигде нет столько мошенников и распутников, сколько в Вагаршапате. Нигде нет столько беспутных женщин, как здесь. Вот эта красотка, которая сейчас заходила сюда с видом скромницы,- любовница одного инок. Я когда-то думал, что монастырь - это оплот благочестия, но, пожив здесь, убедился в обратном. Своим поведением монахи сеют в народе неверие, развращают его. Здесь уже появляются ростки протестантства. Проходя по улицам, ты, вероятно, видел немало новых домов, и, если расследовать, кому они принадлежат, окажется, что ими владеют люди, которые находятся в тесном родстве с монахами. Все они были раньше бедняками и разбогатели только благодаря монастырю. Признаться, меня глубоко возмущает, что здесь бросают на ветер сотни тысяч, в то время как нам дорога каждая копейка. Нам не хватает денег на самые необходимые нужды. В Константинополе патриарху нечем покрыть свои расходы: национальный сундук пуст, а на патриарха сейчас возложены такие задачи, что всякое промедление может причинить огромный ущерб нашей нации. К тому же я не вижу и тени согласия между константинопольским патриархом и Эчмиадзином. Манкуни потерял в Константинополе на биржевых операциях двадцать пять тысяч. Я слышал, что на днях он послал туда еще тридцать тысяч, но с какой целью - одному дьяволу известно, а армянский патриарх, единственный дельный человек, не имеет за душой ни копейки...

- Это вино, кажется, немного прокисло,- перебил его Вардан.

- Ты не слушаешь меня,- с огорчением заметил Мелик-Мансур.

- Я слышал, ты сказал, что у патриарха нет денег!

- Почему ты так равнодушно говоришь?

- А что говорить, когда мне ясно одно: нация, которая возлагает все свои надежды на духовенство, обречена на гибель.

В комнате опять неслышно появилась молодая женщина; она поставила на стол поднос с завтраком. На этот раз край головного покрывала, который раньше оставлял открытыми только глаза и брови - был откинут и виднелись ее нежные, пунцовые губы.

- Подай нам еще бутылку вина,, но получше, попросил ее Мелик-Мансур.

Женщина, молча вышла.

- Я удивляюсь, как ты мог выбрать себе такое пристанище?- заметил Вардан.

- Если хочешь поближе узнать монахов, нужно завести дружбу с их любовницами,-

усмехнулся Мелик-Мансур;- Кроме того, здесь каждую ночь собирается целое общество, я узнаю много интересного.

- И прежде всего о- монастырской жизни,- шутливым тоном заметил Вардан.- Но давай оставим на время монастырь и поговорим о нашем деле. Я хочу хоть что-нибудь- узнать о судьбе Салмана и обо всем,, что произошло за время моего отсутствия. В сущности, я ничего не знаю; хотя преосвященный Ованес мне кое-что рассказывал.

Словно черная туча заволокла веселое лицо. Мелик-Мансура и его синеватые губы задрожали, когда в; памяти вдруг воскресли картины печального, прошлого, которые он на время предал забвению, Он залпом осушил полный стакан.

- Хорошо,-произнес он взволнованно;- ты: узнаешь, правду, хотя это тебе и, не принесет радость. Салмана? арестовали ночью. Я узнал об этом на следующий день. Доносчик так ловко все подстроил, что. даже хозяин дома, где он ночевал, ни о чем не догадался. Меня известил об этом один человек, который случайно, видел, как вели; арестованного Салмана. Я первым делом собрал всадников, верных, мне людей Возможно, нам и удалось, бы. спасти Салмана, но, мы разминулись, со стражниками его повезли па, другой дороге. К несчастью, мы не предусмотрели такой возможности. Нас. было больше двадцати всадников - людей, готовых на все. После долгих поисков мы наконец напали на его след и поехал в то село, где в это время находился паша, военный начальник, - к нему и был доставлен несчастный юноша. Из расспросов я узнала что Салмана сейчас же удушили. Мне не удалось получись даже тело бедняги. Так варварски вести себя по отношению к мертвому могут только звери. Это злодеяние наполнило мое сердце гжучим чувством мести, и мы поклялись именем невинной жертвы отомстить за него.

Вслед за, Салманом как тебе известно, арестовали старика Хачо и. его сыновей. - Айрапета и Апо. За ними в тюрьме был установлен очень строгий надзор: видимо они хотели выманить все золото у старика, а потом умертвить его. Но Хачо и его сыновья не смогли долго выдержать пыток и все трое умерли в тюрьме.

После этого мне стало ясно, какая участь ждет деревню О... Я отправился к Исмаил-паше, командовавшему войсками Баязетского края. Он человек довольно умный, и я надеялся, что сумею повлиять на него. Я откровенно признался ему, что мы ведем подготовку, вооружаем народ и роздали довольно много оружия. "Но,- говорю я,- вас ввели в заблуждение - мы готовимся не к восстанию, а к самозащите. Религиозный фанатизм, разжигаемый исламским духовенством, принял такие опасные формы,- сказал я ему,- что все христиане станут его жертвами, если не будут защищаться с оружием в руках. Об этом,- добавил я,- следовало позаботиться самому правительству, чтобы избежать повторения печальных событий, имевших место в Болгарии, за которые несет ответственность Турция. Значит, - сказал я, - правительство должно быть признательно нам, что мы взяли на себя часть его забот, поскольку оно не выполнило свой долг. Мы вооружили христиан, чтобы они могли защищаться и не стали жертвами фанатизма мусульман".

Лукавый паша выказал мне полное сочувствие, обещал приложить все усилия, чтобы армянам не был причинен вред, сказал, что безотлагательно примет все меры, чтобы обезопасить жизнь и имущество армян. В это время началось отступление русских войск и разнесся слух, что армяне уходят вместе с ними. Паша поручил мне уговорить армянское население не трогаться с места. Я охотно взялся за это, но как только он меня выпроводил, тотчас послал приказ Фатах-беку предать огню деревню О... Фатах-бек со своими головорезами поджег деревню и вырезал половину населения. Этот случай навел ужас на весь уезд, число беженцев росло с каждым днем. Старания мои и моих единомышленников ни к чему не приводили: охваченные паникой люди покидали насиженные места. У всех перед глазами был пример с деревней О... Людей не остановил бы даже голос с неба,- они все равно не поверили бы, что их не постигнет та же участь... Обман коварного паши окончательно убедил меня в том, что турецкие власти заинтересованы в уничтожении армян и стремятся к тому, чтобы в Армении не осталось ни одного армянина.

Мне и моим единомышленникам удалось уговорить лишь незначительную часть армян. В то же время Исмаил-паша -в отместку за то; что часть армян ушла с русскими войсками, разрешил учинить расправу над оставшимся населением. И тогда курды со страшной жестокостью начали резню... Я до сих пор уверен, что, оставаясь люди на месте, они сумели бы защитить себя. Вполне понятно, что регулярные турецкие войска не стали бы нападать на мирных жителей. Местные власти не допустили бы такого

явного варварства, тем более, что Алашкертская и Баязетская провинции в это время кишели английскими агентами и иностранными корреспондентами. Местная власть делала то, что и следовало ожидать, а именно - подстрекала курдов против армян, а сама сквозь пальцы смотрела на их злодеяния. Курдов можно было бы одолеть. Мое предположение подтверждает один замечательный случай. Расскажу коротко.

Когда русские войска оставили Баязетский и Алашкертский уезды,- иначе говоря, когда эти края вновь перешли в руки турок,- как я уже тебе говорил, курды принялись грабить и истреблять оставшееся население. В ответ на это несколько сот армянских семейств покинули свои дома и засели в горах. И знаешь, тысячные отряды курдов в течение нескольких недель сражались против горсточка армян, а эти храбрецы не только не думали сдаваться, но совершили несколько удачных вылазок, захватили богатую добычу и военное снаряжение. Я с чувством гордости вспоминаю эти незабываемые дни. Сражались не только молодые, но и старики и женщины. Теперь я уверен, что рабство не может убить геройский дух в народе, если он унаследовал его от предков. Рабство может подавить его, но убить - не может. Пробьет час, и этот дух снова возродится в нем, еще более могучий! Я воочию в этом убедился, и это единственное, что меня утешает.

Мрачное лицо Вардана просветлело, он поднял глаза, словно в душе возносил молитву всевышнему. - Чем же кончилось дело?- спросил он. - Нас долго не могли одолеть, ведь мы были защищены неприступными горами. На помощь курдам были призваны регулярные войска. Однако мы продолжали сопротивляться, на нашей стороне была неодолимая сила - горы Армении, надежные защитники повстанцев. Вскоре у нас истощились патроны и провиант. Против этого нового коварного врага мы были бессильны. Правда, иногда по ночам повстанцы спускались в долины и, совершая набеги на ближние курдские деревни, приносили добычу. Но это удавалось редко, потому что курдские деревни пустовали,- население пасло скот на дальних пастбищах. Долго продержаться так мы, разумеется, не могли: вокруг не осталось ни одной армянской деревни, неоткуда было ждать помощи. А враг все теснее окружал нас. И вот тогда-то повстанцы проявили исключительную храбрость. Однажды ночью они прорвали цепь и прошли через главный лагерь противника. Это тем более удивительно, что среди них были не только мужчины,- на это дерзкое предприятие отважились и женщины и дети.

- Куда же они ушли?- нетерпеливо спросил Вардан.

- Перейдя турецкую границу, они ушли в Персию. Но в пути их подстерегало немало опасностей.

- Значит, ты прибыл сюда из Персии?

- Да.

- Какие же у тебя намерения?

- Намерение у меня одно, и я думаю, ты согласишься со мной,- ответил Мелик-Мансур серьезным тоном.-Надо постараться облегчить участь беженцев, чтобы они не погибли все от голода и болезней. Я уверен, что русские подтянут силы и вновь вернут захваченные турками земли. Когда опять наступит мир, надо, чтоб население Алашкерта и Баязета вернулось на свои насиженные места. Это имеет большое значение для будущего Армении,- нельзя допускать, чтобы две смежные провинции - Алашкертская и Баязетская - опустели.

- А ты думаешь, что они останутся в руках русских?

- Возможно, после заключения мира они снова перейдут к Турции, но я уверен, что обстоятельства изменятся и подобный произвол не повторится. Побитый турок возьмется за ум.

Есть у меня и другая надежда...

В комнату заглянула старуха и сказала, что какой-то священник спрашивает Вардана. Вардан сразу понял, что это посланец преосвященного, и приказал впустить его. В комнату вошел отец Марук, священник из деревни О...

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

С завтраком было покончено, и на столе пустовало уже несколько бутылок, когда в комнате появился отец Марук. Вардану было крайне неприятно снова увидеть человека, который в деревне О... причинил ему и его другу Салману столько неприятностей. Но обстоятельства невольно вынуждали его примириться со старым врагом.

Изнуренный вид, поношенная одежда делали отца Марука похожим скорее на

нищего, чем на священнослужителя. Это невольно смягчила Вардана. К тому же он надеялся получить от него сведения о семье старосты Хачо, судьба которой так тревожила его;

- Вы посланы преосвященным?- обратился он к отцу Маруку, приглашая его сесть.

- Да, преосвященным...- подтвердил тот, присаживаясь к столу, на котором еще стояла нетронутая бутылка вина.

Вардан наполнил стакан и подал его отцу Маруку. Тот, благословясь, выпил. Вино взбодрило его, подобно тому, как целебная роса, падая на иссушенную зноем почву, освежает ее.

Видя, что застывшее лицо священника немного оживилось, Мелик-Мансур спросил его:

- А не желаете ли поесть?

- Я со вчерашнего дня ничего не ел,- жалобно ответил священник.

Мелик-Мансур позвал старуху и велел ей подать священнику завтрак.

Вардан испытывал замешательство. У него было состояние человека, который, обнаружив, что дом его разграблен, живет последней надеждой: авось грабителя не тронули его тайник, где он хранил свои сокровища. Он с бьющимся сердцем приближается к тайнику и в нерешительности стоит перед ним, с ужасом представляя себе, что он пуст.

В такой же нерешительности находился сейчас и Вардан: а душе, у него еще теплилась надежда, что Лала жива. От одного слова этого священника зависела его участь. Хватит ли у него мужества и душевных сил услышать недобрую весть? Сердце у него заныло от тяжелого предчувствия; он хотел забросать священника вопросами, но слова застревали у него в горле.

Мелик-Мансур ничего не знал о любви Вардана и Лалы. Он даже не был знаком с семьей старика Хачо, но, видя волнение Вардана, предложил:

- Может быть, ты хочешь наедине поговорить с батюшкой?

Я могу уйти...

- Нет, от тебя у меня нет секретов,- сказал Вардан и обратился к священнику:- Батюшка, вы передали преосвященному список ваших прихожан? Мне бы хотелось узнать, есть ли здесь беженцы из деревни О... и где они прошивают.

- Благословенный, а кто уцелел из моих прихожан, чтобы я мог составить список?- проговорил священник, таким безразличным тоном, словно речь шла о курах... - Я могу по пальцам пересчитать тех, кто остался жив.

Вардан побледнел.

- Неужели всех вырезали?- вырвалось у него.

Может быть, и не всех, но,, во всяком случае, в деревне О никого не осталось. Куда они девались - не знаю. Никому из христиан не пожелаю такой беды, какая постигла деревню О., упаси боже! Мы наказаны за наши грехи. Мы были испепелены, как Содом и Гоморра; того, кто спасся из огня, курды или угнали в плен, или вырезали. За одну ночь деревня стала пепелищем. Пропали мои деньги, пропали!.. Нет уже надежды что-нибудь получить... Томас-эфенди - упокой господи его душу!- обещал выискать с моих должников, да тоже приказал долго жить... Вот я и остался нищим, бездомным; вы видите, на что обрекла меня судьба - и он показал на свои лохмотья.

Слезы потекли по лицу бедного священника. Он разрыдался. Быть может, он вспомнил свою невестку Зуло и ее детишек, которых не оказалось среди беженцев? А может, вспомнил своего зятя, дьячка Симона, и его жену, свою родную дочь, пропавших без вести? Может быть, его мучила боль за народ, -пастырем которого он был и гибель которого описывал сейчас с таким равнодушием? Нет, те это было причиной слез священника: он горевал только о своих деньгах, причитавшихся ему с паствы. Но ее-то теперь и не было, а следовательно, не с кого было взыскивать долги.

Об этих долгах, причинявших столько горя священнику, Вардан ничего не знал и не обратил внимания на его причитания. Он не решался продолжать расспросы и даже был отчасти рад, что священник, говоря о своих деньгах, уклонился от его вопроса. Стараясь заглушить душевную тоску и волнение, Вардан выпил стоявший перед ним стакан вина. Однако вино еще больше взбудоражило его.

На выручку ему пришел Мелик-Мансур. Он слышал о горестной смерти Хачо и его двух сыновей, но об остальных членах этой семьи ему ничего не было известно.

- А из семьи Хачо кто-либо уцелел?- спросил он.

- Никто,- хладнокровно ответил старик.- Староста, а двое его сыновей умерли в тюрьме (об этом вы, должно быть, слышали), остальных сыновей вырезали, а невесток

и девушек угнали в плен...

- Всех?! - в ужасе вскрикнул Вардан.

Священник, видя, какое впечатление произвели на Вардана его слова, понял, что допустил неосторожность.

- Сара здесь,- сказал он,--- с двумя детьми и с Лалой.

Буйная радость охватила Вардана. Он походил на человека, который, потерпев кораблекрушение и очутившись в бушующем море, борется с яростными волнами, чувствуя, что иссякают его силы, и вдруг неожиданно оказывается выброшенным на берег.

- Лала здесь... Сара здесь... Значит, я их увижу... Благослови тебя бог!-крикнул он, вскакивая с места.

- Пойдемте, батюшка, вы, наверное, знаете, где они живут! Идем со мной,- сказал он, хватая за руку Мелик-Мансура.

Друзья вместе со священником вышли из дому. Но радость Вардана была непродолжительной. Священник еще не знал о последней беде, постигшей Сару.

Если бы сегодня утром, выходя из монастыря, Вардан обратил внимание на похоронную процессию, направлявшуюся на кладбище, он узнал бы роковую весть. Но, видно, судьба была к нему безжалостна: она лишила его возможности в последний раз увидеть любимую девушку.

Заболевших Сару и Лалу из монастыря перевели в тот дом, который подыскал для них сердобольный доктор. - Хозяйка, чьим заботам они были поручены, отнеслась к ним с состраданием, особенно когда узнала, что они происходят из богатой и почтенной семьи.

Нравственные и физические страдания совсем докончили девушку - в первую же ночь у нее открылась сильная горячка. Хозяйка немедленно послала за врачом. Осмотрев больную, врач нашел, что ее жизнь висит на волоске. "Надежды нет",- сказал он хозяйке и провел большую часть ночи возле постели больной, стараясь поддержать ее угасавшие силы. После полуночи Лала почувствовала себя лучше, врач ушел. Но когда утром врач пришел ее проведать, она была уже мертва...

Сара сначала ни о чем не догадывалась, хотя лежала в той же комнате, но когда она услышала удары молотка плотника и увидела гроб - ей все стало ясно. У бедной женщины даже не было сил заплакать.

Казалось, она радовалась, что кончились мучения Лалы, что бедняжка нашла успокоение, навсегда покинула бранный мир, где ее ждали только страдания...

Когда выносили гроб, Сара попросила, чтоб ей разрешили сопровождать его, и, несмотря на протесты врача, настояла на своем. Казалось, это настойчивое желание вернуло ей силы и ясность сознания. Когда гроб опускали в могилу, Сара сказала:

- Я бы хотела, чтобы меня похоронили вместе с тобой, нежная Лала...

В это время ее взгляд упал на двух детей и голос у нее прервался...

Сару доставили с кладбища в беспамятстве, и в ту минуту, когда врач приводил ее в сознание, застучал дверной молоток. Слуга открыл дверь и увидел двух незнакомых молодых людей и священника.

- Кого вам нужно?- спросил он.

- Нам сказали, что в этом доме проживают алашкертцы,- сказал Вардан,- женщина и девушка.

- Да, проживают, но девушка...

- Что?

- Умерла...

Словно дерево, сраженное молнией, рухнул Вардан на руки Мелик-Мансура.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Непроглядный мрак навис над землей. Душная летняя ночь была насыщена зноем. Ни голоса, ни звука не слышалось в ночной тишине. Казалось, все кругом вымерло. Только в отдаленном углу кладбища св. Гаяне раздавались чьи-то глухие стоны. На одном из свежих могильных холмов, распростершись, лежал, юноша и безутешно плакал. Слезы градом катились из его глаз, орошая маленький холм. Охватив его руками, он прижимался к нему лицом и повторял: "Лала... несчастная Лала..."

Это был Вардан.

После долгих скитаний он нашел лишь могилу любимой девушки... Больше у него никого не было на свете. В его скитальческой жизни, полной бурь, невзгод и

опасностей, ему, как маяк, светила только одна яркая звезда, на которую были обращены его взоры. Она указывала ему путь к мирной пристани. А теперь она погасла. Что же у него осталось? Осталось его израненное, разбитое сердце, и не было бальзама, который мог бы залечить его раны. Потеря была невозвратной.

Этот хладнокровный, сильный духом и телом юноша никогда раньше не любил, но Лала пробудила в его сердце нежное чувство, растопила его, как воск. Любовь к Лале околдовала его. Где же был теперь его ангел-утешитель? Под этим могильным холмом, который он обнимал, орошая своими слезами,- под этим холмом было погребено сердце юноши.

Долго лежал он на могиле, отдавшись безутешному горю, пока не впал в оцепенение; голова юноши склонилась на холм, глаза смежились. В его воспаленном мозгу пронеслись хаотические видения. Что только ему не чудилось! Иногда он содрогался от адских картин, а порой пленительные видения вызывали у него восторг. Ему чудилось, что пронеслись века и он видит воскресшую из праха, обновленную Армению. Что это за чудо? Неужели утраченный когда-то рай вновь вернулся на эту землю? Неужели вновь пришли золотые времена, когда зло и несправедливость, не оскверняли эту благословенную богом землю? Нет, Вардану чудился не тот рай, который основал в Армении Иегова у истоков четырех рек, где прародители жили в первозданной чистоте. Это был не тот библейский рай, где человек не работал, не трудился, ничего не создавал и жил, питаясь плодами с обильного божьего стола, раскрытого перед ним чудесной природой. Это был другой рай - рай, созданный трудом человека. Здесь над наивностью торжествовал разум, а на смену беззаботной, бесхитростной патриархальной жизни пришла цивилизация. Казалось, теперь осуществились слова, сказанные творцом первому человеку: "Ты должен в поте лица добывать свой хлеб". Теперь человек не только трудился, но и сумел сделать труд легким, ему не приходилось проливать пот. Он работал для своего блага, плоды его труда не присваивал тиран.

Вот Вардан видит деревню. Разве это не деревня О..? Ему тут все знакомо: горы, река, зеленые поля. Течение веков здесь ничего не разрушило, но придало всему иной облик. Не стало больше жалких землянок, напоминавших скорее берлоги, чем жилье человека. Повсюду стояли светлые каменные дома, утопавшие в зелени садов. По краям широких и прямых улиц, затененных вечнозелеными деревьями, бежали прозрачные, чистые ручейки.

Утро. На улицу высыпали гурьбой деревенские ребятишки - здоровые, веселые и опрятно одетые. Мальчики и девочки, с сумками на плечах, спешили в школу. Вардан смотрел на них с восхищением. Как хороши были эти славные дети, какие они были веселые: видно, школа и учителя не пугали их. Неужели это те болезненные, ходившие в отрепьях дети, которых Вардан когда-то видел в деревне.

Вардан стоял посреди улицы и удивленно смотрел по сторонам, не зная, куда ему направиться. До него донесся мелодичный звон церковного колокола, призывавшего к утренней обедне. С того дня, как он покинул монастырь, впервые голос божьего храма так сладко прозвучал для него. Его очерствевшее сердце дрогнуло, и он направился к храму, порог которого не переступал более десяти лет.

Войдя в церковь, он был поражен: ни алтаря, ни иконостасов, ни храмовой росписи, ни позолоченных окладов, ни серебряных крестов, ни дорогих одеяний. Все было просто, никакой роскоши, которая так характерна для армянской церкви. Не видно было ни дьяконов, ни дьячков, ни псаломщиков. На стенах он увидел два изображения: Иисуса Христа и Григория Просветителя в простых черных рамах.

На длинных скамьях, держа молитвенники в руках, сидели мужчины и женщины. Священник стоял на амвоне перед раскрытой библией и читал проповедь. Одет он был так же, как прихожане. Проповедь его была настолько ясной и простой, что Вардан понимал все. Божьи слова лились из уст пастыря, как ручей из чистого родника. Он толковал слова священного писания: "В поте лица своего добывать свой хлеб". Вардан был удивлен: до сих пор он считал, что этими словами бог навеки заклеил человеческий род. А теперь он понял, что это была заповедь, запрещающая человеку лениться и обязывавшая его любить труд.

Священник кончил свою проповедь. Встал один из крестьян и прочел молитву: он просил бога даровать им здоровье, ум и силу, чтобы они могли плодотворно трудиться на созданной им земле, изобилующей всякими благами. "Что это за молитва, думал Вардан,- почему они не молятся о спасении души? Неужели они ничего не ждут от загробной жизни, а все их помыслы связаны с хлебом насущным, и они просят благ

только для земной жизни?”

Молитва окончилась, мужчины и женщины, старики и дети запели псалом Соломона: “Многие сказывали -кто укажет нам доброту господя? Ты явил нам свое светлое лицо, наполнив наши сердца радостью. Ты даровал нам в изобилии хлеб, вино, масло и другие плоды”.

“Опять все о земном,- думал Вардан,- и ничего о спасении души. Труженик поет об изобилии земли, которую он обрабатывает своими руками и которую даровал ему бог. Удивительно, как эти люди сочетают догмы религии с насущными потребностями Жизни”.

Но как чудесно звучит это пение, с которым гармонично сливаются звуки органа, как сладостно льется согласный напев из уст сотен людей. Вардану казалось, что голоса этих людей, слившись с пением херувимов, возносятся к божьему престолу. Он впервые в своей жизни слышал такую божественную музыку.

Богослужение окончилось. Народ стал расходиться. На амвон, с которого только что произносил проповедь священник, поднялся школьный учитель, а на скамьях, на которых сидели взрослые, расселись дети.

Девочки, сидя вместе с мальчиками, слушали учителя. “Неужели здесь идут занятия?- думал Вардан.- Неужели церковь стала школой? Ах, какие же это практичные люди, они не выстроили даже отдельного здания для школы”. Лицо учителя показалось Вардану знакомым: “Неужели это отец Марук? Черты лица, рост и даже голос - его”. Да, это был он, отец Марук, но только без рясы.

Вардан не верил своим глазам. Неужели это тот самый человек, который был противником школ и причинил столько неприятностей и хлопот ему и Салману? Неужели это тот самый священник, у которого за деньги можно было получить отпущение грехов и который заботился только о том, чтобы выжать побольше денег из своей паствы? Эти сомнения с такой силой овладели Варданом, что он не мог побороть любопытства и, подойдя к священнику, спросил:

- Батюшка, удалось ли вам получить деньги с ваших должников?

Священник принял его, по-видимому, за чудака. Он сурово взглянул на него и сделал нетерпеливый жест, давая понять, что он мешает занятиям. Учитель вел урок естествознания, и это еще больше удивило Вардана: богослов и естествовед - это было странное сочетание.

Не дожидаясь конца урока, Вардан вышел из церкви. Церковный двор поразил его: ни одной могилы, как это обычно бывает в ограде армянской церкви, но зато двор был засажен цветами и редкими растениями. Вардан долго стоял и любовался красивым зрелищем, пока один крестьянин, приняв его за чужеземца, не пригласил к себе позавтракать.

Крестьянин жил в одном из тех маленьких удобных и уютных домов, которые утопали в зелени. В доме было несколько комнат, обставленных простой .и удобной мебелью, повсюду царил образцовый порядок.

Юная дочь хозяина, весело напевая, с улыбкой вышла навстречу отцу. Казалось, грусть, тоска и жизненные невзгоды, были ей незнакомы. Ее не испугало появление незнакомого гостя, она не спряталась от него, как это обычно делали женщины армянки. Наоборот, она очень непринужденно заговорила с ним, словно со старым знакомым. У нее было удивительное сходство с Лалой. Это сходство привело Вардана в такой восторг, что ему захотелось прижать ее к груди и сказать: “Наконец-то я нашел тебя...”

Стол уже был накрыт для завтрака. Хозяйка налила кофе, сдобренное густыми сливками, и подала его в больших чашках!

Дочь протянула отцу утреннюю газету и с самодовольной улыбкой показала ему свою статью.

- А, тут помещена твоя статья, Лала,- заметил отец, на девая очки и поднося к глазам газету.

- Лала?!- вскричал Вардан в сильном волнении.

- Это имя часто встречается в нашем роду,- сказал хозяин.

Вардан немного успокоился, но все же не мог примириться с мыслью, что это не та Лала, которую он знал. Во всяком случае, если это не Лала, то ее призрак.

На Вардана произвела большое впечатление не только эта девушка, но и вся ее семья. Вначале он думал, что эти люди трудятся с утра до вечера, не зная отдыха. Но теперь убедился, что у них есть свои часы отдыха и веселья, что они ведут скромную, но полную довольства жизнь.

- Благополучие крестьянина,- сказал хозяин дома,- зависит не столько от постоянного и тяжелого труда, сколько от знания своего дела и умения облегчить свой труд. В природе таятся неисчерпаемые силы, созданные богом,- чтобы облегчить труд человека, надо только уметь ими пользоваться.

- Это правильно,- ответил Вардан,- если бы курды не отнимали у крестьянина плоды его труда, он был бы счастлив.

- Какие курды?- с удивлением спросил хозяин Дома.

- Те курды, которые грабят вас ежедневно.

- Ах, курды,- ответил хозяин, как бы с трудом вспоминая какое-то давно забытое слово.- Да, из нашей истории мне кое-что известно о курдах. Верно, они грабили и истребляли наших предков, но это было в далеком прошлом. Племя это постепенно цивилизовалось. Еще в начале прошлого века курды приняли нашу веру, их дети воспитывались в наших школах, и это племя постепенно слилось с армянами.

Вардан не верил своим ушам: ему казалось, что он видит сон, хотя и в самом деле, все, что он видел, происходило во сне.

Хозяин дома продолжал:

- В нашу историю курды вписали немало кровавых страниц. Нашего предка, который положил начало нашему роду, звали Хачо. Он был старостой этой деревни. Курды вырезали почти всю его семью, а он сам и двое его сыновей умерли в тюрьме. Из всей семьи остался в живых только внук Хачо, сын Айрапета...

- Тот самый, который бежал вместе с Сарой в Вагаршапат?- перебил его Вардан.

- Да. От него и пошел наш род.

- Его звали Оваким. У него была сестра Назлу, но она умерла одновременно с матерью, а осиротевшего Овакима воспитал доктор.

- А вы откуда знаете?- спросил хозяин дома, которого поразила осведомленность Вардана.

- Я был очевидцем этих событий,- ответил Вардан.- Это произошло во время нашествия курдов на Алашкертский уезд.

- Но ведь это было двести лет тому назад, а вы совсем еще молоды. Вы же не Мафусаил?- заметил хозяин дома с добродушной улыбкой.

Вардан не знал, что ответить. Ему тоже казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

Из окна комнаты, в которой они сидели, видна была зеленая равнина в кольце высоких гор, поросших густыми лесами. На фоне лазурного неба четко вырисовывались их исполинские вершины. В лучах утреннего солнца, подобно серебряным змейкам, прихотливо извивались бегущие по равнине речки. Вардан залюбовался этой чудесной картиной. Рука труженика преобразила и украсила природу с таким же искусством, с каким художник создает свои полотна.

- Говоря о турках и курдах, вы имеете в виду далекое прошлое,- продолжал хозяин дома,- но с тех пор многое изменилось. Поглядите на эти прекрасные горы! Полтора столетия назад на них не росло даже кустика. Варвары не только безжалостно истребляли людей, но и беспощадно уничтожали леса. Все окрестные горы и долины были оголены. Вместо топлива люди употребляли кизяк, и дома не из чего было строить, народ жил в землянках. Но когда настали мирные времена, опустевшие деревни заселились, а наши горы покрылись лесами, посаженными трудолюбивыми крестьянами. Взгляните на эту зеленую равнину. Некогда она была безводной и сухой пустыней, по ней протекала небольшая речонка, которая летом высыхала. Но с тех пор как здесь разрослись леса, в обилии появилась и вода. Теперь наша равнина самая плодородная в округе. Да, многое у нас изменилось. Раньше здесь было бездорожье, а теперь равнину пересекают зеркально-гладкие дороги, которые ведут во все города нашей страны. По этим дорогам несутся экипажи, которые движутся с помощью пара, а не лошадей. Все, что у нас производится, мы вывозим продавать за тысячи миль, а в обмен получаем необходимые товары.

Вардан с удивлением слушал хозяина, взгляд его остановился на Лале, и ему захотелось узнать, учится ли она.

- Неделю назад она окончила вагаршапатскую гимназию,- сказал отец, а теперь готовится к поступлению в университет, хочет изучать медицину. У нее слабое здоровье, и я уговариваю ее провести несколько месяцев в деревне, но она не соглашается.

- Сколько у вас детей?
- Наш род всегда был многочисленным. Семья нашего предка, старосты Хачо, насчитывала более пятидесяти человек. У меня пятеро детей. Лала - единственная дочь, остальные сыновья.
- Чем же занимаются ваши сыновья?
- Один лесничий, он работает вот в этих лесах, которые вы видите перед собой; другой - профессор в Каринском университете; третий - полковник; четвертый учится в сельскохозяйственном училище в Ново-Багреване.
Вардан впервые слышал о таком городе.
- Я что-то не помню такого города,- сказал он.
- Это бывший Баязет, теперь он переименован. Многие наши города, провинции и деревни переименованы.
Хозяин дома взял газету и стал просматривать ее. Что-то его взволновало. Вардан, заинтересовавшись, спросил:
- Что пишут в газетах?
- Ничего особенного... Завтра в городе созывают общее собрание депутатов... Будут обсуждаться некоторые спорные вопросы... Не знаю, к какому решению придут... Все партии очень взволнованы.
- И вы там будете?
- Не могу не быть.
Из дальнейшего разговора выяснилось, что хозяин дома был депутатом от крестьян этой местности.
Когда завтрак был окончен, Вардан поблагодарил и собрался уходить.
Если вы пожелаете осмотреть наши деревенские учреждения, я с удовольствием буду сопровождать вас.
Благодарю вас, господин,- ответил Вардан.
Возможно, вам придется еще раз побывать в нашей деревне,- сказала хозяйка,- милости просим к нам.
Благодарю вас, госпожа,- ответил Вардан с поклоном.
- Вы у нас не будете скучать,- с приветливой улыбкой сказала ему девушка.
- Я вам очень благодарен,- почтительно откланиваясь, ответил Вардан.
Вардан вышел на улицу с чувством какой-то неловкости; в сравнении с этими цивилизованными людьми он казался себе дикарем. Почему он остался таким неотесанным и необразованным - не умеет вести разговор и держаться так же непринужденно, как они? Разве это не чудо, что род старосты Хачо, пройдя через горнило веков, предстал перед ним обновленным и облагороженным!
Вардан вместе с хозяином дома шли по деревенской улице.
По дороге им попадались опрятно одетые крестьянки и крестьяне в рабочих костюмах. Вардан удивлялся тому, как изменилась деревня. Исчезла мужицкая грубость, всюду чувствовался живительный дух просвещения и разумная, деятельная жизнь. Одно только оставалось неизменным - армянский язык. Но как по-новому, благородно и красиво звучал он в устах армянина.
Вардан вместе с хозяином вышли за околицу. Всюду, куда ни падал взор, виднелись богатые фермы, пышные сады, хорошо обработанные поля и тучные пастбища.
Они шли мимо лесопильного завода, работавшего на паре. Лесопилка снабжала все ближайšie деревни и города строительным материалом.
- Кому она принадлежит?- спросил Вардан.
- У нас нет частной собственности,- ответил его собеседник.- Все предприятия принадлежат сельской общине, и каждый крестьянин имеет в нем свою долю. Древесину доставляют из ближайших лесов, которые тоже являются собственностью общины.
Они миновали лесопилку.
- А вот это большое предприятие,- указал Вардану его провожатый,- сыроваренный завод. Здесь изготавливается лучший сыр во всем уезде. Этот завод также принадлежит сельской общине. Каждый крестьянин сдает сюда свое молоко, и, когда делится прибыль, он получает свою долю - или деньгами, или сыром.
Они вышли в поле. Была пора жатвы, но жали не серпом, в поле работала машина, заменявшая труд сотен людей. Теперь Вардану стало понятно, каким образом можно облегчить труд крестьянина. Они прошли мимо мельницы, которая приводилась в

движение паром. Здесь мололи пшеницу со всех окрестных деревень. Белоснежную муку вывозили на продажу в другие страны. Мельница тоже принадлежала сельской общине.

Но больше всего поражало Вардана, что все сельские труженики, попадавшие им на пути, имели вид людей мужественных, решительных и смелых. Словно они выросли, не зная ни гнета, ни неволи, не изведав страха перед турками и курдами. Он видел трудолюбивых людей, способных в любой момент сменить плуг и соху на оружие и бесстрашно сразиться с врагом.

- Во время войны они превращаются в солдат,- объяснил

Вардану его провожатый.- Работа в это время приостанавливается. Война приносит нашей стране много потерь, хотя она порой неизбежна.

Осмотрев поля, они повернули обратно в деревню. По пути им попало новое здание, напоминавшее своим видом образцовую ферму.

- Это наша сельскохозяйственная школа,- пояснил хозяин.- А та, в которой мы побывали утром,- начальная школа.

Хотя Вардан одно время был учителем, но такую школу он видел впервые.

Она была оборудована всем необходимым для изучения сельскохозяйственной науки. К школе примыкало обширное поле, разделенное на участки, на которых работали ученики. Это был целый питомник всевозможных растений и цветов. Здесь школьники учились главным образом по чудесной книге живой природы. В определенные часы они занимались гимнастикой, учились владеть оружием.

Такая школа подготовит хороших земледельцев и хороших воинов",- подумал Вардан.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, он распрощался с ним. Задумчиво шагая по улице, он увидел необычного вида экипаж, по обеим сторонам которого сидели люди. Узнав, что экипаж направляется на железнодорожную станцию, Вардан сел в него. На станции он увидел большую толпу пассажиров, ожидавших поезда. Вдруг за его спиной раздался голос:

- Вардан!

Он обернулся, перед ним стоял Салман. Друзья обнялись.

- Да, дружище,- заговорил Салман, взяв за руку Вардана,- вот мы и встретились снова, через двести лет! Довольно долгий промежуток времени... За эти два столетия многое изменилось в нашей стране... Ты помнишь, Вардан, я тебе как-то говорил, что на заре истории Армения была колыбелью человечества. Но я предсказывал, что пройдет время, она станет на ноги, возмужает, и настанут райские времена ее расцвета.

Мое пророчество сбылось. Теперь жизнь армянина в безопасности, он весело и мирно трудится на родной земле. Но если бы ты знал, сколько пришлось положить сил на это... Мы трудились не покладая рук. За эти два столетия мы преодолели тысячи трудностей... Немало крови пролилось, пока мы завоевали свою свободу...

- Куда же ты сейчас едешь?- спросил его Вардан.

- В город, на собрание депутатов, я делегат от нашей провинции... Поедем вместе, Вардан, я должен там выступить, быть может тебя заинтересуют наши споры.

Раздался свисток поезда, они вошли в вагон. В город они приехали под утро. В этот ранний час красавец город еще спал. На улицах встречались лишь рабочие, спешившие на работу.

- В гостиницу "Голубь Ноя", - приказал Салман вознице.

Экипаж помчался по прямым и ровным улицам. С двух сторон тянулись великолепные здания. Вардану казалось, что они проезжают мимо множества дворцов. Указывая на здания, Салман пояснял:

- Вот это бывший царский дворец, теперь здесь музей.

Вот это - знаменитый театр. Вот это - больница. А вот памятник героям последней революции. Это редакция газеты, выходящей тиражом в сто пятьдесят тысяч экземпляров. Это...

- А где помещаются казармы?- прервал его Вардан.

- Казарм в городе нет: у нас каждый гражданин одновременно и солдат.

- Какой чудесный город!.. - воскликнул Вардан с восхищением.

Экипаж остановился у гостиницы "Голубь Ноя". Салман и Вардан вошли в комнату, примыкавшую к большому залу. Здесь они застали Томаса-эфенди и Мелика-Мансура,

которые о чем-то горячо спорили.

- Это все равно, что учить осла грамоте,- говорил Томас-эфенди.

- А по-моему, это лучший путь, он приведет нас к желанной цели,- ответил Мелик-Мансур с жаром.

Это слишком долгий путь, таким путем мы придем к цели только на ослиную пасху,- насмешливо сказал Томас-эфенди.

Д вот послушаем, что скажет Салман,- прервали они свой спор.

Какое же было их изумление, когда они увидели Вардана.

Он словно из-под земли вырос.

- Ты что, с того света явился?- с улыбкой спросил Томас-эфенди.

- О том же я хотел спросить тебя,- ответил Вардан, пожимая ему руку.- Я нашел твое искалеченное тело у подножья Алашкертских гор, а потом тебя похоронили на курдском кладбище...

- А теперь я воскрес,- рассмеялся Томас-эфенди,- ты, видимо не веришь в учение о переселении душ. Моя душа попеременно вселялась в самых нечистых животных... Несколько десятилетий я был волком, жил охотой... Десятки лет я был собакой служил тем, кто меня кормил... Десятки лет я был змеей пресмыкался и жалил... Долгое время я был ослом и меня столько тянули за уши, что я растерял остатки ума... Наконец моя несчастная душа переселилась во льва, и тут-то она очистилась Этот круговорот я совершил за двести лет. Египетские мумии покоящиеся в пирамидах, ждут тысячелетиями возвращения души, а моя душа значительно быстрее совершила этот круговорот...

- А я имею счастье видеть сейчас преобразившегося Томаса-эфенди,- прервал его Вардан.

- Да прежний Томас-эфенди был сыном своего века, но время изменило его, теперь он один из лучших представителей нынешнего поколения, а нынешнее поколение далеко ушло вперед дорогой Вардан. Ты помнишь коробейника Мелик-Мансура который бродил по алашкертским деревням? Теперь он генерал и командует особой воинской частью. Вардан повернулся к Мелик-Мансуру и с уважением пожал ему руку.

- Мы опаздываем, господа, заседание скоро начнется, заторопился Салман.

- Он лидер нашей свободомыслящей партии,- сказал на ухо Вардану Томас-эфенди, указывая на Салмана.- На сегодняшнем собрании он собирается произнести речь. А какой он превосходный оратор!..

- Возьмите и меня с собой, господа, я тоже хочу пойти на собрание!- воскликнул Вардан.

- Идем,- услышал вдруг Вардан незнакомый голос... Он открыл глаза и понял, что ему снился сон.

Его окружала ночная мгла, и он по-прежнему лежал на могильном холме несчастной Лалы. Но кому принадлежал этот незнакомый голос, который разбудил его, кто сказал ему: "Идем"?

Внезапно чьи-то четыре сильные руки подхватили Вардана, и все потонуло в ночной мгле...